

Адин Эвен-Исраэль  
(Штейнзальц)

Мы,  
еврей...







Книга издана при участии  
Евро - Азиатского еврейского Конгресса

Центр Штейнцальца благодарит руководство  
ЕАЕК во главе с господином  
Михаилом Миролашвили за  
поддержку нового издания книги и совместного  
проекта «Слово Раввина».

Мы,

Адин Эвен-Исраэль  
(Штейнзальц)

евреи...



# СОДЕРЖАНИЕ



Предисловие к новому изданию	5
От автора	11
Кто такие евреи?	15
Отбор и выбор	59
Эмоциональность и рациональность	69
Идолопоклонство	89
Царство священников	107
Трагический актер	125
Автоантисемитизм	147
Единство и множественность	153
Еврейская мама	171
Евреи и деньги	187
Ярмо избранности	207
Сионские мудрецы	227
Мессианский комплекс	251
Об авторе	271

## От автора

**М**ы, евреи... – не столько книга, сколько откровенный разговор в кругу близких. Речь отнюдь не о семейных тайнах, которые не принято обсуждать в присутствии посторонних, однако затронутые в ней вопросы занимают, в основном, именно

евреев. Точнее говоря, большинство евреев, живущих в диаспоре. Они не всегда сформулированы именно таким образом, зачастую даже не обсуждаются вслух, но являются источником беспокойства, сомнений, тревог.

«Мы, евреи...» не проповедь, не апологетика или критика. Это попытка обсудить с читателем сложившуюся ситуацию в целом – ее причины и следствия, достоинства и недостатки, настоящее и будущее еврейского народа.

Это и не ученый трактат, рассчитанный на специалистов. Мы поговорим о вещах, в той или иной степени относящихся ко всему еврейскому народу, или, как минимум, к его значительной части. Конкретные примеры приводятся только для того, чтобы прояснить некое утверждение, не оставив рассуждение абстрактным. Разумеется, любое обобщение не может быть точным в деталях, особенно если разговор идет о столь многоликом и разрозненном народе, с таким количеством специфических черт – многие факты, личности и события неизбежно не «вписываются» в предлагаемые схемы и подходы.

Много места в книге уделено истории. Однако автор не склонен заниматься историческими изысканиями: его интересуют лишь те аспекты прошлого, которые могут объяснить настоящее. Исторические сведения необходимы не для удовлетворения любопытства, а для понимания происходящего, прогнозирования будущего. Все предлагаемые формулировки и утверждения иллюстрированы примерами из повседневной действительности.

Возможно, этот текст покажется кому-то недостаточно духовным, религиозным, поскольку многие вещи здесь получают материалистическое объяснение. Тем не менее, все написанное здесь отражает религиозное мировоззрение автора, который обращается к читателю, привыкшему именно к подобной манере изложения. С другой стороны, наверняка найдутся читатели, которые сочтут, что здесь слишком много религиозных и даже мистических рассуждений. Ответом может послужить сказанное выше – автор использует те приемы и формы

изложения, которые представляются ему наиболее подходящими для адекватного выражения реалий и идей.

Было бы ошибкой видеть в этой книге сборник отдельных статей. Все написанное в ней посвящено одной-единственной теме – становлению еврейского самосознания. Автор не обходит острые темы, высказывает спорные идеи, чтобы заставить читателя думать и, может быть, прийти к новым выводам.

Книга родилась спонтанно, в ходе встреч с разными людьми, живущими в самых разных местах. Она была изложена на бумаге в основном в Вашингтоне, в Международном научном центре им. Вудро Вильсона, оказавшимся вполне удобным местом для воплощения творческих замыслов. Редактировалась в Иерусалиме, где прошлое смешано с настоящим, а повседневность – с вечностью.



## Кто такие евреи?

**В**опрос о том, кто вправе называться евреем, вновь и вновь порождает горячие споры. Обсуждение проходит так эмоционально, потому что его решение прямо затрагивает интересы и судьбы многих людей, не говоря уже о далеко идущих последствиях возможных вариантов ответа. *(Спор, возникающий из-за проблемы «кто еврей», имеет идеологическую и политическую подоплеку. С точки зрения граждан государства Израиль, определение еврейства важно, в первую очередь, для формирования идеологического вектора внутренней политики. В настоящее время вопрос о еврейском*

характере государства намеренно неопределенный и расплывчатый. С точки зрения живущих в странах диаспоры, эта проблема имеет, в основном, общественно-политический смысл, она результат и следствие конфликта из-за вопроса о легитимности различных течений и движений в современном еврействе). Но, несмотря на накал страстей, этот вопрос вторичен по отношению к основному: что определяет «несомненного» еврея, в чем суть еврейства? Ведь установление границ любого явления зависит от определения его сущности. Когда обсуждается принятие или исключение человека или группы из некой общности, определяется отношение людей, по поводу которых есть сомнения, к сообществу тех, по поводу которых сомнений нет. Отношения между ними могут определяться происхождением, браком, религиозной принадлежностью, но в любом случае ясно, что исходная точка рассуждения – то «ядро», по поводу которого нет вопросов. Обсуждение принадлежности затрагивает, в первую очередь, тех, кто находится «на обочине» еврейства, тех, по поводу которых имеются обоснованные сомнения, в какой степени, и с какой точки зрения они принадлежат к еврейскому народу.

Проблема определения еврейства возникла относительно недавно. В недалеком прошлом такой

проблемы не существовало, поскольку народ Израиля был достаточно монолитной общностью, объединенной единой верой и системой заповедей. Хотя порой и возникали сомнения по поводу различных этно-религиозных сообществ: считать их интегральной частью нашего народа или самостоятельными группами, которые в своей эволюции зашли так далеко, что полностью вышли за его рамки. [Так, к примеру, отношение к самаритянам было проблемой, занимавшей еврейских духовных лидеров начиная с библейского периода (см. Млахим 2, глава 17) и до завершения эпохи таннаев, то есть в течение примерно тысячи лет]. Однако и тогда, как и в наши дни, это было, в основном, обсуждением «пограничных зон», ведь по поводу подавляющего большинства народа никаких сомнений не возникало. Несмотря на существенные различия в обычаях и практике иудаизма, а также на обширность диаспоры, общая база была столь велика, что не оставляла места для вопроса.

На протяжении практически всей нашей долгой истории определение евреев как религиозной общности было самоочевидным. Говоря словами великого философа и раввина Саадьи Гаона: «Наш народ – народ лишь в Торе». Другими словами: еврейская идентичность обусловлена иудаизмом, и только он объединяет столь разные группы евреев.

Однако в определении евреев как религиозной общности есть проблема: в наши дни бóльшая часть еврейского народа не соблюдает нормативного комплекса заповедей и не приемлет традиционного мировоззрения. Это происходит либо потому, что представители значительной части еврейства принадлежат к религиозным направлениям, которые, хотя и определяют себя как еврейские, но, бесспорно, не являются последовательным развитием традиционного иудаизма, либо, что еще более распространено – по причине ухода (зачастую – уже унаследованного) из иудейской религии в любом ее понимании. *(Не касаясь легитимности различных религиозных течений, и не рассматривая вопрос, есть ли у них основания утверждать, что они выражают «истинный дух» иудаизма, следует отметить, что не только реформистское, явно и декларативно прервавшее связь с еврейским законодательством и религиозной практикой, но и консервативное движение, которое, в недавнем прошлом, утверждало свою преемственность и легитимность, сознательно произвели существенные изменения в повседневной практике иудаизма, диктуемые господствующими настроениями и тенденциями внешнего, нееврейского происхождения. С этой точки зрения ясно, что они являются следствием некоего разрыва, после*

*которого их иудаизм уже не может однозначно рассматриваться как аутентичный).* Однако даже те, кто подвергают этих людей острой критике за непоследовательное и избирательное соблюдение еврейского религиозного законодательства или отказ от него, однозначно признают, что они являются евреями (это, собственно, и служит основанием для осуждения). Так что же определяет и объединяет столь непохожих друг на друга людей, между которыми нет действующей связи единой веры?

Здесь будет нелишним напомнить о существовании еще одной проблемы, непосредственно связанной с изложенным выше: все попытки дать определение иудаизма набором основополагающих принципов никак не выявляют его уникальность, или же их оказывается так много, что они уже не могут быть названы определением. Получившие широкую известность «Тринадцать принципов веры» Рамбама, содержат положения, отличающие еврейскую веру от других, но и они не образуют исчерпывающую формулировку (если сказать точнее, то они определяют многие из границ иудаизма, но не его суть. Рамбам (Маймонид) и не собирался дать определение иудаизма, он лишь выделил «опорные точки» веры.) Недаром многие мудрецы утверждали, что принципиально невозможно дать такое определение, которое бы

было кратким, уникальным и истинным одновременно [к примеру, на эту тему много писал р. Ицхак Абарбанель (1473-1508)].

1. Вавилонский  
Талмуд, Шабат  
31а, Макот  
24а.

Уже в Талмуде мы находим попытки великих мудрецов прошлого свести всю Тору к ограниченному числу постулатов.<sup>1</sup> Однако, сколь бы правильными, красивыми и афористичными они ни были, всякий раз, когда иудаизм пытаются определить через минималистское определение, выясняется, что у него есть глубокое религиозное или гуманистическое содержание – но нет никакой уникальности. Формулировки подобного рода могут быть хороши для всякой религии (или даже не для религии), но они ничего не определяют. Для того, чтобы они обрели должный смысл, их надо ввести в еврейский контекст, прибавить к любой из них важное дополнение: «изложенные принципы должны реализовываться специфически еврейским образом». Другими словами, их необходимо соотносить с общей концепцией иудаизма, не поддающейся обобщенному определению. Следовательно, подобные принципы и положения, предложенные в разные эпохи, – не более чем варианты привязки к явлению, которое принципиально невозможно исчерпать формулировкой.

Еще никому не удалось дать такое определение иудаизму, которое позволило бы «подогнать» под

него всех (или хотя бы большинство) современных евреев, сохранив при этом хотя бы малую толику специфического еврейского содержания. А если понимать иудаизм в его полноте, выясняется, что едва ли не большинство ныне живущих евреев никак с ним не связаны. Поэтому в наше время и не получается определять еврейский народ через религиозную принадлежность.

В контексте сказанного правомочен и другой важный вопрос: а можно ли называть иудаизм религией в том смысле, в котором этот термин обычно применяется? Ведь религия – это не столько система верований и ритуалов, сколько выражение универсальной истины, к которой стоит приобщиться каждому человеку. Занимается ли некая религиозная группа активным миссионерством или не прилагает к этому особых усилий, она равно исходит из посылки, что обладает истиной, относящейся ко всему миру, ко всем людям. [Это верно не только по отношению к христианству и исламу, которым миссионерство присуще изначально, но и по отношению к буддизму, который веками проводил большую миссионерскую работу в разных странах, вплоть до попытки послать миссионеров в Римскую империю во времена буддистского правителя Ашоки. Даже религии, не

занимавшиеся организованной миссионерской деятельностью (например, индуизм), исходят из того же базового предположения, что в принципе они подходят каждому человеку]. Иудаизм, напротив, на протяжении всей своей истории избегал миссионерства, не стремился обратить мир в свою веру. Разумеется, в нем есть обращенные ко всему человечеству универсальные заповеди, однако они вовсе не идентичны иудаизму – им самим они определяются как «семь заповедей потомков Ноаха». [Согласно представлениям иудаизма, Всевышний через Адама и Ноаха (Ноя) дал человечеству следующие законы: запрет идолопоклонства – вера в единого Творца, запрет богохульства, убийства, прелюбодеяния, воровства, употребления в пищу плоти, отрезанной от живого животного, обязанность создать справедливую судебную систему. Соблюдение этих семи заповедей является обязательным для всех неевреев. Людям любого происхождения, сознательно соблюдающим эти заповеди, и признающим их божественное происхождение, уготовано место в грядущем мире наряду с евреями]. Иудаизм явно и специфически обращен к сынам Израиля, следовательно, он не является религией в обычном смысле этого слова.

Само его существование обусловлено исходным бытием еврейского народа; некой данности, общности, по отношению к которой иудаизм действителен.

В последних поколениях активно искали такое определение еврейству, которое подходило бы для всего народа в его нынешнем состоянии. Однако, несмотря на многочисленность предложенных дефиниций, все они оказались неприемлемы для большинства евреев – при ближайшем рассмотрении становится ясным, что ни одна из них не выдерживает проверки реальностью. Это справедливо даже по отношению к прошлому еврейского народа, не говоря уже о настоящем.

Все попытки определить принадлежность к народу Израиля посредством критериев, обычно применяемых для подобных целей, оказались безуспешны. Ясно, что евреи не раса. Обратное неверно даже с сугубо исторической точки зрения – на протяжении тысячелетий в народ Израиля вошло множество прозелитов, потомков иных рас и народов, поэтому идея «чистоты еврейской расы» нелепа изначально. В свое время нацисты приложили много усилий, пытаясь определить расовые критерии еврейства, но так и не смогли их обнаружить.

Так же, как евреи не являются расой, они не являются и нацией. Базовое определение нации как

исторически сложившегося, устойчивого сообщества людей, объединенных территорией, языком, культурой и происхождением, не подходит к народу Израиля ни в прошлом, ни в настоящем.

Что касается общности территории – большинство еврейского народа – со времен гибели Израильского царства и по сей день – рассеяно по миру. Если говорить о языке – хотя иврит использовался как культовый, «святой язык», который знало большинство евреев, в быту повсеместно использовались иные языки. Установить языковую общность было трудно и в те времена, когда большинство евреев говорили по-арамейски и по-гречески, и в те, когда они говорили по-арабски, на идиш или ладино. Это еще более явно в наше время, когда и святым языком, ивритом, владеет лишь меньшая часть ныне живущих евреев. Если обратиться к культуре – та же ситуация. Целостная еврейская культура существовала лишь в религиозной сфере. Однако в наше время у немалой части (возможно, у большинства) еврейского народа от нее остались лишь фрагментарные воспоминания, которые не только не создают единой культуры, но и кардинально отличаются друг от друга в разных местах проживания. *[Ностальгическое влечение к языку идиш (который после Катастрофы практически перестал быть живым языком для большинства*

*ашкеназских евреев), к «еврейскому местечку» и «еврейской кухне» не только мало распространено, но и не единообразно. То же относится к попыткам «создать» культуру евреев Северной Африки путем празднования Мимуны в Израиле. Все это – фольклор, и зачастую искусственный, который меняется от места к месту, в соответствии с религиозно-культурными особенностями евреев данной местности. У выходцев из Восточной или Западной Европы, ашкеназов, сефардов и йеменцев в этом смысле нет общей культуры]. Вопрос происхождения лучше не затрагивать – выше уже говорилось о многочисленных прозелитах и потомках смешанных пар.*

Уже можно с натяжкой назвать нацией евреев, живущих в государстве Израиль. *[На заре сионизма ассимилированные евреи горячо обсуждали эту проблему с разных сторон. И многие яростно отрицали предположение, что еврейская нация существует в какой-либо форме. Даже решение коммунистов (в своей основе сформулированное Сталиным), что евреев как нации не существует, на практике привел к фактическому уничтожению еврейской культуры в Советском Союзе, было не только плодом ненависти к евреям, но и результатом аномальности еврейского существо-*

вания]. Но при поиске определения для всех евреев национальные определения не подходят. Поэтому не удивительно, что и сторонние наблюдатели, и сами евреи в большинстве своем не приняли идею существования специфической «еврейской нации».

Даже не так далеко идущее определение – «этническая группа» (не требующее соблюдения всех условий, которые есть в определении нации) – здесь не годится. Разумеется, в местах компактного проживания евреи могут образовывать этнические группы со всеми признаками таковых. Однако, когда речь идет не только о жителях какой-либо одной местности, но о евреях вообще, – отсутствие этнического единообразия становится очевидным. Таким образом, у еврейского народа в целом нет общего языка, обычаев, фенотипа, образа жизни или иных параметров, которые могут определить единую этническую группу.

Невозможность дать еврейскому народу определение согласно общепринятым критериям привела некоторых политиков и идеологов к отчаянным попыткам придумать новые расплывчатые дефиниции, такие, например, как «историческая общность». Разумеется, таковая действительно существует, но для большинства современных евреев общая часть истории отстоит на полторы-две тысячи лет. Сохране-

ние актуальной исторической связи со столь далеким прошлым, если она не подкрепляется иными, более реальными факторами, нелепо. Попытки провести подобные связи между различными нациями (даже на куда более коротком промежутке времени) либо создают бессмысленные мифы, либо разбивают реально существующую общность на враждующие друг с другом национальные группы. *[Например, попытка нацистов воссоздать воображаемую «арийскую расу», попытки немцев создать заново национальные группы, например «германцы» (включив в них народы Скандинавии и Англии) или «тевтонцы», а также панславистские, панарабские и пантюрокские идеи. С другой стороны, несомненно, что какое-то количество ныне существующих национальных единиц на основании их древнего разделения можно разнести на различные национальные группы – во Франции, Испании, Италии и во многих других государствах].*

Смысл у исторической связи есть только в том случае, если она сохраняется естественно и осознанно. Для большинства евреев это не так, ведь они едва ли помнят о богатом прошлом своего народа, (возможно, исключая Катастрофу европейского еврейства, но это слишком недавнее потрясение), а когда память сознательно не сохраняется и не обновляется, то она становится абстрактным понятием.

Еще более расплывчатая, но, тем не менее, весьма популярная в определенных идеологических кругах идея – это «общность судьбы». На практике это означает, что евреи определяются через чужеродность, враждебность или ненависть народов мира. Носители этой идеи дают право определять еврейство на откуп антисемитам всех мастей, что не только сомнительно с моральной точки зрения, но и не отвечает на главный вопрос: что же это за общность, которую обособляют или ненавидят столько людей? То, что есть те, кто ненавидят и презирают евреев, делает их преследуемыми, но не создает явления и не определяет его. Объявления типа «Евреям и собакам вход воспрещен», возможно, вызывает у читающего чувство солидарности с унижаемым народом, но ничего не объясняет.

Чтобы понять, в чем заключается сущность еврейства, необходимо вернуться к исходным, базовым определениям – к тем, которыми оперирует Тора. Она называет еврейский народ «домом Израиля», или «домом Яакова». Иными словами, народ Израиля понимается как семейно-родовая общность. Она начиналась как род праотца Авраама, росла и крепла, пока не превратилась в племя, а затем – в народ. Однако, несмотря на рост численности и силы, понимание внутренних связей между ними осталось семейным.

Многочисленность, создание правовых, государственных и общинных институтов, даже скитания и жизнь в диаспоре ничего не изменили. Евреи – это те, кто относятся к «дому Израиля». А все, что они делают в религиозной, национальной или какой-нибудь еще сфере является производным от этого. Связь, которая существует между евреем и его народом, так же, как взаимная связь между евреями, обусловлена не проживанием в определенном месте, религиозной или культурной принадлежностью, а именно этой семейно-родовой общностью, которая оказывается основой для построения социальных и мировоззренческих концепций, предпосылкой осмысления всех типов отношений. Ею определяется характер отношений с представителями иных народов и культур и, в еще большей степени, восприятие соплеменников.

Этот тип принадлежности отличается тем, что он – данность, не зависящая от отношения к ней. Родственников можно не любить и не уважать, отдалиться от них, даже преднамеренно им вредить – но человек не волен выбирать семью или избавиться от своего происхождения. Именно поэтому евреем не становятся, а рождаются. Принятие на себя долга веры, исполнение заповедей иудаизма или любой другой способ связи с евреями и еврейством

зависят от личного выбора, души и воли, но факт принадлежности не зависим ни от чего.

Такое понимание еврейства основывается не только на биологическом родстве. Разумеется, народ Израиля как целое восходит к Аврааму, Ицхаку и Якову, но еврейская «семья» ни в коем случае не тождественна генеалогическому продолжению праотцев. То, что отношения подобного рода определяются не только и не столько генетикой, особенно заметно в некоторых ситуациях, часто встречающихся в наше время. Еврейская традиция четко различает тех, кто родился от нееврейского отца и еврейской матери (и считается евреем) и тех, кто родился от еврейского отца и нееврейской матери (и не считается евреем). Равные, с биологической точки зрения, степени родства не дают равного результата, то есть сами по себе не делают человека евреем. С другой стороны, прозелит, гер, принимающий иудаизм, считается сыном еврейского народа и членом еврейской семьи во всех смыслах: в своей молитве он, как всякий другой еврей, говорит: «наши праотцы Авраам, Ицхак и Яков».

Многие народы, согласно нашей же традиции, являются потомками Авраама и Ицхака – например, часть современных арабов, некоторых других семитских народностей. Но они, несмотря на происхождение,

ние, ни с какой точки зрения евреями не считаются. Их биологическое родство с народом Израиля не приводит к изменению их статуса. *[Точнее, сама Тора говорит о биологическом родстве ряда народов с Израилем: аммонитян и моавитян (потомков Лота, племянника Авраама), исмаильтян (потомков Авраама), эдомитян (потомков Эсава, сына Ицхака). Однако, отношение к ним двойственное. Так же как есть законы, запрещающие наносить им слишком большой вред, есть и особые законы отдаления от них. Более того, сыны Ишмаэля, более близкие к евреям, чем сыны Лота, не имеют никакого особого родственного статуса, так же как нет его у арамейцев, родственников Авраама, и у Амалека (одного из потомков Эсава), который является объектом вражды, по еврейской традиции].*

Все это становится объяснимым при понимании того, что «Дом Израиля» – не семья в биологическом смысле слова, а сообщество людей, не обязательно имеющих общее биологическое происхождение, но объединенных связью, которая может быть уподоблена семейной. Эта концепция еврейства выражена теологическим определением: мудрецы говорят, что там, где в Писании говорится о «отце твоём» – подразумевается также и Всевышний, а о «матери твоей» – Община Израиля. (*«Кнесет Исра-*

эль» – каббалистическое понятие, выражающее совокупность всего еврейского народа.) В этом утверждении в явном виде присутствует отношение к еврею как к ребенку в семье, однако родители в ней – не Авраам и Сара, но Всевышний и Община Израиля. Отношения между ними метафорически описаны в Писании как отношения между мужчиной и женщиной, а их союз уподоблен браку. Продолжением этой метафоры является восприятие евреев как детей, порожденных этой связью – «сынов Израиля».

Это лишний раз подчеркивает суть первичной связи: Всевышний – отец семейства, Pater Familias дома Яакова, и для них Он, в первую очередь, Отец, а не Властитель. Разумеется, в доктрине иудаизма Всевышний – Царь и Властелин, Он «Владыка мира», «Царь царей» и т.п. Но главное то, что Он – наш Отец, к которому дети навечно привязаны особой, личной связью; гораздо крепче, чем они связаны с Ним как подданные, подвластные Ему слуги. [Теологический вопрос, в какой мере все люди являются детьми Творца – это отдельная тема, которая нами не рассматривается. Отношения между человеком и Всевышним многолики. Так же, как они многолики с точки зрения теологии, они многообразны с точки зрения личного чувства. Однако религиозность не обязывает к отношению или чувству, связанному

именно с образом Отца. Осмысленная религиозная связь может выражаться многими другими способами (например, Творец, Властитель, Любящий), и в ней будет и смысл, и глубокое религиозное переживание. Но с точки зрения иудаизма «семейные» отношения отец-сын существенны и принципиальны для религиозной доктрины, не понятной без этого].

Подобная концепция очень важна для понимания еврейской религиозности вообще и ее эмоционального содержания в частности. Иудаизм, как это множество раз отражено в Писании в различных формах, – регламентированные отношения между Отцом и Его детьми, сынами Израиля, а специфические обязанности последних – это семейный кодекс, обусловленный подобной связью. Ведь они, с одной стороны, Его избранные дети, а с другой – те, которых Он (именно потому, что они Его дети) судит гораздо более сурово, пристрастно. Еврейская религия является семейными верованиями и устоями, многое в ней вовсе не предназначено для всего человечества и не имеет общечеловеческой значимости, целый ряд заповедей – приметы внутрисемейной памяти, напоминания о важных событиях в жизни семьи, знаки и способы отделить себя от других. И даже строгие религиозные требования, к примеру, в сфере

законов супружеской жизни или имущественного права, предназначены именно для евреев.

Из этого понимания есть крайне важное следствие: евреи – Его дети, а ребенок, восстающий против отца, не перестает быть таковым. Более того, не только непокорный сын, но и такой, что кричит на всех площадях, что у него нет и никогда не было отца, всего лишь выражает протест. Мудрецы Талмуда<sup>2</sup> отмечают, что даже когда сыны Израиля не выполняют волю Всевышнего и восстают против Него, они называются Писанием «глупые сыновья», «сыновья, которым нет веры», «семя злодеев, сыновья-губители», но не теряют своего статуса.

Как уже было сказано выше, в еврейской «семье» есть как Отец, так и Мать. У этой двойной связи – большой теологический и практический смысл. Так же, как существует связь, которую можно назвать вертикальной – вверх, к Отцу, существует и горизонтальная связь – с Матерью, Общиной Израиля. На практике это означает, что человек не может быть евреем лишь придерживаясь определенных отношений с Всевышним, поскольку невозможно принадлежать к еврейской религии, не принадлежа к еврейскому народу. Тот, кто пытается построить такие отношения, без того чтобы признать и сохранить связь с Общиной Израиля, подобен человеку,

2. Вавилонский Талмуд, Кидушин 36а. См. там спор мудрецов Мишны на эту тему.

который признает наличие отца, но отрицает, что у него есть мать. [Рамбам пишет: «Отошедший от обычаев общества, даже если не совершал проступков, кроме того, что отделился от общины Израиля, не исполняет заповедей вместе со всеми, не участвует в их бедах, не постится, когда они постятся, но идет своим путем как один из неевреев, а не как член общины – нет у него удела в будущем мире» (Мишне Тора, Законы Раскаяния 3:11)]. Одна связь устанавливает другую: иудей – сын еврейского народа, сын «Общины Израиля». Отказ от своего народа и отрицание основ веры тождественны: это лишь разные варианты отрицания связи с еврейской семьей.

Отсюда выражение в Пасхальной Агаде: «исключил себя из общины и тем самым отрицал основы веры». Концепция еврейства как общности семейного типа – не теологическая абстракция. Она нашла свое выражение в законодательстве: тот, у кого родители евреи, даже если его предки были далеки от иудаизма и его поступки не соответствуют еврейскому образу жизни, является евреем. Для еврея нет ни ритуала принятия иудаизма, ни способа выйти из него. (Некоторые думают, что обрезание является ритуалом принятия иудаизма для ребенка. Это не так. Обрезание – это заповедь, возложенная на родителей ребенка-еврея мужского пола, до-

стигшего восьмидневного возраста. Эту заповедь также обязан исполнять каждый еврей (если это не опасно для жизни) в любом возрасте. Неисполнение ее – серьезный проступок, за который полагается наказание Свыше (Берейшит, 17:4), но оно совершенно не отменяет еврейства ребенка. Ребенок, родившийся у еврейской мамы – еврей, даже если он не обрезан. Ошибочное понимание, что ребенок «становится евреем» путем обрезания, следует из путаницы понятий между обрезанием еврейского младенца и обрезанием гера, а также между обрезанием младенца и христианским обрядом крещения.) На практике, как и в обыкновенной семье, сын может убежать из дома, попытаться забыть свое происхождение. Может быть, члены семьи решат, что кто-то из родичей настолько плох, что они заинтересованы исключить его из своего круга и прервать с ним всякую связь. Однако даже если в разрыве отношений заинтересованы обе стороны, неважно, декларируется это или нет – это не прерывает сущностной связи.

По той же причине, по которой человек не может выйти из семьи, его невозможно из нее исключить. Ни у частного лица, ни у какого-либо религиозного или общественного института нет полномочий и прав лишить еврея еврейства. (Согласно законам

государства Израиль, еврей, перешедший в другую веру, лишается права на получение гражданства при репатриации, но по тем же законам наличие гражданства или право на его получение не обусловлены еврейством. Израиль – многонациональное государство, и при репатриации право получения гражданства предоставляется и неевреям, например – членам семьи еврея-репатрианта или его нееврейским потомкам до третьего поколения.) Даже отлучение от общины («херем») – лишь способ наказания и отделения, оно не лишает еврейства и не освобождает от обязанностей.

Еврей не перестает быть таковым, даже перейдя в другую религию, при этом он считается грешником, достойным кары. «Хоть и согрешил – он еврей».<sup>3</sup> На такого еврея могут налагаться всевозможные ограничения, санкции, как от человеческого, так и Высшего суда, но все же нет никакого способа исключить его из еврейства. Фактом рождения человек связан с прошлым своей семьи, с ее настоящим и будущим. Обретение еврейства неевреем – «гиюр» – также отражает семейную суть происходящего. В еврейской традиции этот процесс уподоблен усыновлению. Другими словами, это выход из прежней, биологической семьи, и принятие в новую, еврейскую: «Гер подобен новорожденному младенцу».<sup>4</sup> Хотя такой

3. Вавилонский Талмуд, Сангедрин 44а, там же 46а.

4. Вавилонский Талмуд, Йевамот 22а.

человек может выбрать себе любое имя, какое захочет, имя его отца всегда – «праотец Авраам», а матери – «праматерь Сара», хотя он не их потомок с биологической точки зрения. С момента гиюра он становится приемным сыном со всеми вытекающими из этого статуса правами и обязанностями. Все сказанное в Торе по поводу «твоего брата», относится к нему в той же мере, как и к любому иному сыну Израиля. (Разумеется, есть разные частности, в которых прозелит отличается от других евреев: они следуют из того, что хотя он часть «народа Израиля» и «дома Израиля», он не принадлежит ни к одному из 12 колен Израилевых. Поэтому законы, следующие из разделения народа на колена, к нему не относятся.) Он подобен урожденному еврею и в том, что не может перестать быть евреем. Даже если он захочет уйти, даже если он совершенно оставит иудаизм, он и тогда, с точки зрения Галахи, будет считаться «согрешившим евреем», ведь усыновление необратимо.

Отсюда понятно, в частности, и то, почему в иудаизме нет миссионерского импульса, желания привлечь новообращенных. (Еврейская история знает попытки привлечь прозелитов, как путем насильственного обращения (царь Йоханан Гиркан обратил в иудаизм идумеев), так и путем убеждения (как пытались

хазарские посланники в России). Но это делалось в основном по политическим, а не по религиозным причинам.) Добровольные общества всех мастей растут в численности путем привлечения новых членов. Однако семья не рыщет по улицам, чтобы найти и затащить кого-то в свое лоно. В нее могут войти и те, кто не имел к ней отношения при рождении. Но даже если она гордится собой, даже если возится с каждым «проблемным» родственником, и даже если боится исчезнуть, она не будет объявлять прием новых членов. (В многовековой еврейской традиции нет однозначного отношения к гиюру и прозелитам. В ней представлен широкий спектр мнений, начиная с тех, кто радуется обратившимся в иудаизм, заканчивая теми, кто рассматривает их как явление, с которым приходится смириться в трудных обстоятельствах (см. Вавилонский Талмуд, Псахим 87б, Йевамот 47б). Это очень похоже на реакцию разных членов семьи на человека (например, жениха), который входит в нее со стороны, варьирующуюся от радушного гостеприимства до откровенной холодности.) Подход иудаизма таков: это религия евреев, обычаи нашей семьи.

Понимание еврейства как общности семейного типа – не вопрос теологии и религиозного законодательства, но данность, нашедшая свое отраже-

ние в типе и уровне отношений, как между самими евреями, так и между ними и всеми остальными. Представители иных народов это интуитивно ощущают и выражают. Даже если еврей совершенно ассимилирован или перешел в другую веру, он все еще остается евреем в глазах окружающих, точно так же, как он остается членом своей семьи при любом жизненном пути, который себе изберет. Иногда нееврейское общество принимает его доброжелательно, оно может простить или игнорировать его прошлые «семейные связи», но не может о них забыть.

Это чувство, что еврей чужой, не из «наших», не обязательно порождает ненависть. Представители других народов зачастую уважительно, с искренним интересом воспринимают евреев, но они всегда выделяют их в особую категорию, отношение к которой отлично от отношения к любой другой общности. Даже если некто близок им по культуре и религии, сам не считается со своей принадлежностью и даже враждебен к своим соплеменникам-евреям, – он все равно принадлежит в их глазах к другой семье, к «дому Яакова». С этой точки зрения совершенно неважно, как именно относятся к евреям: с ненавистью, симпатией или равнодушием; еврей для них навсегда останется евреем.

Для евреев также характерно ощущение своей чужеродности по отношению к окружающему миру, с одной стороны, и общности с себе подобными, с другой (оппозиция «родной – неродной»). Это ощущается на личном опыте, и объясняет искреннюю заинтересованность судьбами соплеменников, даже теми, с которыми, с точки зрения внешнего наблюдателя, ничто не объединяет. Над различиями в языке, социальном статусе и т.д. – берет верх семейное чувство. Формулировка Торы «Мы все сыновья одного человека»<sup>5</sup> – самоопределение, которым пользовались не только сыновья библейского Яакова, но все представители нашего народа, пользовались всегда и везде, невзирая на отличия между нами.

Эта родственность порождает, как частное следствие, и иную, не всегда привлекательную сторону еврейской жизни. Из родственного чувства (и даже семейного долга) каждый член семьи ощущает себя ответственным за других. Когда они делают нечто, что ему не по нраву, он чувствует право и даже обязанность вмешаться в их жизнь, наставить на путь истинный. И это вполне объяснимо, хотя и не всегда приемлемо и приятно, – ведь собрат, нарушающий принятые нормы и обычаи, пытающийся жить без учета интересов родни, этим, в конце концов, разру-

5. Берешит, 42:12.

шает семью, то есть совершает проступок, который родные не могут ему простить.

Любая семья – и в этом смысле наш народ не исключение – несет в себе семена разлада. Родство – источник постоянных трений, внутрисемейные стычки распространены гораздо больше, чем конфликты с внешним миром, ведь именно интимность связи, порождая пристрастность и предвзятость мнений, осознание взаимозависимости и неразрывности отношений, создает множество поводов для недоразумений. Члены семьи, даже отдалившись друг от друга, не могут перестать быть таковыми, и поэтому спор между ними не может разрешиться путем делового соглашения, которое часто заключают несогласные друг с другом люди: «давай расстанемся навсегда и не будем больше надоедать друг другу». Чужим людям гораздо легче, чем родственникам, прийти к согласию по спорным вопросам. Последние могут непрерывно ссориться по любому поводу, однако не могут позволить себе пойти на настоящий конфликт. Даже при полном разрыве отношений сохраняется чувство причастности и ответственности по отношению к тому, кто несмотря ни на что – мой родич, брат. И что бы он ни делал, это в итоге как-то связано со мной. Его поведение позорит, злит или дает ощущение гордости именно потому, что эта связь нерасторжима и очевидна.

Другая типичная еврейская черта тоже характерна для поведения семьи. Родственники часто говорят друг другу ужасные вещи, а иногда и делают их. Однако эти раздоры немедленно забываются, когда кто-нибудь из них подвергается нападению извне. Чувство при этом – иногда его прямо высказывают маленькие дети – примерно такое: мне-то можно ссориться с братом и даже колотить его – но если это сделает чужой, я ему не завидую. При внешней угрозе семья собирается в единое целое и дает отпор сообща. Эта реакция, столь характерная для евреев, когда они защищают одного из своих соплеменников, нерациональна. Зачастую человеку (или народу в целом) удобнее забыть или игнорировать строптивного родича, но он просто не способен на это. Болевая реакция, которая возникает, когда удар достается одному из членов семьи, приходит не из мозга, не из рационального мышления. При нападении на еврея его собрат реагирует готовностью броситься на помощь, показывая этим силу родственного чувства, даже если никакими иными способами оно не проявляется.

Еврейская история дает удивительные примеры поведения, которые не могут быть объяснены без учета этой глубинной семейно-родовой связи. Когда гонения и смерть становились уделом еврейских

общин, люди, которые жили в полном отрыве от национальной жизни, никак не акцентировавшие свою еврейскую принадлежность, поставленные перед роковым выбором, зачастую обрекали себя на мучения и гибель, чтобы не прервать связь со своим народом. Многовековой мучеником отдавших жизнь за свое еврейство включает не только святых праведников, но и таких людей, которым оно было совершенно чуждо, которые всю жизнь презирали его. Мученичество во имя веры, на которое обрек себя еврей Зюсс (Йосеф Бен Иссахар Зискинд-Оппенгейм (1698-1738), чья жизнь была описана в различных исследованиях и послужила сюжетом для романа Лиона Фейхтвангера «Еврей Зюсс» и нацистского фильма с тем же названием) – пример такого странного типа традиционной связи, когда люди, всегда демонстрировавшие свою незаинтересованность в Б-ге и народе Израиля, принуждаемые неведомой силой, возвращались к своему народу и провозглашали, что они, несмотря ни на что, принадлежат к еврейской семье. (Другой пример этого – еврейский философ Анри Бергсон, принявший христианство на склоне лет. Когда немцы захватили Францию и объявили, что все евреи обязаны носить желтую звезду, он – несмотря на свой почтенный возраст и положение в обществе (и на

то, что немцы в это время не пытались повредить такому человеку как он, принадлежавшему к элите французской культуры, лауреату Нобелевской премии и т.д.) встал в очередь вместе с другими евреями, чтобы получить эту звезду.)

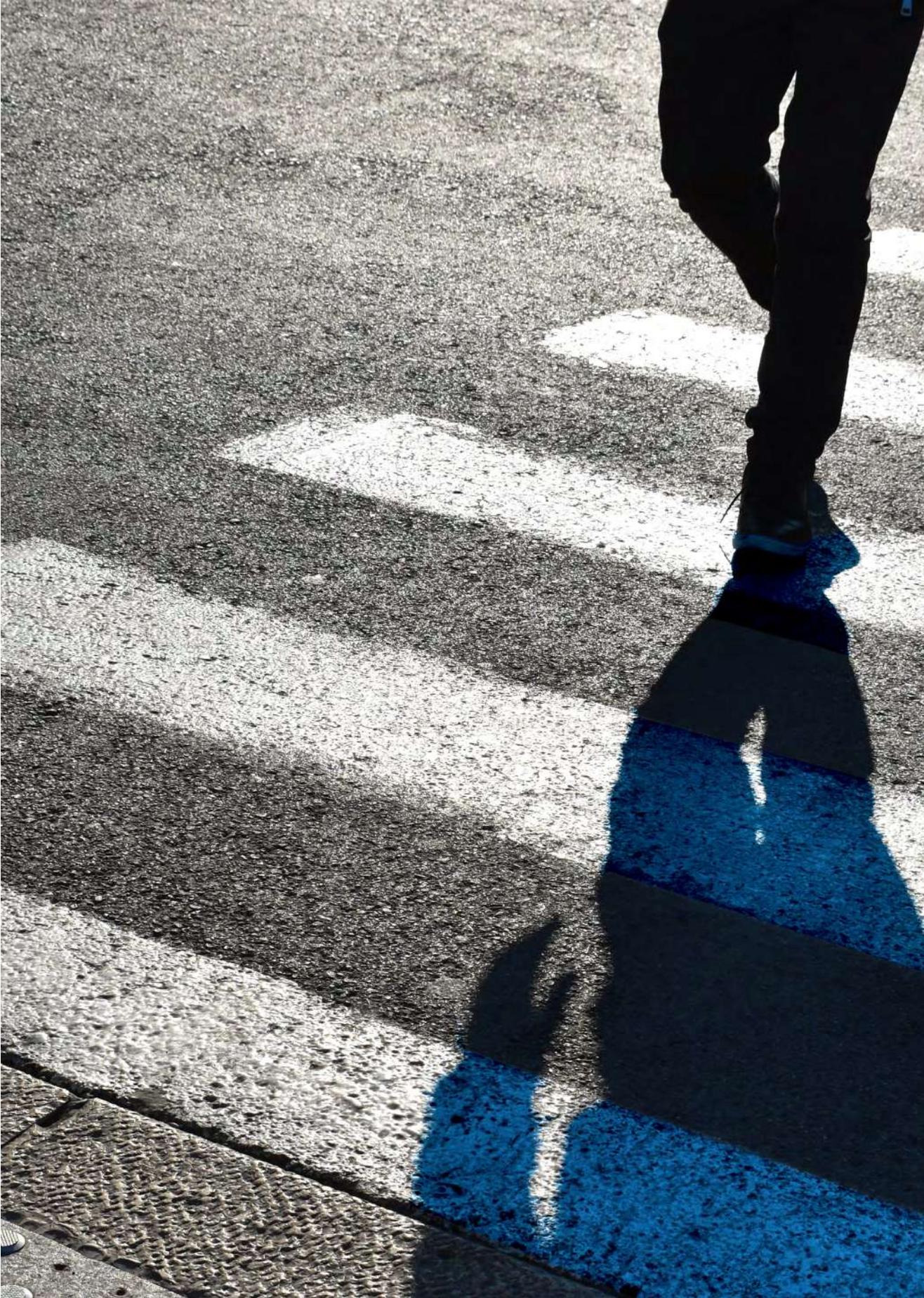
Предложенное нами понимание еврейства может вызвать неприятие, не укладываясь в привычные рамки. Однако если с ним согласиться, то многие детали картины, которые не получают объяснения в ином случае, становятся на места. Наши отношения с Отцом, вера и образ жизни – институированное выражение семейных отношений особого рода, родовые ритуалы и нормы поведения, «наставления отца и учение матери».<sup>6</sup> То, что ошибочно воспринимается нашими современниками как национальные отношения, на самом деле не что иное как проявление сформированных тысячелетиями традиций семейно-родовых связей. Семья, разросшаяся за тысячелетия до размеров народа, осталась, по сути своей, – семьей.

Этим обусловлена уникальность еврейства. Семейно-родовые отношения – наиболее древняя и первичная социальная структура. Подобный тип отношений гораздо примитивней нации или религиозной общины – более современных и усовершенствованных форм социальной кооперации. Национальные,

Мы, евреи...

культурные и религиозные связи целесообразны, их можно объяснить и обосновать.

Определить сущность семейных, родовых связей гораздо труднее, они менее рациональны, их целесообразность смутна и неочевидна. Однако именно они обеспечивают существование еврейства. Эта примитивная иррациональная связь затрагивает самые сокровенные и чувствительные струны души. Возможно, ей нет разумного объяснения, но в ней есть подлинность и вечность.



## Отбор и выбор

Согласно публикуемым данным, в мире насчитывается порядка четырнадцати с половиной миллионов евреев, около двух десятых процента от населения Земли. Точнее сказать невозможно, потому что официальные подсчеты подобного рода не проводились в большинстве государств. Кроме того, их результаты зависят и от того, в соответствии с чем определяется принадлежность к еврейскому народу при сборе данных. Поэтому, исходя из различных определений еврейства, формы переписи, а также, что немаловажно, в силу заинтересованности в получении определенного

результата, все имеющиеся цифры приблизительны, они могут оказаться больше или меньше реальных. Но, в принципе, они вполне сопоставимы с числом тех, кто идентифицируют себя как евреи.

Однако если, по аналогии с другими народами, мы проведем подсчет предполагаемой численности евреев, какой она могла бы быть к нашему времени, исходя из их количества в прошлом и динамики естественного прироста населения, то получатся совершенно другие цифры.

Хотя у нас нет достоверных данных, но, по оценкам многих исследователей, количество евреев уже две тысячи лет тому назад достигало нескольких миллионов. Если бы прирост евреев был таким же, как у других народов, их бы сейчас должно было быть более ста миллионов. Разумеется, войны и природные катаклизмы уменьшали численность населения. Но это не объясняет столь большой разницы: ведь от тех же самых катастроф страдали и другие народы. Демографы всегда ведут свои расчеты с учетом войн, эпидемий и других причин, приводящих к уменьшению численности. Неизбежно возникает вопрос: куда подевалось все это огромное количество людей, которые, с точки зрения нормативного прироста населения, должны были составить народ Израиля? Во все века, начиная с Великого иудейского восста-

ния и резни времен восстания Бар-Кохбы, вплоть до наших дней евреи подвергались гонениям, страдали от погромов, крестовых походов и т.д. В каждом поколении потери были огромны. Это, несомненно, дает частичный ответ на заданный выше вопрос. Но, с другой стороны, с точки зрения физического выживания у евреев было немало преимуществ.

Прежде всего, диаспора, несмотря на связанные с ней трудности, давала евреям возможность, которой не часто пользовались, (или были вовсе лишены), большинство жителей других государств: мигрировать в поисках более благоприятных мест проживания. В этих условиях у евреев развилась гибкость и приспособляемость, которой не было, например, у земледельческих, оседлых народов. Любой катаклизм, происходивший на их территории, ударял по ним тяжелейшим образом, а евреи покидали пораженную бедой местность.

Следует учесть тщательное соблюдение личной гигиены и особых правил питания, обусловленных требованиями иудаизма, которые, видимо, и привели к тому, что процент евреев, пострадавших от эпидемий чумы, холеры и других заболеваний в средневековье, был ощутимо меньше, чем у представителей иных народов.

Взаимопомощь, развитая в еврейской среде, давала возможность изгнанным, обедневшим и обанкротившимся встать на ноги, во всяком случае, не умереть с голоду. Кроме того, Тора возложила на евреев заповедь «плодитесь и размножайтесь», поэтому они не пытались ограничить естественный прирост, а ценность человеческой жизни у евреев была очень велика во все времена, дети получали максимально возможную заботу и уход, их жизнь старались сохранить любым способом. Поэтому шансы выжить в те времена у еврея зачастую были не меньшими, а возможно и большими, чем у среднестатистического представителя другого народа. (Пример демографического потенциала можно видеть в приросте еврейского населения в период с конца XVII века, когда, по оценкам специалистов, евреев в мире было меньше миллиона, до Первой мировой войны. За две с половиной сотни лет отнюдь не безбедного существования их число возросло до восемнадцати-девятнадцати миллионов. Таким образом, численность евреев в мире могла бы за тысячелетия достигнуть огромных размеров.) То, что их так мало в наши дни – доказательство существования неких процессов, противостоящих как естественному приросту, так и прибавлению прозелитов из других народов. Иными словами, со-

временную численность евреев можно объяснить только многовековым массовым оттоком.

Беспрерывное внешнее и, в определенной степени, внутреннее давление приводит к тому, что некоторая часть людей, принадлежавших к народу Израиля по происхождению, покидает его. Все «отбракованные» подобным образом были потеряны для еврейского народа, и эти процессы, как любой селективный отбор, закрепляют определенные черты, признаки и свойства.

Внешние факторы известны всем. Большая часть еврейского народа на протяжении столетий жила в диаспоре. Этот процесс начался уже с изгнания десяти колен Израиля, приведшим к их полному или почти полному исчезновению. Жизнь любого народа в диаспоре гораздо менее стабильна, чем на своей земле. Всякое национальное и религиозное меньшинство, даже если оно не ущемлено в правах, находится в зависимом положении по отношению к господствующему большинству. В первую очередь это проявляется в неспособности меньшинств защитить себя от внутренних и внешних угроз.

Это утверждение тем более справедливо по отношению к нашему народу, ведь, как известно, до недавнего времени евреи в диаспоре по многим причинам не имели статуса, равного статусу других меньшинств. В лучшем случае их терпели, но по

большей части они подвергались дискриминации и гонениям. Под угрозой зачастую находилось не только экономическое благосостояние, но и физическое существование. Положение осложнялось тем, что в большинстве мест евреи были не только этническим, но и религиозным меньшинством. Само существование и мировоззрение евреев противоречило религиозным ценностям окружающего общества. Иудаизм повсеместно находился в оппозиции, которую невозможно было преодолеть путем компромисса с господствующей религией. У евреев не было возможности построить синкретическую религиозную систему подобно иным меньшинствам в эллинистических империях (в Римской империи и других) – ведь сам факт принятия такой системы являлся бы отрицанием иудаизма.

Трудности, выпавшие на долю евреев в политеистических обществах Вавилона, Персии, Греции, Рима, не стали легче, но напротив, лишь многократно усилились, когда евреи попали под власть двух великих монотеистических религий – ислама и христианства. Именно потому, что эти религии «дочерние» по отношению к иудаизму, у них возникает теологическая проблема: они не могут принять факт существования евреев и согласиться с ним, поскольку они претендуют на роль преемника. С их точки

зрения, именно они и есть – «настоящий Израиль». Это напоминает ситуацию, когда под одной крышей живут отец и сын, сын мечтает стать преемником отца, что само по себе, может быть, и естественно, но отец-то жив. Таким образом, преследование евреев становится не только выражением ксенофобии, но теологической необходимостью, обусловленной самой сутью господствующей религиозной системы. На еврея оказывалось огромное давление извне: социальное неравенство, гонения, дискриминация, особые подати и налоги, ограничения права проживания. Сила давления, в зависимости от времени и места, варьировалась от относительно благополучных периодов, когда оно было достаточно умеренным – лишь сегрегация, экономическое и социальное неравенство – и до массовых казней и насильственного обращения в иную веру. Иногда евреям давалась возможность спастись, бросив все свое имущество, а иногда их ставили перед роковым выбором: либо принять господствующую веру, либо умереть. Возникал соблазн путем присоединения к господствующей религии разом получить все привилегии доминирующего большинства.

Еврейская история полна рассказов о принявших мученическую смерть за веру, о мужестве повседневного существования во все новых и новых диаспорах.

Нескончаем мучеников людей и общин, погибших в превратностях изгнания от огня и меча, от голода и лишений. Однако, как правило, до нас не доходят имена не сумевших противостоять давлению. А ведь тех, кто, не выдержав травли, отказался от своей веры, влился в ряды гонителей и через некоторое время растворился в них без следа, было много.

При анализе ситуации было бы неверным игнорировать то, что еврею быть трудно не только из-за давления извне, но и из-за тяжести традиционного еврейского образа жизни, того уровня требований, которые иудаизм предъявляет каждому еврею. Вдобавок к соблюдению заповедей в повседневном быту, многочисленным ограничениям, отчислению определенной части дохода на цели благотворительности, у евреев есть особая религиозная обязанность – разбираться в еврейских священных текстах и законах. И тот, кто был не готов справляться со всем этим, либо сознательно и добровольно покидал еврейский народ, либо народ сам отторгал его тем или иным путем. Даже в библейской истории лишь один из сыновей праотца Авраама продолжил его путь, а все остальные избрали свой, не связанный со служением отца. У Ицхака было два сына: Яков (его сыновья продолжили традицию предков), и Эсав (его потомки избрали иную дорогу).

Как уже было сказано, все эти факторы создают непрерывно действующую систему отбора. Этот процесс, более или менее интенсивный, работает в одном направлении: лишь часть народа оказывается способна выдержать все виды давления и продолжить свое существование в качестве евреев. Как и любой другой процесс отбора, этот, приводящий к постоянным невосполнимым потерям, формирует особый тип людей, обладающих совокупностью внутренних и внешних качеств, позволяющих им оставаться евреями и передать эту способность дальше, своим детям. На протяжении столетий к народу Израиля присоединялись прозелиты, которые, как и их потомки, бесспорно, тоже прошли этот многоступенчатый отбор. У этого процесса не было определенных внешних критериев, поэтому главным его результатом стал характер, душевные качества. Сотен поколений, прошедших селекцию, достаточно для формирования способа мышления, манер поведения.

Так как за спиной у каждого современного еврея стоят многие поколения людей, у которых оказалось достаточно желания продолжить цепь преемственности, ясно, что это уже унаследованные качества. А поскольку они не индивидуальны, то от них очень и очень трудно избавиться. Разумеется, ни в прошлом,

ни сейчас это никого не лишает свободы выбора – оставаться со своим народом или нет. Однако, сформировавшись в течение многих поколений, они создали некий тип, который нельзя изменить по личному желанию, волевым актом. Можно изменить гражданство, социальный статус, вероисповедание и место жительства, но не свою природу.

Совокупность этих свойств, как уже было сказано, не связана (или лишь частично связана) с требованиями иудаизма, но является производной селекции, которая поколениями создавала определенный национальный тип. Сформированный таким образом, он несет определенные признаки, характерные черты. Они разнообразны, их проявления неодинаковы у разных людей; то, что выделяется у одних, может быть практически незаметно у других. Их нельзя исчерпывающе перечислить или упорядочить по степени важности. К тому же, на них влияют внешние обстоятельства. Те или иные свойства могут быть более востребованы в определенных условиях, но в иной ситуации могут остаться непроявленными. Умение быстро приспосабливаться к изменчивым условиям, повышенная способность к выживанию по праву занимает одно из первых мест среди национальных черт. Реализовывать эту способность позволяет качество, владение которым стало на-

циональным еврейским признаком: гибкость, то есть способность менять состояние, образ жизни, язык, не слишком привязываясь к старым схемам. Из-за постоянной необходимости мигрировать, как добровольно, так и, что случалось гораздо чаще, принудительно, тот, кто был не в состоянии быстро отказаться от ранее приобретенных навыков, не мог выжить в изменившихся условиях.

В перечне характерных еврейских черт почетное место занимает также способность к подражанию, внешней и внутренней мимикрии. Этот защитный механизм действует, даже если еврей живет обособленно, отдельно от окружающей среды, отличаясь одеждой и образом жизни, даже находясь в гетто. Ведь для того, чтобы выжить, он должен овладеть навыками взаимодействия с нееврейским миром, занять в нем свою нишу, научиться, в определенном смысле, отождествлять себя с окружением. Только тогда он сможет существовать в инородной среде, пусть даже на положении нежелательного чужака. Эти гибкость и умение быстро адаптироваться к среде связаны с высокой мобильностью, способностью легко отказаться от оседлости. Хотя, в отличие от цыган, евреи никогда не жили кочевой жизнью и пытались удержаться в местах своего обитания, им это часто не удавалось, что почти повсеместно привело

к восприятию евреев как чужаков. Это определение работает не только как внешнее или юридическое, оно во многом становится усвоенным, внутренним. Человек (или народ), которому постоянно твердят, что он чужак (при этом неважно, преследуют его или терпят), и сам себя в определенной степени ощущает таковым.

С одной стороны, это позволяет легко переезжать с места на место, дает иное, космополитическое видение мира, согласно которому страны, государства и народы образуют лишь внешнюю канву бытия, не вынуждающую личность к отождествлению с ними. С другой стороны, это приводит к отчуждению, к готовности постоянно мигрировать в поисках лучшей доли, не позволяя укорениться.

У евреев легко заметить и другое свойство, принципиально необходимое для их выживания – упрямство, или, если хотите более благозвучно, упорство. «Ибо вы народ жестоковыйный...» – многократно подтверждено в Торе.<sup>7</sup> Понятно, что если бы им не хватило этого свойства на века упрямого следования законам своей веры, образу жизни, то они не смогли бы продолжать существовать. Или, во всяком случае, не могли бы продолжать существовать как евреи. Так что упрямство – неотъемлемая составная часть еврейского характера. Оно дает возможность держаться

7. Шмот, 33:3-5; 34:9; Дварим, 9:13.

за свое мнение, противостоять давлению, оставаться евреем. Однако, как любое свойство человеческой природы, оно не ограничивается мировоззрением, но распространяется на все сферы жизни. Именно поэтому человек, чье упрямство и целеустремленность направлены вовсе не на сохранение своего еврейства, сохраняет в себе эти черты, направляя их на другие цели: бизнес, искусство, общественная и интеллектуальная деятельность и др.

Еще одно свойство, возникшее в результате отбора и имеющее как внутренние, так и внешние причины – индивидуализм. Надо отметить, что подпитывает это качество иудаизм, ведь базисные религиозные обязанности еврея индивидуальны. Еврейская жизнь концентрируется вокруг общины, и действительно, очень трудно существовать без общинного механизма и системы поддержки. Объединение в общину – это кооперация индивидуумов для более успешного решения общих проблем, необходимая, в первую очередь, для реализации практических целей. Кооперация облегчает выполнение религиозных обязанностей на более высоком уровне, и это утверждение справедливо как для духовной, так и для практической сферы жизни. Однако следование еврейскому образу жизни не зависит от окружающих, еврей не обязан молиться именно в синагоге, для своего общения с

Б-гом он не нуждается в помощи священнослужителя, у евреев нет клира и мирян. Большая часть религиозных обязанностей еврея лежит в области его личных отношений с Творцом. Поэтому от него требуется индивидуальное служение, самостоятельные усилия, на этом он воспитывается, к этому привыкает.

Жизнь в диаспоре, хотя и основывалась на всесторонне развитой системе взаимопомощи, не способствовала созданию четких форм коллективизма. Не было армейской службы, не было общественных работ, требующих совместного выполнения. Ремесла и торговля, которыми в основном занимались евреи, опирались на возможности человека, а не поддержку общества. Все это взрастило тип индивидуалиста: еврей строит свою жизнь сам и предпочитает профессию, которой мог бы заниматься в одиночку, не требуя помощи извне, и с которой в любой момент (это было дополнительным аргументом), сможет перебраться в другое место, сменив окружение.

Еще одно сущностное качество еврея – это его способность верить, а точнее – потребность в вере. Тот, у кого ее не было, не мог выстоять в испытаниях. Еврейское служение, со всеми связанными с ним трудностями, возможно только на основании веры, укорененной глубоко в душе. В противном случае

человек оказывается неспособен построить свою жизнь без оглядки на материальные и конъюнктурные соображения, то есть не может жить как еврей.

Этим свойством, а именно способностью – и потребностью – верить еврей одарен с начала существования. Первичным выбором, по сути создавшим наш народ, был именно выбор веры. С течением времени необходимость в ней только укрепилась, и поэтому, даже если он, по той или иной причине, оставляет свою религию или не вырос в ней, он остается идеалистом – человеком, у которого есть внутренняя сила и надобность жить не просто так, но ради какой-либо идеи. Еврей обязан верить во что-нибудь, потребность в этом – часть его личности, и он не сможет избавиться от нее, даже если захочет. Кроме способности верить, быть подчиненным идее, у еврея есть «мессианский комплекс». То есть его вера в приход лучшего грядущего мира не пассивна: это насущная потребность приблизить Избавление. Это желание, оставаясь базисным элементом иудаизма как такового, является также частью массового еврейского сознания. Еврей чувствует себя обязанным служить высшей цели, ощущает необходимость исправить, улучшить, спасти мир. Это не только религиозное требование, но и личная потребность.

Человек не может бесконечно долго выдерживать жизнь в унижении, нужде и опасности, если у него нет ощущения миссии, сверхзадачи. Конкретный еврей может утратить веру в Мессию, но не свою потребность исправить мир. Где бы ни прозвучала весть о построении светлого будущего, о попытке улучшить человечество – еврей окажется в первых рядах.

Еще одна составляющая национального еврейского типа – интеллектуализм. В отличие от других религий, иудаизм обязывает каждого еврея, без исключения, быть образованным и сведущим в Торе. В еврейской культуре религиозное образование подразумевает не только изучение базисных принципов веры, но имеет сложный высокоинтеллектуальный характер. Социальная структура традиционного еврейского общества подразумевала иерархию, в которой ученые, мудрецы, занимали высшие ступени, а те, кто обладали лишь политическим и экономическим влиянием, занимали подчиненное положение. Это стимулировало интеллектуальные достижения. Сформированный религиозным мировоззрением, этот подход наложил отпечаток на все сферы общественной жизни. Ставшая литературным штампом мечта еврейской матери о сыне-ученом отражала синтез религиозного долга и грезы о высоком статусе для своего ребенка. Малограмотные люди занимали

места на обочине еврейского общества, и каждый из них стремился достичь более достойного положения для своих детей. Их желание было обусловлено не только практическими соображениями, но и стремлением как можно лучше исполнить свой религиозный долг и предназначение. Поэтому приоритетное обращение к интеллектуальным видам деятельности – часть еврейского национального характера. И даже в наше время, когда мечта о сыне-раввине встречается значительно реже, практически каждый еврей видит в интеллектуальной деятельности цель, к которой надо стремиться, а в учебе во всевозможных формах – самоценный образ жизни. Многовековой отбор привел к тому, что в еврейском народе достаточно высок процент пригодных к интеллектуальной жизни людей.

Совокупность качеств, формирующих то, что принято называть национальным характером, сама по себе нейтральна. Но они могут проявляться различными способами, оценка которых будет меняться соответственно обстоятельствам и способам выражения.

Например, воля к жизни – положительный фактор для индивидуума, но это может выражаться в гипертрофированном эгоизме и рвачестве, в желании достичь своих целей любой ценой, в отказе от моральных критериев.

Гибкость может быть достоинством, дающим дополнительные возможности для личностного роста. И она же может довести до отказа от самоуважения, до беспринципности и униженности.

Способность подражать и мимикрировать обеспечивает возможность обучаться, воспринимать новое и полезное из окружающего мира. Она же может привести к утрате индивидуальности, выродиться в поверхностное обезьянничанье, дешевое актерство.

Легкость на подъем, мобильность, открывает новые горизонты, дает широкую и всеобъемлющую картину большого мира. Она же может привести к появлению личности типа «перекати-поле», к отсутствию лояльности к приютившему народу, неустойчивости и непостоянству.

Индивидуализм может помочь в самореализации, дать возможность подняться на более высокий уровень развития, выделиться из толпы, не поддаться стадному чувству, не стушеваться перед большинством. Но, с другой стороны, он мешает заниматься совместной деятельностью, допускает развитие низменных проявлений человеческого эгоизма и эгоцентризма.

Интеллектуализм дает дополнительные возможности, но он может угнетать естественную эмоциональ-

ность, человечность. Мышление может замещать все остальные виды переживаний, породить избыточный рационализм. Даже способность и потребность верить может дойти до страстной увлеченности ложными целями, создания новых культов и идеологий, породить нескритичность мышления.

Желание спасти мир, принести благую весть, может развить альтруизм и жертвенность, но может стать новаторством ради новаторства, анархическим желанием, не считаясь с ценой, изменить существующий порядок, источником уверенности в том, что благие цели оправдывают любые средства.

Наличие этой совокупности свойств, составляющих основу национального еврейского характера, не предмет сознательного решения. Еврей получает их в наследство от предков, поколение за поколением прошедших отбор на способность вынести груз еврейства. Однако личность свободна в выборе способа и условий их реализации.



## Эмоциональность и рациональность

**Е**вреям часто предъявляют взаимоисключающие обвинения. Их обвиняют в том, что они распространители «красной заразы», посланцы и прислужники (или вожди) мирового коммунизма или либерализма. В этом нас упрекали многие, от белогвардейцев и пропагандистов нацистской Германии до консерваторов США. Параллельно с этим в левых и левацких кругах разных стран звучат обвинения евреев в том, что они «агенты мировой буржуазии», в тотальном контроле над мировым финансовым рынком, распространении капитализма вообще и глобализации в

частности. Евреев обвиняли и обвиняют в отсутствии чувства причастности, в недостаточном патриотизме и нелояльности, в космополитизме и в то же самое время – во вмешательстве в культуру, искусство и общественно-политическую жизнь стран, в которых они живут.

Таких обвинений или противоречивых определений было множество. Их главный недостаток – неоправданное обобщение. Другими словами, нет сомнений, что среди евреев были те, кто всем сердцем был предан идеям коммунизма, но не меньше было и тех, кто боролся с ним до последнего. Были те, кто самоотверженно посвящал свою жизнь служению различным странам и народам, были и те, кто дистанцировался от любого вмешательства в нееврейское общество. Ошибкой было бы относить всех евреев, весь народ, к какой-либо одной точке зрения, приписывать им какой-либо единый подход. Это верно по отношению ко многим определениям, чей главный недостаток – в отождествлении целого с частью, народа с индивидуумами.

Порой источником таких утверждений является незнание или непонимание. Людям вообще свойственно переносить свои личные впечатления или имеющуюся у них фрагментарную информацию на целые сообщества, полагая при этом, что наблюда-

емые ими явления присущи всем, или, по крайней мере, многим их представителям. Подобные глобальные обобщения, разумеется, не могут адекватно отображать реальность. Впрочем, противоречивость претензий и характеристик сама по себе не доказывает их полной беспочвенности, необоснованности.

Однозначно лишь то, что подобные обобщения и определения могут, в лучшем случае, отразить лишь некую часть картины. Но не стоит упускать из виду, что зачастую подобный подход является следствием злого умысла, трезвого расчета, когда некие, в принципе нехарактерные черты, сознательно выделяются и распространяются на целое как примеры или доказательства своей точки зрения, своей правоты.

За столетия рассеянья между иными народами и культурами в качестве религиозного и национального меньшинства мы удостоились множества характеристик. Как уже отмечалось, среди них было много взаимоисключающих, противоречивших друг другу, они часто давались с целью обвинить или унижить евреев. И хотя народ Израиля самодостаточен духовно – то есть живет и существует сам по себе, не нуждаясь понимании окружающих и данных извне характеристиках, – он не игнорировал эти слова, были ли они сказаны равнодушно, критически или даже с ненавистью.

Речь идет не об апологетике, хотя народ Израиля часто был вынужден заниматься ею для защиты от угрозы извне и порой для защиты от внутренних врагов, а о том, чтобы принять к сведению чужое мнение или отвергнуть как несостоятельное. Подобное внимательное отношение к производимому впечатлению складывалось, в первую очередь, на основе глубоко укоренившегося понимания того, что «хула Имени [Всевышнего]» или «прославление Имени [Всевышнего]», о которых так много сказано в Торе и у пророков, связаны с тем, как воспринимаются евреи, носители Его Слова, в глазах других народов. Порой евреи полностью отрицали сказанное о них, иногда – принимали подобную оценку во внимание. Народ Израиля крайне чувствителен к критике со стороны и умеет извлекать из нее уроки.

Среди таких характеристик встречались указания на некие особенности, которые и сами евреи отмечали в себе: определенные черты характера, реакции, манера поведения и т.д. Но были и такие, на которые они сами не обращали должного внимания, пока, благодаря взгляду извне, им не открылось, что их поведение и дела могут быть оценены и восприняты не так, как они привыкли считать. Только благодаря внешней оценке они стали темой внутреннего диалога, частью национального сознания.

Одна из таких тем – некоторые особенности еврейского национального характера. Есть немало таких, кто считает, что евреи избыточно эмоциональны, слишком обостренно реагируют даже на такие явления, на которые другие люди не обращают внимания, и более того – публично демонстрируют это словами и действиями. В противоположность этому многие, не менее убежденно, утверждают, что евреи страдают избытком рационализма. Иными словами, в отличие от представителей других народов, искренних и чувствительных, открыто выражающих свои эмоции и действующих под влиянием своих чувств, евреи слишком расчетливы и рациональны. Их поступки – а может быть также мысли и чувства – продиктованы логическими выкладками, не принимающими в расчет дела сердечные. Эти, столь противоречивые характеристики, вовсе не обязательно неверны изначально. Ведь точка зрения – это справедливо по отношению к любому человеку и в любом месте – во многом зависит от исходной посылки, от культурной платформы смотрящего.

Очевидно, что есть культуры (при этом не столь важно, охватывают ли они целую страну, народ или лишь некую часть общества) в которых доминирует сдержанность, культивируется скрытность эмоций. Во многих местах не только не принято демонстрировать

чувства на людях, но и само наличие чрезмерной эмоциональности считается признаком недостаточной культуры. Согласно этому подходу, воспитанный культурный человек должен уметь строить свою жизнь не на эмоциях, а на основе рассудочного, взвешенного отношения к реальности, исключить, насколько это возможно, нерациональные элементы из сферы своего сознания. Понятно, что в рамках подобного подхода поведение человека иного происхождения, иной культуры, будет восприниматься как избыточно эмоциональное, хотя в иных местах именно носителей подобного отношения будут воспринимать как отклонение от нормы, поскольку они пытаются свести на нет эмоциональную составляющую бытия. Разумеется, верно и обратное утверждение: при том типе культуры, в котором открытость и эмоциональность считаются достоинством, где с уважением относятся к свободному выражению чувств, люди, не позволяющие себе этого, выглядят холодными и избыточно рациональными.

Не удивительно, что евреи, живущие в разных обществах, в разных культурах, зачастую отличаются от окружающих с точки зрения выражения своих чувств: они или слишком чувствительные или чересчур рациональные по сравнению с окружающими. Но даже если учесть фактор культурного несоответствия,

можно сделать вывод, что евреи зачастую впадают в крайности - и в избыточную эмоциональность, и в сугубую рациональность - не только с точки зрения предвзятого наблюдателя, а вполне объективно, насколько вообще может быть объективной подобного рода оценка. Ведь евреи практически повсеместно подвергаются влиянию окружающей среды и, в той или иной форме, ассимилируются в ней. Даже те из них, кто, следуя традиционному образу жизни, на первый взгляд, полностью изолированы и отрезаны от окружающей среды, все равно находятся под ее сильным влиянием и, так или иначе взаимодействуя с ней, приспособляются. Поэтому наблюдаемая разница в реакциях на сходные явления или реалии указывает на более глубокое, существенное отличие, которое не объяснить только лишь культурными несоответствиями.

Часть подобных явлений может быть объяснена не влиянием внешней культуры, а следствием внутренней, собственной, даже если ей следуют бессознательно. Поведение, трактуемое извне как выражение рациональной сдержанности, на самом деле может быть выражением отсутствия солидарности с различными аспектами того общества, в котором евреи живут, невозможностью идентифицировать себя с ними.

Это может быть следствием разных причин. Иногда – ограниченной религиозно-культурным восприятием картиной мира, отрицающей многие составляющие окружающей, господствующей культуры. Ведь в любом обществе, даже декларативно нерелигиозном, присутствуют элементы, в основе своей восходящие к определенной религии. Они могут не восприниматься как религиозное наследие самими носителями этой культуры, однако проявляются в именах, бытовых привычках, элементах декора, стереотипах общественного сознания. Все это несет на себе отпечаток религиозного влияния, связано с какой-то религиозной основой. Евреям же – как имеющим традиционное религиозное сознание, так и не имеющим такового – эти стороны внешней культуры чужды.

Например, еврейский юноша, не получивший христианского воспитания, не посещающий церкви (даже из любопытства, как памятника культуры, не вкладывая в это никакого религиозного смысла), разумеется, не отождествит себя с некоторыми базисными понятиями иной культуры, уходящей своими корнями в христианство, а иногда – сознательно их отринет. Даже если он пытается понять и изучить (иногда очень успешно) культуру народа, в среде которого живет, он может – вчуже – понять

мотивы или отношение окружающих к неким словам, изображениям и явлениям, но они не могут впечатлить его так же сильно, как его нееврейских сограждан. Не удивительно, что его реакция будет сдержанной, во многом отчужденной, и в глазах стороннего наблюдателя будет выглядеть как холодность и излишняя рассудочность.

Есть и другие примеры, непосредственно не связанные с религией, но порожденные тысячелетней еврейской культурой и потому прочно укорененные в сознании. Пример этому – охота и бой быков. Евреи никогда не увлекались ничем подобным, такие способы времяпрепровождения неприемлемы в рамках традиционного мировоззрения. Поэтому, находясь в обществе, где подобные явления культивируются, они, возможно, способны понять, что другие этим наслаждаются, но им тяжело разделить такие чувства. Наблюдая подобное, евреи проявят эмоциональную отчужденность от действия, которое возбуждает и воодушевляет других людей.

Это явление имеет и более масштабные выражения. В качестве примера приведем практически непереводимую с идиш идиому: «гоим-нахес» (букв. «удовольствие народов»), служившую общим определением вещей, которыми наслаждались окружающие народы: публичные наказания и казни,

кулачные бои, игрища, пьянство. Даже если они не были прямо запрещены иудаизмом, они были чужды еврейскому духу. Когда евреи участвовали в этом или наблюдали за этим со стороны, то, даже если они не выражали своего отвращения, они все равно дистанцировались от подобного действия эмоционально и духовно. Толкование такого отношения как эмоциональной недостаточности, как излишней рациональности, неверно: это не холодность или недостаток эмоций, а отчужденность.

Культурное отличие – по тем же причинам – может выглядеть и как избыточная эмоциональность. У каждого человека есть особо чувствительные области, и когда они затронуты, он крайне эмоционально реагирует на это, даже публично. Как говорили мудрецы: «По трем вещам познается человек: по стакану, по карману и по гневу («косо, косо ве-каасо»)<sup>8</sup>. Люди могут потерять самообладание, когда затронуты их имущественные интересы, утратить контроль над своими чувствами в состоянии опьянения, обнажить самые потаенные уголки своей души в состоянии гнева. Существует достаточно много ситуаций, способных спровоцировать всплеск эмоций, и то, что по-настоящему затрагивает человека, получает свое внешнее выражение, разумеется, с поправкой на уровень культуры и способность к самоконтролю.

8. Вавилонский Талмуд, Эрувин, 65б.

Люди отличаются друг от друга, поэтому реакции на одни и те же явления у них разные. К примеру, еврейская культура отличается повышенным уважением и особо бережным отношением к человеческой жизни. Подобное отношение присуще даже тем евреям, которые оказались вне рамок еврейской традиции. Хотя желание жить вовсе не специфично для евреев, однако отношение к жизни, во всех ее формах и проявлениях, как к высшей ценности – наша культурная особенность. Подобное отношение является прямым следствием теологического подхода Торы, при котором жизнь отождествляется с добром, а смерть – со злом. В рамках этой концепции Сам Всевышний называется «Б-г жизни», а мертвые, при всем уважении к ним – источник ритуальной нечистоты.

Хотя еврейский мартиролог, возможно, обширнее и длиннее, чем у прочих народов, и готовность к самопожертвованию ради веры, «освящения Имени [Всевышнего]» – подлинная религиозная ценность, проявление еврейской сущности – но все же основное правило, выраженное еще автором Псалмов, таково: «Не мертвые восславят Г-спода.<sup>9</sup> В еще более резкой форме это выразил Экклезиаст: «Ведь тому, кто сопричислен ко всему живому, есть надежда/ Ибо живой собаке лучше, чем мертвому льву».<sup>10</sup>

9. Тегилим, 115:17.

10. Кофелет, 9:4.

Подобное отношение к жизни – интегральная часть внутреннего мира еврея, его культуры и мировоззрения. Еврей не ищет смерти – ни в какой форме, даже с посмертной славой. Он относится к жизни как к величайшей ценности, поэтому он столь чувствителен к любым посягательствам на нее.

Не удивительно, что евреи столь бурно реагируют на ключевые события жизненного цикла – рождения, свадьбы и, с другой стороны, на смерть. Поэтому еврей столь упорно цепляется за жизнь, следит за своим здоровьем, боится заболеть. Эти бурные эмоциональные реакции нередко проявляются публично, на глазах у других. А так как не всем присущ такой взгляд и такая оценка, в иных культурах смерть не считается таким уж трагическим явлением – по крайней мере, если это касается посторонних, – поэтому еврей в своих страхах, страстях, сентиментальности по поводу таких событий проявляет большую эмоциональность, чем его сосед-нееврей.

Эти и подобные им культурные различия приводят к тому, что евреи в глазах своих соседей выглядят то более рациональными, то более эмоциональными, чем окружающие, хотя на самом деле они просто иначе реагируют на некоторые явления.

Однако есть еще один, не менее фундаментальный фактор, способствующий проявлению у евреев

столь выделяющих их среди нееврейских сограждан полярных реакций – эмоциональности и рассудочности. Он действует в совершенно иной плоскости, хотя и он является следствием влияния культурной традиции. Речь идет о вербальности мышления. Иначе говоря – о высокоразвитой способности выразить себя словами, средствами языка, и, как следствие, – повышенной чувствительности к слову.

Существуют культуры и народы, для которых характерно визуальное мышление, особенно хорошо и обостренно воспринимающее цвета, образы, пространство, внешние формы. Есть культуры, в рамках которых особое значение имеет звук, интонации, тон, и такие, где позы, жесты, символу придается особая важность. Еврейская культура из поколения в поколение, на протяжении всего своего существования, придает огромное значение слову, речи, тексту.

Это свойство изначально: с точки зрения еврейской традиции, первая проявленная в реальности сущность – это речь. Само Сотворение мира описывается как воплощение Б-жественного слова, Его десяти речений, образовавших мироздание. Отношение к слову как инструменту Творения, источнику реальности, стало основой всей еврейской культуры. Вся Тора – это Откровение, явленное в речи, от Десяти заповедей до последнего из ее слов. Не стоит забы-

вать того, что хотя она требует от человека любви и трепета по отношению к Б-гу, выражающихся в соблюдении Его выраженной воли – исполнении заповедей, тем не менее, центральное место в иудаизме занимает именно изучение Торы. Оно является не только вспомогательным действием, благодаря которому еврей знает, что и как ему следует делать, но ценно само по себе. Еврей обязан, как это сформулировано в благословении, «заниматься словами Торы», то есть осмысливать, усваивать и воплощать каждое слово в ней.

Несомненно, есть и другие культуры, придающие большое значение языку. Однако в них особое значение имеет изящество и красота слога, соблюдение стиля, ритм и благозвучие, так что зачастую содержание оказывается вторичным по отношению к форме. Не так в еврейской культуре. Ее средоточие – слова как выражение смыслов, идей; слово как таковое, а не его красота и выразительность. Иными словами, еврейская культура наделяет особой значимостью слово как понятие, имеющее особую ценность в построении мысли, и, не менее того, – в пробуждении чувства. Отсюда следует развитая способность выразить себя словами и, не в меньшей степени, к восприятию слова.

Чувствительность к слову, понятию, является определяющей в формировании мысли, которая

становится яснее и четче. Ведь те явления, которые сознание не способно выразить в четкой, понятной для самого себя форме, не могут повлиять на способ мышления и реакции человека. Неосознаваемое чувство не может проявиться ни в эмоциональном взрыве, ни, тем более, в оформленной мысли, то же самое относится и к иным способам и формам постижения. Напротив, еврей, обладающий способностью к более быстрому и четкому восприятию слова, понятия, будет реагировать на него гораздо более остро. Поэтому несущие эмоциональную нагрузку слова окажут на еврея большее влияние. Эмоции не остаются смутным, неопределенным потоком, но обретают четкость и глубину – и потому могут быть проявлены. По той же причине, когда мышление занято рациональными рассуждениями или логическими выкладками оно будет намного более ясным, и, следовательно, эффективным.

Таким образом, то, что выглядит как несовместимые крайности, может быть проявлением одного и того же явления: сильное вербальное мышление, как в области эмоций, так и в сфере рационального, логического мышления, дает возможность для более четкой, обостренной реакции и более конкретного выражения.

Ко всему этому можно добавить еще один фактор, действующий на протяжении всей еврейской исто-

рии, красной нитью проходящий через культуру и быт нашего народа. Как правило, эмоциональная и интеллектуальная составляющие рассматриваются как антагонистические. И действительно, между миром чувств и миром разума лежит пропасть, они разнонаправлены, даже если не противоречат друг другу. Однако еврейское мировоззрение не только никогда не считало эти сферы взаимоисключающими, но более чем одобрительно относилось к их сочетанию.

Если пользоваться традиционной терминологией – это выражается в сочетании Торы и молитвы. Молитва, в основе своей, представляет собой выражение религиозного чувства всеми возможными способами: прославлением и исповедью, просьбами о своих и общественных нуждах, мольбами о прощении, священным трепетом. Она подразумевает не только произнесение ритуальных текстов и формул, но и направленное внутреннее переживание, далеко выходящее за пределы написанных в молитвеннике слов. С другой стороны, изучение Торы, в основе своей, является совершенно рациональным действием, что с особенной силой и глубиной выражается в интеллектуальном исследовании Талмуда.

Разумеется, всегда были люди, более склонные к эмоциональному служению в молитве, а в области

знания – к агадической, повествовательной части Устной Торы, и были люди, делавшие акцент на интеллектуальном постижении и законодательных аспектах учения. Но это никогда не вырождалось в разделение сфер, в односторонность. В рамках иудаизма никогда не возникало положения, при котором кто-либо утверждал, что какой-либо из этих аспектов достаточен для служения Всевышнему. И еврейский закон, и принятая повседневная практика требуют от еврея равной погруженности в них, по меньшей мере – обращения как к эмоциональной, так и интеллектуальной сфере. Они вполне могут гармонично сочетаться в рамках личности.

Эта модель культивировалась веками и привела к тому, что подобное совмещение стало не только характерной принадлежностью еврейской культуры, но и составной частью образа еврея. Понимание того, что подобное сочетание не только допустимо, но и желательно, что оно открывает дополнительные горизонты и возможности, породило удивительное явление, существующее в еврейской среде тысячелетия: выдающихся знатоков Закона, погруженных в мистическое переживание, в мир духовной реальности. Людей, которые тщательно соблюдали мельчайшие требования закона именно исходя из мистического чувства любви к Творцу и трепету перед Ним.

Разумеется, далеко не каждый человек достигал уровня этих выдающихся личностей. Но сам подход, обязывающий совмещение эмоционального и интеллектуального начал, был всеобщим и нормативным. Это положение стало одним из факторов формирования традиционных еврейских мировоззрения и культуры. Ему следовали не только уникалы, высоко поднявшиеся над общим уровнем, но и обычные люди, которые следовали примеру первых, ясно осознавая необходимость сочетания этих разнонаправленных начал. Так создавался образ еврея, непротиворечиво сочетавшего в себе высокую эмоциональность и сугубо рациональное мышление. Неважно, принимают ли представители иных культур подобное, редко встречающееся в их рамках, явление, уважают ли его или оно вызывает у них чувство отторжения и раздражение. Оно все равно впечатано в душу еврея. И останется таковыми, пока еврейский характер не изменится коренным образом.



## ИДОЛОПОКЛОНСТВО

**К**роме специфических внешности, языка, обычаев и стиля одежды, у всех народов имеются также и психологические особенности. Стопроцентно надежных обобщений не бывает, и у всякого народа есть представители, плохо вписывающиеся в стандартные рамки, - те, по отношению к которым типовые определения и параметры недостаточно точны. Но, тем не менее, некий стандарт всегда существует, и распространенные повсеместно клише национальных типов отнюдь не беспочвенны.

Существование обобщенных специфических черт, свойственных тем или иным народам или этническим

группам, признается всеми. Практически всегда представителям других народов или этнических групп приписывают определенные качества. Но процесс формирования национальных стереотипов не обязательно внешний. Нет такой национальной или этнической группы, которая не относила бы к себе совокупность душевных свойств, отличающих ее от всех других, то есть, другими словами, не формировала бы собственный стереотип, усвоенный большинством соплеменников и применяемый в повседневной жизни.

Национальный стереотип, сформированный представителями этноса для внутреннего употребления, может быть верным или ложным не в меньшей степени, чем внешняя оценка. Хотя справедливость таких определений относительна, они всегда, так или иначе, отражают реальность. Самооценка народа, как и индивидуума, страдает субъективизмом, при этом она может быть как положительной, так и отрицательной. В зависимости от исходной установки, отношение к тем или иным чертам национального характера может меняться, при этом массовым сознанием иногда подмечаются свойства, действительно присущие большей части представителей народа, но иногда непропорционально большое значение придается частным феноменам, случайно возник-

шим в ходе социального и исторического процесса. В любом случае, утверждение, что такие качества существуют, поддается проверке, и они могут быть как производными сочетания не связанных друг с другом черт характера, так и частными проявлениями некоего основного качества.

Определение (как и оценка) подобных черт может быть различным и не однозначным, во многом оно зависит от точки зрения наблюдателя, его позиции – насколько он симпатизирует этой группе или враждебен ей. Одни и те же черты могут определяться как мудрость или острый ум, а могут – как хитрость и изворотливость, и т. д. Однако оценка объективно присущего представителям некоего народа свойства зависит не только от позиции наблюдателя, но и от того, как оно используется носителями. В зависимости от конкретных обстоятельств практически любое качество может проявляться по-разному, быть полезным в одной ситуации, и вредным – и для самого человека, и для его окружающих – в другой.

Более того: можно предположить, что эти свойства изначально амбивалентны, одна и та же черта характера может проявляться по-разному, ее направленность зависит выбора человека. В определенных контекстах даже отрицательная черта характера может проявляться как положительное,

светлое качество, но может случиться и обратное: положительная, в своей основе, черта характера, может обернуться – из-за внешних обстоятельств и в сочетании с другими чертами этого человека – отрицательной.

Различные внутренние и внешние причины привели к тому, что у представителей еврейского народа можно обнаружить необычайно широкий спектр характерных свойств. Среди этих качеств есть как вызывающие уважение, так и такие, которыми гордиться трудно. Но и те, и другие зачастую проявляются в крайних формах.

Одна из характерных, отличающих народ Израиля, черт, – некое свойство души, или, если можно так выразиться, побуждение, хотя и присутствующее у других народов, но у евреев оно имеет, особую, гипертрофированную силу. Речь идет о предрасположенности к идолопоклонству.

Определение идолопоклонства – непростая задача. Это весьма объемная тема, она допускает множество уровней рассмотрения. На некоторой ступени – может быть, на низшей из возможных, – это поклонение божкам из дерева и камня, фетишизм, ставший верой. Но идолопоклонство вовсе не сводится исключительно к культу рукотворного идола.

Действительно, в самой Торе и в еще большей степени у пророков описывается и клеймится именно такое, грубое идолопоклонство. Однако следует помнить, что это была не философско-теоретическая дискуссия, а противостояние язычеству, которое рассматривалось как реальная угроза существованию. Так как речь идет об идеологической войне, понятно, что мишенью являются не теологические тонкости, которые не каждый поймет, но грубые, материальные формы, которые легко сделать предметом сатиры и нападок.<sup>11</sup>

Однако идолопоклонство как таковое не обязательно выражается в поклонении истукану; им является также культ сил природы и природных объектов, солнца, луны, моря и даже нематериальных сущностей, воспринимаемых в сознании верующих в виде абстрактных образов.

В самом общем смысле идолопоклонство – это отрыв, отделение от Творца. Иногда оно обожествляет негативные, достойные порицания и осуждения с точки зрения нашей морали, сущности: культы богов войны, смерти и др. Однако предосудительным в нем является вовсе не поклонение злу, а обожествление чего-либо вообще. При этом речь может идти о какой-то одной сущности либо об их множестве, представляемых как самодостаточные, то есть не

<sup>11</sup> Вавилонский Талмуд, Мегила, 25б.

являющиеся частями целого и не управляемые из единого источника.

Представления подобного рода часто становятся следствием имеющего давнюю традицию неумения (или нежелания) отличать инструменты Творца от Него Самого. Подобная неспособность освободиться от модели и обратиться к Первоисточнику и есть идолопоклонство. Таким образом, идолопоклонство определяется не наличием материальных идолов или множественностью богов, но наделение чего-либо функциями Творца. Другими словами, когда некая сущность, пусть даже сколь угодно возвышенная и хорошая, воспринимается как автономно существующая, действующая по собственному усмотрению. Это самая возвышенная, одухотворенная ипостась идолопоклонства. Но она противоречит монотеизму не в меньшей степени, чем самое примитивное язычество.

Первый тяжкий грех, допущенный Израилем после исхода из Египта, – сотворение золотого тельца. Еврейской традицией он признан архетипом прегрешения для всех поколений еврейского народа. Иными словами, наш первородный грех – идолопоклонство. Пророки постоянно повторяют это утверждение. При всех различиях в их речах, разнице тем и накала обращений, общее для всех – обличение идолопо-

клонства. В устах всех пророков Танаха это главный упрек, обращенный к народу Израиля.

На определенном этапе еврейской истории, в начале периода Второго Храма, казалось, что этот соблазн уже не столь опасен, как в предыдущих поколениях, и больше не может быть темой постоянного обсуждения и порицания. В куда более поздние времена мудрецы Талмуда даже выражали удивление силой одержимости этим грехом в прошлом. Однако подобное изменение коснулось только народа в целом. Даже в самые благополучные времена возникали группы – иногда выраставшие до размеров заметной части еврейского общества, – оставлявшие аутентичный иудаизм и вводившие в религиозную практику элементы идолопоклонства. К примеру, эллинизм, завоевавший сердца многих представителей элиты еврейского общества, зачастую служивших идолам лишь из желания воспроизвести чужой образ жизни; многочисленные секты, гностические течения всех родов и видов обладали большой притягательной силой на протяжении веков.

Религиозные еврейские власти, прилагая огромные усилия, пытались бороться с идолопоклонниками – как путем физического уничтожения (так поступали с эллинистами во времена восстания Маккавеев), так и путем изгнания и исключения из еврейской

общины, как они поступили с первыми христианами. Однако и в тех поколениях, когда идолопоклонство переставало быть фактором риска для существования народа, сила влечения к нему, несомненно, оставалась достаточно сильной. Развитие еврейского образования, укрепление централизованного духовного руководства и изгнание отступников сохранили большинство еврейского народа, однако соблазн никуда не исчез. Поэтому в тех случаях, когда связь с иудаизмом ослабевала, идолопоклонство вновь набирало силу, принимая соответствующие эпохе формы и обличья. Справедливо и обратное: именно этот соблазн часто приводил к тому, что евреи отходили от своей веры и покидали свой народ ради служения чужим богам.

Тут необходимо подчеркнуть, что опасность идолопоклонства не только в том, что из-за него те или иные евреи уходят из иудаизма и переходят в другую веру. И даже не в том, что порой возникали синтетические культы, вводящие те или иные элементы язычества в религиозную практику. *(Это явление было очень распространено в эпоху Первого Храма и позже, среди сектантов различных толков)*. Несомненно, с точки зрения иудаизма такое отступничество – страшный, тяжкий грех. Но особую угрозу представляет то, что у евреев оно проявляется в крайних

формах. Поклоняющийся идолу еврей делает это не в силу привычки или рефлекса; он вкладывает в это служение всю свою душу, все силы, готов к самопожертвованию ради него.

Суть этого влечения, силу страсти и привязанности к идолопоклонству можно постичь, если рассматривать его именно как обратную сторону сущностного свойства еврейской души. Ведь, по выражению мудрецов Талмуда, евреи «верующие, дети верующих». <sup>12</sup> Им априорно присуща потребность в вере. На протяжении всей богатой и долгой истории религия для нашего народа не пряность, которая призвана привнести толику вкуса в пресное повседневное существование, не привычный образ жизни, а смысл и основа существования. Народ Израиля теоцентричен, для него наличие личных отношений с Всевышним есть основная, первичная жизненная потребность.

Однако этот мощнейший религиозный импульс, эта сила веры может быть извращена. И тогда еврей обратит предназначенные для общения с Творцом ресурсы своей души, свою потребность в служении Ему, на достижение других целей. Там и тогда, где он изберет объектом своей веры нечто иное, он сделает это, движимый теми же силами. Он будет служить своему идолу «всем сердцем своим, всей душою своею, всеми силами своими». <sup>13</sup>

<sup>12</sup> Вавилонский Талмуд, Шабат 97а.

<sup>13</sup> Дварим, 6:5.

Для евреев идолопоклонство – обратная сторона их любви и привязанности к Всевышнему. Хотя идолопоклонство справедливо считается антиподом иудаизму, и еврейские мудрецы говорят, что всякий служащий идолу отрицает всю Тору,<sup>14</sup> у веры в Б-га и (не будь рядом помянуто!) идола, как уже было сказано, общий источник. Именно те свойства души, что возвышают еврея на уровень чистой веры, в своем извращенном проявлении тянут его в бездну язычества.

Источник побуждений человека, как правило, известен. Некоторые из них свойственны всем живым существам как таковым и порождены естественными инстинктами человека, к примеру: голод, сексуальное желание. Есть и страсти, порожденные влиянием социума: стремление к власти, деньгам, славе. На этом фоне идолопоклонство выглядит как неоправданное, бессмысленное влечение. У пророков можно найти множество упреков, которым можно дать общий заголовок «абсурдность идолопоклонства». У них вызывала протест не столько нелогичность язычества, отвратительность и неприемлемость форм поклонения, но сама подмена живой связи с Всевышним обращением к рукотворному божку. Однако, несмотря на абсурдность и неоправданность идолопоклонства у наших соплеменников, ему все

же есть объяснение. Его существование обусловлено тем, что быть евреем трудно.

Это проявляется на разных уровнях, наиболее очевидным из которых является внешний, связанный с дискриминацией, гонениями и унижениями. Да и обособленность, чувство отдаленности и противостояния целому миру очень тяжелы сами по себе, даже если они не сопряжены с преследованиями. Отнюдь не просто нести ярмо Торы и заповедей. Ведь иудаизм не ограничивается периодическим исполнением определенных ритуалов в культовой сфере, он проникает во все области и аспекты жизни.

Но есть и некая базисная трудность, начало которой совпадает с самим возникновением иудаизма, с дарованием десяти заповедей на горе Синай во время Исхода. Вера в Б-га, в еврейском понимании, включает в себя два основополагающих элемента, понимание и следование которым тяжелы для всех. Один из них – восприятие Творца как Единого и Единственного, включающего в себя абсолютно все сущее, не оставляющего ничего вне Себя. При этом Б-г априорно выше любого конкретного описания, поэтому Он находится за пределами понимания. Второй – необходимость совершенно абстрактной веры, не оставляющей места никакому образу, форме, никакому познаваемому бытию.

Абсолютное целостное Единство, превосходящее и охватывающее все сущее – понятие, которое тяжело постичь и воспринять. Более того, даже при достижении этого, к нему тяжело испытывать какие-либо чувства, ведь, будучи непознаваемым, оно отдалено от нас. Идолопоклонство в любой форме и на любом уровне, нарушает это Единство и ставит на его место одну или несколько сущностей, каждая из которых антропоморфна, и потому – конкретна и познаваема. Образ идола определен, прост, более или менее однозначен, за него можно ухватиться. Даже если он не существует в материальной реальности, если он – лишь некая абстрактная идея, как, например, любовь, сила, или смерть – в любом случае это постижимое умом и сердцем понятие.

Целостное единство трансцендентной сущности чрезвычайно далеко от нас, и потому понять его, отождествиться с ним гораздо тяжелее, чем с простой идеей. У веры в Единого Б-га есть и другая трудная сторона, и она – в самом факте основополагающего запрета на сотворение кумира, статуи или изображения для поклонения. У них есть огромное эмоциональное преимущество: это вещи, понятные и доступные каждому человеку, практически на любом уровне. То, что доступно воплощению, что можно увидеть, представить, ощутить, создает ощу-

щение подлинности, эмоциональной причастности. По отношению к абстрактной сущности, которой запрещено придавать какие-либо зримые формы даже в качестве символа, подобные чувства в принципе спонтанно возникнуть не могут. Бог, получивший конкретное воплощение, антропоморфный бог, имеющий человеческий облик, человеческие свойства, намного ближе и привлекательнее.

Грех золотого тельца, если говорить просто, был не отрицанием Творца, а попыткой придать Ему некую символическую форму, к которой люди смогут испытать более искренние чувства, близость. Подобно этому идол Михи,<sup>15</sup> чьим предназначением было символизировать образ Б-га, был культовым центром сотни лет. Соклещи помочь себе в вере с помощью материальных объектов и форм поклонения, дающих легкую возможность отождествления и эмоциональной привязки, очень велик. Гневные речи пророков протестуют против сосредоточенности на жертвоприношениях, даже в Иерусалимском Храме, противопоставляя их внутренним религиозным обязательствам. И дело вовсе не в том, что они не принимали идеи храмового служения и ритуалов жертвоприношений, а в том, что слишком многие подменяли им постоянное соотнесение себя с Б-гом, живую веру. Замкнутость на ритуале при утрате его

15. Шофтим, 17.

связи с внутренним смыслом отделяло человека от Б-га, открывала слишком легкий путь для удовлетворения религиозных потребностей. Именно эта подмена, а не наличие ритуала само по себе, и вызывала обличения пророков. Его святость не подвергалась ими сомнению, но духовное выхолащивание смысла материальных действий делало жертвоприношение слишком легкой альтернативой праведности.

Таким образом, влечение еврея к идолопоклонству является результатом конфликта его подлинной потребности в вере, служении Творцу, и сложности построить отношения с Ним, бесплотным и непознаваемым. Отсюда и соблазн удовлетворить эту потребность извращенным образом – через идолопоклонство, поклонение чему-то более простому, более приемлемому для человека. Импульс веры принимает форму идолопоклонства. Но иногда, если потребное не обретено или человека не устраивает имеющийся у него выбор, то появляется надобность создать нового кумира, новую веру.

Именно это влечение к идолопоклонству объясняет тот факт, что на протяжении нашей истории многие евреи так увлекались различными культурами, сектами и верованиями. Но и в нашем поколении среди адептов различных групп подобного рода евреи составляют неправдоподобный, непропорционально

большой по отношению к их общей численности, процент. Древнее влечение к идолопоклонству не исчезло. Та трудность, о которой мы говорили выше, не может быть абсолютно устранена, даже путем надлежащего воспитания и образования. С другой стороны, присущая еврею от рождения потребность в вере тоже не угасла. Поэтому в наше время, когда большинство евреев не получают традиционного образования, они оказываются совсем не защищены от соблазна и зачастую находят кривую дорожку привязанности к сомнительным верованиям разного толка, к современному идолопоклонству.

Новые верования, которым привержены сыны народа Израиля, не обязательно выглядят и определяют себя именно как религии. Импульс веры может облечься в формы движений и идей, представляющих себя как совершенно нерелигиозные, даже атеистические. Но охваченные ими евреи служат им, выражая свою глубинную религиозную сущность. Не только в псевдорелигиозных по сути своей движениях, вроде коммунистического, но и в других сферах увлечений, например в социальных, национальных и политических движениях, даже в сфере эстетики, существует этот религиозный элемент.

Влечение к идолопоклонству присуще любому человеку, но в евреях, оторванных – обычно вслед-

ствие ассимиляции – от своих истоков, оно особенно сильно. Совершенно не подготовленный, не получивший аутентичной информации о своем еврействе человек, находится, с точки зрения состояния его души, в тяжелой ситуации. Внутренняя предрасположенность к вере, беззаветной преданности и самопожертвованию – все это присутствует в нем и вызывает к реализации. Будучи евреем, он чувствует сущностную потребность в служении, однако иудаизм чужд и непонятен для него. Поэтому его тянет отдаться любому кумиру, находящемуся в пределах досягаемости, древнему или современному, он сворачивает с традиционного пути и создает какой-то иной способ воплощения своего идеала бытия.

Это подменное бытие идолопоклонства зачастую недостаточно удовлетворяет еврея именно потому, что еврей по сути своей принадлежит иному миру. Однако, находясь на ложном пути, он не может найти дорогу домой. В итоге два полюса противопоставлены один другому, они принципиально несовместимы, и лишь полноценная еврейская жизнь, осмысленная и реализованная в действии, может спасти такого человека от дурного побуждения к идолопоклонству.



## Царство священников

**М**ногие из определений еврейства, в принципе, внешние, то есть не учитывающие внутренние факторы. Мы определяем себя через происхождение, этническую, культурную, даже религиозную принадлежность. Все подобные дефиниции описывают причастность к той или иной общности, степень взаимодействия с ней, но никоим образом не отражают внутреннее состояние. Есть и более крайние случаи, когда некоторые евреи – и таких достаточно много – определяют самих себя исключительно заимствованными формулировками,

без всякой связи с собственным внутренним миром. При этом не суть важно, являются ли они попыткой выразить феномен еврейства, или лишь описанием той или иной внешней стороны последнего, предъ-являемой окружению. Важно лишь то, что на деле все подобные формулировки описывают различные аспекты взаимоотношений с окружающим миром и никак не отображают явление как таковое. И действительно, в чем же заключается суть еврейства, сама по себе, вне контекста подобных взаимоотношений?

Представляется, что наиболее емкая и удачная характеристика народу Израиля была дана самим Всевышним. Она имеет особенное значение, поскольку отражает общий замысел, но не на уровне детализации задач и решений, а задавая перспективу, всеобъемлющие принципы. При этом Тора предстает набором конкретных указаний и инструкций по их реализации, воплощению в жизнь. Еще до Откровения, в качестве предварительного его условия, было сказано так: «Итак, если вы будете слушаться Моего голоса и соблюдать союз со Мной, то вы Мне будете уделом среди всех народов (в оригинале – «сгула». Основное значение этого слова «нечто чрезвычайно ценное, уникальное». Таким является для Всевышнего народ Израиля. Тем же словом называются коллекции редкостей и драгоценно-

стей: как упоминается в книге Кофелет (2:8), «<он собрал себе> редкостные драгоценности («сгула»), полученные от царей и государств». В переносном смысле «сгула» обозначает некое действие или предмет, которые влекут за собой благотворные следствия, при том, что причинно-следственные связи в происходящем неочевидны), ведь вся земля – Моя; а вы будете у Меня царством священников и святым народом».<sup>16</sup> Это обращение – предисловие к иудаизму в целом, еще до передачи конкретных указаний.

И в ответ прозвучали слова, определившие все дальнейшее течение истории: «И весь народ вместе ответил так: «Все, что говорил Господь, исполним!»».<sup>17</sup> Полное внутреннее приятие предложенной миссии, предваряющее все последующее – Откровение на горе Синай, Десять заповедей, и всю Тору, данную после того.

В этой характеристике есть три элемента, выражающие подлинную сущность народа Израиля. Первый из них – «удел [Всевышнего]». Этому термину было дано множество толкований, по сути, в нем и заключается указание на пресловутую избранность, с неизбежно вытекающим из нее чувством превосходства и собственной значимости, и столь же неизбежным ее спутником – неприятием еврей-

16. Шмот, 19:5-6.

17. Шмот, 19:8.

ской исключительности со стороны иных народов. Однако подлинный смысл этого выражения вовсе не в декларации преимуществ или достоинств, а в признании специфики функций, нечто вроде возложения на группу людей определенных обязанностей. При этом происходят те же процессы, что и при облачении некоего индивида ответственной миссией, особым доверием. Таким назначениям всегда сопутствует чувство гордости своей ролью, ощущение собственной значимости, даже некоего превосходства.

Однако подобного рода признание влечет за собой последствия, которые неизменно составляют обратную сторону исключительности. Очевидно, что избранность – это не только особые права или более высокий статус, но и связанные с этим обязанности. Быть избранным для исполнения определенной миссии – значит стать более заметным, выделиться, стать объектом повышенного внимания и, как следствие, мишенью для гораздо более жесткой критики в случае промаха или неудачи. Для подобного отношения к возможной несостоятельности избранника вовсе не надо быть его ненавистником или завистником. Сам Всевышний предупреждает о повышенной ответственности, ведь то, что прошло у иных народов бы незамеченным, без последствий,

бросается в глаза, когда речь идет об избранных. В наиболее четкой форме это выразил пророк Амос: «Только вас Я признал из всех племен земли, потому с вас Я взыщу за все ваши беззакония».<sup>18</sup>

18. Амос, 3:3.

Не стоит упускать из виду еще один значимый аспект избранности. Не подразумевая изоляции, она, тем не менее, обрекает на тяжелое испытание одиночеством, а оно нелегко даже для тех, кто добрался до вершины: народы, как и индивидуумы, не хотят оставаться одни. Люди прикладывают большие усилия, чтобы быть не такими как все, выделиться из толпы, но при этом хотят, чтобы их исключительность была лишь отличительной чертой, но не состоянием. Ведь у этого состояния есть много практических следствий: одиночек не защищают, с ними редко считаются. Невозможность интеграции порождает отчужденность, порой ненависть со стороны окружающих. Для появления этих негативных чувств не надо специальных причин, достаточно самой исключительности. А наша избранность априорно подразумевает постоянную обособленность («Вот народ отдельно живет и между народами не числится»)<sup>19</sup>

19. Ваикра, 23:11.

Другой элемент из приведенной выше характеристики – «царство священников». Это означает, что мы, как народ, приняли на себя функцию служителей Всевышнего, «Его свидетелей»,<sup>20</sup> говоря словами

20. Йешаягу, 43:12.

пророка. Евреи – это сообщество людей, для которых национальной идеей является свидетельство существования Творца, своей жизнью и поведением. Это служение – не часть жизни, более или менее важная, а ее смысл и цель. Все прочие составляющие национального существования вторичны по отношению к этой сверхзадаче. И в этом народ Израиля является исключением: никакой другой народ не нуждается в оправдании своего существования, в наличии смысла для этого. Все народы существуют как данность, без причины, без целеполагания.

Задача священника – быть служителем Всевышнего, его сущность – священство. Для него религиозная жизнь не одна из составляющих, но стержень и основное содержание бытия. Разумеется, и царству священников, поскольку оно царство, для полноценного существования требуются все атрибуты, необходимые любому государству или народу: общественные институты, трудовая деятельность, вооруженные силы. Но все они (даже если на практике они потребляют большую часть ресурсов и времени) вторичны по отношению к главной цели и задаче. В определенной степени весь наш народ можно рассматривать как религиозный орден.

Речь идет не о социальной структуре: народ может управляться демократически, теократически,

монархически... По отношению к самому факту существования, к базисной культуре, любая форма правления, любое религиозное учение являются внешним, дополнительным фактором. Они могут меняться, при этом, разумеется, происходят некие изменения и в самом народе или государстве, но основа, само бытие, остается неизменным. С этой точки зрения еврейское общество не является исключением: оно может подчиняться любой форме правления, от анархической до самодержавной, от теократической до демократической. Однако структура власти, общественные, семейные отношения, быт и культура подчинены главной задаче: священству.

Подобный взгляд на еврейский народ как на «царство священников» имеет важное следствие: священник – часть сообщества мирян. Стало быть, если народ Израиля – это царство священников, то роль мирян играет все человечество, весь остальной мир. Ведь священник функционален не сам по себе, а представляя перед Высшей силой за других людей. Так же, как в каждом народе (в том числе и у евреев) роль и предназначение священников – служить, нести знание народу, представлять всех остальных, заступаться и просить милости для них, так и евреи исполняют миссию священников мира:

«А вы будете называться священниками Г-спода, служителями Б-га нашего будут именовать вас».<sup>21</sup>

21. Йешаяѓу, 61:6.

Понятно, что в идеале так должен бы был считать весь мир. Описание мессианской эпохи у пророка включает подобное признание роли и миссии евреев как составную часть процесса грядущего Избавления. Однако священство, по сути своей, зависит не от того, избран ли священник на эту должность людьми, а от факта принятия на себя миссии служения. Иными словами, он служит Всевышнему, а не людям, лишь как следствие «обслуживая» последних. При этом не столь важен факт признания его заслуг или ценности деятельности. Служение священника строится, прежде всего, на его собственном понимании призвания и смысла существования.

Поскольку Израиль - «царство священников», он - народ-богоносец. Каждый еврей - представитель и посланник Всевышнего в мире. Поэтому, если он плохо или небрежно исполняет свое служение, если его поведение порочно или вызывающе, то этим он дискредитирует не только самого себя, но и свою веру, с которой ассоциируется в глазах окружающих. Когда он делает нечто недостойное (а чем больше он идентифицируется как еврей, тем большее внимание привлекают его поступки), то, по определению мудрецов, совершает тяжкое престу-

пление: профанирует Имя Творца. С другой стороны, совершая великие, да и просто добрые поступки, он освящает Его Имя. Речь идет не о репутации народа, но о славе Всевышнего. Эта идея, выраженная уже в Торе и отчетливо повторенная в книге пророка Йехезкеля, утверждает существование евреев как священников и представителей Всевышнего в мире. Поскольку они несут на себе Его Имя, и потому что Его Имя провозглашено в этом мире евреями, их добрые и злые дела учитываются и приписываются их вере, их миссии. «Царство священников» - это именно весь народ, целиком находящийся на службе.

Третье условие завета - быть «святым народом». И в этом определении есть несколько смыслов, соединяющихся в нечто целостное. С одной стороны, характеристика «святой народ» означает, что священство Израиля - это не принятая на себя отдельными «лицами еврейской национальности» миссия, а роль всего народа в целом. Как следствие, индивидуум не вправе освободить себя от нее волевым решением, не может сказать, что его не волнует собственное священство. «Святой народ» означает, что народ свят целиком, он весь предназначен для святости, и каждый выполняет свою задачу в этих рамках.

Внутри народа Израиля присутствует функциональное разделение на священников (кофенов), некогда

исполнявших культовые и ритуальные функции в Храме, мудрецов, обучающих других, законодателей, формирующих развитие еврейского права в изменяющихся обстоятельствах, и весь остальной народ. Специфические задачи, неважно, унаследовал ли их человек, был избран или получил благодаря особым способностям, несколько выделяют его из общих рамок, но не освобождают всех остальных от их обязанностей. Никто не может переложить свое индивидуальное служение на чужие плечи. Первосвященник не освобождает остальных священников от их священнического долга так же, как армейские командиры и офицеры не освобождают солдат от обязанности воевать. Их задача – координация усилий и выбор оптимального соответствия действий целям.

Поэтому в народе Израиля не существовало и не могло существовать выделенной группы со статусом профессиональных священнослужителей. Были и есть, несомненно, носители таких функций, однако они ни в коем случае не представляют собой обособленной касты. Так как священнический долг – это общий долг всего народа, то люди, выделяющиеся своим служением – лишь пример для подражания, ориентиры. Поэтому веками существовала прослойка посвятивших себя изучению Торы и духов-

ному руководству народа мудрецов и их учеников, но они не только не были закрытым сословием, но по сути своей были обязаны и призваны охватить максимальное количество людей. Даже если на практике есть люди (неважно, много их или мало), не сознающие своих обязанностей перед всем народом или не способные их исполнять в полной мере, это воспринимается как отклонение от нормы, временное состояние. Ведь, в конечном счете, все эти обязанности общие, предназначенные не для одиночных «служителей Г-спода», а для «святого народа» – всецело ориентированного на святость.

Подобный подход диктует также и характерную для иудаизма неразделенность между мирской и религиозной жизнью. Священник сконцентрирован на ритуале; приносит ли он жертвы, выполняет ли иные богослужебные функции – он «служитель культа». Однако определение «святой народ» выводит служение Творцу за рамки религиозных отправлений. Полем служения является вся жизнь целиком, во всех своих проявлениях, а не только ее определенная часть. Святой народ потому и свят, что все его дела, чем бы он ни занимался, несут на себе печать святости.

Заповеди иудаизма, даже если рассматривать их по совокупности, все 613, включая относящиеся к

храмовой службе и системе жертвоприношений, лишь отчасти относятся к тому, что собственно можно назвать религиозным культом. Большая часть запретов и повелений Торы направлена на одухотворение повседневности. Они регламентируют не только ритуальные действия и обряды, но и все детали быта, социальной, гражданской, семейной жизни. Диктуют, как вести себя при пробуждении и перед отходом ко сну, во время еды и работы, в деловых переговорах и на войне, что стоит и чего не стоит есть, что стоит и чего не стоит делать в сексуальных отношениях. Святость народа, таким образом, выражается в привнесении элемента святости во все сферы общественной и личной жизни индивида.

Древний образ, упомянутый еще в рассказе Торы об Исходе, называет народ Израиля «воинством Всевышнего». Военный не должен отменить собственную личность, но обязан подчинять все свои действия рамкам дисциплины. Все военнослужащие, вне зависимости от должности и профессии, объединены единой задачей, и все их действия подчинены достижению единой цели. Структура заповедей иудаизма тоже выражает эту точку зрения: еврейство как служение.

Еще до дарования Торы были установлены общие рамки задачи, получено принципиальное согласие

по поводу роли и предназначения евреев. Частные указания и подробности, следовавшие за этим, это не более чем разъяснения и определение путей реализации. И при наличии предварительного уговора, многочисленные детали выполнения задачи – не более чем его следствие.

Слова завета обращены ко всему народу Израиля. Именно они определяют это сообщество, царство, народ. Разумеется, их осуществление зависит от общего согласия: грандиозную задачу, поставленную от имени Всевышнего ради всего мира, может выполнить лишь целый народ, направивший на нее все свои усилия. Однако они имеют не только общенациональное значение, но влияют на частную жизнь индивидуума, где бы он ни был и чем бы ни занимался. Более того, особые функции «царства священников» и «святого народа» не могут быть выполнены коллективными усилиями сообщества, если все его составляющие не будут разделять эту общую цель и, исходя из нее, выполнять возложенные на них задачи. Царство священников может существовать, только состоя из священников. Святой народ может быть только объединением личностей, каждый из которых хочет и старается быть святым. И поэтому смысл этих слов, прежде всего, обращен к индивидуумам, к личностям, которые затем

вместе составляют целое. Не зря принятие Завета не ограничилось откровением пророку или группе лидеров, или согласием старейшин действовать определенным образом, но «ответил весь народ вместе». Весь народ, каждый человек в нем должен сознательно участвовать в общей структуре, лишь тогда она может иметь смысл.

Такие требования накладывают большой груз ответственности на каждого человека. С этой точки зрения бремя выполнения заповедей (как бы много их ни было и насколько бы они ни были подробно прописаны) – лишь внешняя и не самая важная часть дела. Основная трудность – в принятии решений, обусловленных подобной целью, и в том, чтобы подобно ей строить всю жизнь. Общее определение, сформулированное мудрецами – «принятие ярма власти Небес». Этим выражена идея того, что подобная миссия не декларация, девиз, выражение энтузиазма или даже принципиального согласия. Принятие власти Небес – ярмо, которое нелегко и зачастую неудобно нести. Мудрецы утверждают, что «принятие ярма власти Небес» по смыслу и по времени предшествует принятию ярма заповедей. Каждый самостоятельно возлагает на себя это бремя избранности со всеми сопутствующими ему факторами: обособленностью, ответственностью,

чужеродностью. Всем тем, что сулит избраннику его священство, и главное при этом – понимание национального и личного предназначения: служения Творцу.

Как правило, человек не может всецело посвятить себя служению Всевышнему в его сугубо религиозном выражении, обстоятельства вынуждают его заниматься самыми разными делами, ограничивая духовную сферу. Но все это должно восприниматься как оформление, подспорье при решении основной задачи. Ведь именно служение, которое постулируется как главная цель в жизни индивидуума, определяет систему ценностей и средства, позволяющие реализовать их на практике. Именно здесь определяется, реализует ли человек смысл своего существования, какими бы высокими ни были его достижения в других сферах. Ведь если он не исполняет своей главной функции, то он, по определению, не состоялся в жизни. Насколько он исполнил свое высшее предназначение, настолько он преуспел.

Все это относится не к какой-то одной области бытия, но ко всей повседневной жизни как к полю проявления святости. Совокупность всех составляющих системы определяется одной этой мерой. Поэтому ее истинность открывается в любой сфере, в любой части жизни. Понятно, что не всякий

человек (а по некоторым определениям – ни один человек) может реализовать ее полностью, но само чувство, что на него возложен этот долг, является частью сущности святого народа.

Такая жизнь непроста и нелегка. Разумеется, есть люди, для которых все это проходит естественно, которые по своей природе склонны к одухотворенному бытию, – те, кто делает свой выбор, не обуславливая его национальной принадлежностью, будучи склонны к этому по своей природе. Для многих других принятие на себя подобного образа мысли и жизни становится предметом постоянной борьбы с самим собой в течение всей жизни. В этой борьбе по разные стороны баррикад стоят, с одной стороны, материальный мир, который, в лучшем случае не очень мешает, и сам человек со своими страстями и амбициями, а с другой – его роль и предназначение. Может быть, кто-то, или даже многие, или даже большинство попытаются отринуть свою миссию, избавиться от нее, променять на более понятные и практические цели и задачи, на другие ценности. Всякая такая попытка, даже если она удастся на практике и увенчивается тем, что воспринимается как успех, является жизненным крахом с точки зрения внутренней сущности и истинного предназначения. Это не просто отрицание прошлого, бремени традиции или

некоего смутного национального долга, но побег от самого себя. Такой человек может состояться как профессионал, даже как семьянин и общественный деятель, но как еврей он потерпел фиаско. Любые подмены и перемены – всего лишь маски, одеяния, имитация, сущностное «Я» в чужих обличьях. Такой выход, как было сказано выше, может удаться внешне, но по смыслу это такой способ самоубийства, отрицания самого себя.



## Трагический актер

Одно из наиболее заметных еврейских свойств – способность к мимикрии, к почти совершенному копированию характерных черт своего окружения. Подобное явление заметно как в речи, образе мысли, приемах поведения, так и во внешнем виде живущего в диаспоре еврея. Речь здесь не идет о физической ассимиляции: еще три поколения назад смешанных браков не было совсем. Но евреи, живущие в разных странах, удивительным образом становятся похожими на местных жителей. Более того, если вы хотите составить представление о жителях какой-либо страны, познакомьтесь с ее

евреями. Английский еврей – квинтэссенция англичанина, а французский еврей – более француз, чем сами французы. Впрочем, ни евреи, ни французы этого не признают, заметить это может только посторонний глаз. Несмотря на тонкие различия (которые сами евреи бессознательно обучаются улавливать практически безошибочно), их практически невозможно отличить от других неискушенным взглядом.

Эта способность к подражанию развита столь значительно, что дает заметные результаты уже на протяжении жизни одного поколения. Дети еврейских эмигрантов – в Аргентине, во Франции, в Америке или в другой стране – становятся невероятно похожими на местных жителей. Этот процесс происходит очень быстро и, разумеется, не имеет ничего общего со смешением кровей (хотя в иудаизме, несомненно, за расовой чистотой никогда не следили, и на протяжении всей истории к еврейскому народу присоединялось немало иноверцев, став его неотъемлемой частью, есть научные свидетельства генетиков, доказывающие, что большая часть народа Израиля имеет общее этническое происхождение) или с пластичным генотипом (бросающуюся в глаза разницу во внешности между евреями разных общин, видимо, следует объяснять не столько смешением кровей, сколько пластичной

генетической наследственностью (это свойство наблюдается также у некоторых видов животных и растений). Возможно, генетические изменения у евреев происходят быстрее, чем у большинства иных народов, однако этот процесс все равно занимает многие поколения.) Его можно наблюдать даже на членах одной семьи. У многих из нас есть родственники в разных уголках света. Собираются кузены на семейное торжество – и что же мы видим? Кузен Майкл – типичный американец, кузен Алекс – типичный израильтянин, а кузина Софа и ее детки – типичные белорусы. Но ведь их родители родные братья!

Ницше восхищался «удивительной и достойной подражания» еврейской чертой: умением приспособиться к любым условиям и пережить любые катаклизмы. Объяснение этой феноменальной способности можно найти в условиях существования на протяжении большей части нашей истории: надо выжить, а чтобы выжить, надо стать незаметным. Вот урок, который неизбежно усваивает тот, кого часто бьют. Еврею нужно научиться носить маску, впитывать язык, выглядеть таким, как все вокруг. Наша способность быстро менять место жительства, жить в разной среде обитания – это не только гибкость мышления и способность оперативно приспособли-

ваться к изменившимся обстоятельствам. Это также умение мимикрировать – в сущности, чрезвычайно важное для всякого незащищенного существа, вынужденного защищаться от враждебной внешней среды, и оно должно научиться этому, если хочет продолжать существовать.

Века преследований развили в евреях необыкновенную способность перенимать жесты, походку, словечки и интонацию. Посмотрите на выражения лиц, на то, как движутся люди, их мимику и пластику – вот то, что создает образ, и это гораздо более характерные черты, чем форма носа или оттенок кожи. Это мастерская адаптация людей, которые все время живут на чужбине и очень цепко воспринимают то, что составляет специфику данного места.

Способность к подражанию характерна не только для евреев. Есть и другие народы, у которых она хорошо развита. Вместе с тем, следует четко различать внешнюю имитацию и еврейскую мимикрию. И чтобы лучше это понять, попробуем обратиться к очень сходному явлению, которое принято именовать левантизмом. Человек левантийского (средиземноморского) типа тоже способен очень легко и быстро изменяться, схватывать новые языки, перенимать манеру одеваться и вести себя. И, несомненно, многие левантийские народы на практике

доказали свое потрясающее умение имитировать и подражать. При необходимости они очень быстро усваивают образ жизни, обычаи и язык другого народа. Вместе с тем, в этой имитации легко заметна известная доля пародии. Так как она сугубо внешняя, то склонна к преувеличению, и разительное несоответствие между ментальностью и внешним видом бросается в глаза.

Наша адаптация совершенно иная – это внутреннее преобразование. С языком чужого народа к нам приходит глубокое понимание его духа, чаяний, образа жизни и мыслей. Мы не обезьянничаем, а становимся его частью. Более того, спустя некоторое, часто очень недолгое время, мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя.

Эти два типа подражания отличаются, как отличаются любитель из самодеятельности и профессиональный актер. Первый может переодеться во что угодно, надеть костюм короля или бродяги, даже попытаться имитировать те или иные черты этого персонажа: осанку царя или повадки нищего. Но преобразования не происходит, из-под одежды все время проглядывает ряженный. Его подлинная личность проступает сквозь грим и бутафорские одежды, входя в противоречие с персонажем, который он пытается изобразить.

Актер, напротив, не полагается на костюм никогда. Только бездарный лицедей думает, что он станет похож на короля, надев корону на голову. Чтобы хорошо сыграть роль, недостаточно переодеться или выучить определенные движения – надо войти в образ: отождествиться с ним, научиться думать и чувствовать подобно ему. Если это удалось, то сценический персонаж могут создать даже незначительные внешние изменения. И чем более актер талантлив, тем менее важны внешние детали.

Еврейский талант к мимикрии, в основе своей – актерский. Иначе говоря, он коренится в способности адаптироваться к внешней среде внутренне. Адаптироваться так, что еврей уподобляется актеру, который не только играет на сцене, но и становится тем, чью роль он исполняет: так же думает, таким же образом воспринимает действительность; как будто превращается в него. И поэтому, даже если внешние изменения незначительны, создается впечатление полного подобия. Более того: в некотором смысле, у актера есть преимущество перед оригиналом, которому он пытается подражать. Если талантливый актер играет на сцене роль какого-либо человека, то создаваемый им образ, в известном смысле, правдивее прообраза, ибо актер отыскивает самые типичные его черты и наиболее яркие особенно-

сти. Актер подражает не конкретному человеку, а играет обобщенный тип. И если евреи пытаются играть роль, то не как заурядные лицедеи и жалкие комедианты, а так, как играют великие трагические актеры: подражая народам, среди которых они живут, они изображают, скорее, народный тип, нежели отдельных его представителей.

У живущего в определенной культурной среде человека, кроме национального характера, есть еще и специфические черты, отличающие его от среднестатистической нормы. Поэтому конкретный человек редко является типичным представителем своего народа. Ведь у каждого есть свои особенности поведения, и человек нередко сознательно стремится отличаться от общепринятой нормы, чтобы выразить свою индивидуальность. Еврей же не имитирует подобные нетипичные черты, он инстинктивно стремится выявить некую коллективную суть, основание и корни той общности, с которой он отождествляется.

Поэтому не должно удивлять, что еврей-эмигрант во втором поколении не только похож на уроженца страны, но во многих аспектах гораздо более типичен. И дело не в том, что он хочет продемонстрировать преувеличенный патриотизм. Просто коренной житель зачастую усваивает свою коллективную на-

циональную сущность частично и неглубоко, и его жизнь скорее является попыткой построить собственную уникальную личность, которая не обязана соответствовать общему целому и отождествлять себя с ним. В отличие от него еврей воспроизводит архетип, который внеположен отдельным личностям и проявляется в каждой из них. И поэтому он выражает целостный – иногда более целостный, чем сами местные жители – тип, национальную сущность во всех ее характерных составляющих.

Отсюда парадокс – пришелец-еврей зачастую становится более совершенным выражением обобщенного типа той страны, в которой живет, и выражает ее специфику лучше, чем ее уроженцы. Ситуация в некотором роде анекдотичная: евреи часто говорят на более правильном языке, чем коренное население, лучше разбираются в литературе и истории этого народа, в местной политической жизни. Копия в известном смысле превосходит оригинал! Все это потому, что он стремится «дойти до самой сути», потому что он выражает не второстепенные индивидуальные черты, но общий корень, принадлежащий обществу в целом. В данном случае это не только результат сознательного усилия быть лучше всех или стать первым (хотя подобная мотивация характерна для еврея, который обычно должен из-

всех сил стремиться быть лучшим, чтобы остаться в равном положении), но мимикрия заставляет его вести себя подобным образом.

Все это, разумеется, сложный и запутанный процесс. Требуется время и регулярная (сознательная и бессознательная) практика, пока актер на самом деле достигнет отождествления с образом. Иногда проходит целое поколение, пока еврею начинает действительно удаваться роль местного жителя. Несомненно, на первых порах, когда она еще не может быть сыграна в совершенстве, потуги актера вызывают смешанную реакцию: от усмешки, подобной реакции наблюдающего за обезьяной человека, до неприятного чувства неловкости при виде собрата, своими нелепыми усилиями ставящего самого себя в смешное положение.

Неудачные попытки подражания обычно смешат, но не вызывают злобы. Смешное можно презирать, но не ненавидеть. Левантский тип, чьи имитации видны невооруженным глазом, может вызвать насмешку или раздражение, но именно бездарность в подражании, в котором всегда есть элемент карикатуры, не дает ему вызвать ненависть. Однако еврейская способность к подражанию заходит гораздо дальше, чем внешнее копирование. С течением времени отождествление доходит до такой степени,

что еврей действительно в совершенстве, без всяких видимых признаков чужеродности, исполняет свою роль представителя другого народа. Мы становимся национальными поэтами, драматургами, художниками других народов, а через некоторое время даже их мозгом и устами.

Этот феномен вовсе не означает, что в странах, где евреи прижились и стали частью окружающей культуры, их любят. Наоборот, у многих сограждан это вызывает лишь обиду и возмущение. А когда еврей перестает быть частным лицом, чье влияние ощутимо только в сфере индивидуального общения, личная неприязнь переходит во враждебность. Писатель, актер, политик, генерал еврейского происхождения пробуждают агрессию, даже страх перед «похитителем» образа. И происходит это именно тогда, когда они перестают быть чужаками, когда в совершенстве исполняют свою роль – даже лучше, чем представители народа-гегемона. Коренной житель ощущает (независимо от того, говорит он это или только смутно чувствует) что еврей узурпировал нечто, принадлежащее только ему. Жалобы на то, что «жиды захватили власть в государстве» – лишь поверхностное выражение ощущения, что они похищают у иного народа самое сокровенное – его «я», саму душу. Как если бы тень не только приняла

облик своего хозяина, но и сделала это настолько искусно, что тот ощущает, будто бы сам превращается в тень того, кто лишь подражает ему самому. Именно это является одной из основных причин современного антисемитизма, в отличие от Средних Веков и начала Нового Времени, когда он подпитывался религиозной ксенофобией, новая его форма питается не различием, а подобием.

Однако, что же происходит с самим актером? Что происходит в душе того, кто играет роль? В начале периода эмансипации некоторые предлагали в качестве решения еврейской проблемы (которую многие ошибочно видели в изоляции и отчужденности от окружающих), формулу: «Будь человеком на улице и евреем дома». (*Выражение принадлежит еврейскому поэту из России И. Л. Гордону*). Многие евреи пытались тогда и, так или иначе, пытаются действовать до сих пор по этой формуле. Иными словами: «на улице», во внешней среде, они идентифицируются с окружающим миром, подражают ему, а дома, в кругу семьи и близких, вновь позволяют себе стать самими собой.

В таких случаях еврей становится актером в полном смысле слова. В определенные часы он играет роль для публики, а затем переодевается в гримерной и становится обычным человеком. Подобный переход

требует немалых душевных усилий. Актрисе, которая должна день за днем играть Клеопатру, совсем непросто ежедневно возвращаться домой и менять пеленки ребенку. Чем глубже актер входит в образ, тем тяжелее ему выходить из него. Даже если он избавляется от реквизита, ему нелегко снять грим, нанесенный на душу. Помимо своей воли он привносит в жизнь играемую роль, и она окрашивается и меняется под ее влиянием. Это постоянная проблема всех актеров, трагическая сторона двойной жизни.

Элемент, облегчающий жизнь (но не труд) актера – то, что он в роли лишь недолгое время. Поэтому ему гораздо легче вернуться к нормальному состоянию. Но еврей играет большую часть дня, многие годы, постоянно внося изменения в образ, в соответствии с возрастом, статусом и ситуацией в целом. Такое состояние подобно шизофреническому раздвоению личности, притом неполному – ведь каждая ипостась, разумеется, осознает существование другой.

Ассимилирующийся еврей, старающийся интегрироваться в нееврейское общество, совершает направленное, почти профессиональное усилие, дабы «вписаться» в окружение, приспособиться к среде. Стремясь к успеху, он пытается достичь полного отождествления с ней. Он может перенести роль на всю свою жизнь, да так, что сам перестает воспри-

нимать себя как актера. В таком случае механизм отождествления становится почти автоматическим, как у хамелеона, в зависимости от среды меняющего цвет без сознательного участия в происходящем.

Существуют и такие евреи, которые больше не ассимилируются – потому что уже полностью ассимилированы. По ним (по крайней мере, им самим) видно, что они никогда и не были другими. Однако истинная ассимиляция – длительный сложный процесс. Сколь бы старательно они не демонстрировали миру внешние признаки, им все равно приходится прилагать постоянные усилия для нивелировки влияния собственной, столь непохожей на остальных в их окружении, личности.

Может быть, актер уже и забыл, что он играет. Иногда отождествление с ролью столь совершенно, что он искренне полагает, что таков и в действительности. Происходит постепенный переход от актера, лишь играющего роль Наполеона, к актеру, которому так трудно выйти из роли, что он продолжает вести себя как император, даже сойдя со сцены, а от него – к стадии, когда он действительно полагает себя таковым.

Однако во всех этих случаях неизменно присутствует дополнительный элемент – собственная личность, которая все-таки отличается от роли. Иногда она

открыта и осознаваема, и порой человек прилагает волевое усилие, чтобы ее подчеркнуть, иногда она вытеснена и скрывается, а иногда – полностью стерта из сознания. В любом случае, она абсолютно чужда исполняемой им роли, и эта несовместимость сохраняется во всех вариантах, даже в том, в котором подлинная индивидуальность всецело скрыта. Собственная личность может быть выцветшей и незаметной, но ее суть устойчива и неизменна.

Даже такой еврей, который полностью, сознательно и добровольно отождествил себя со средой, сохраняет под покровом избранного им облика неистребимую еврейскую сущность. При любых усилиях с его стороны, сознательных либо бессознательных, она продолжает оставаться фактором, влияющим на его мироощущение и поведение. На протяжении десятилетий, иногда – всей жизни, она может никак не проявлять себя внешне, однако сам факт ее существования делает его отличным от окружающих. После всего, что еврей делает для страны, в которой он живет и для ее общества, с которым себя полностью, до полного самоотречения, отождествляет – он всего лишь актер, играющий чужую роль.

О, он может делать это в совершенстве, всецело слившись с образом! Ведь он ведет себя так не по

принуждению, не соревнуясь с кем либо, и даже ничего не доказывая. Природа его мимикрии такова, что она направлена на сам дух народа, общества, к которому он хочет принадлежать. Но, вместе с тем, он неспособен полностью отрешиться от самого себя, стереть до конца свою подлинную суть, которая только и делает его иным, чуждым. Хотя он успешно ассимилирован в обществе, которое искренне считает своим, ему никуда не деться от своего еврейства.

В этом смысле он подобен розовому кусту, к которому привит другой вид роз. Все листья, побеги и цветы на нем – того вида, который на него привит. И все же корни, на которых все это растет, относятся к иному виду, который все время пытается хоть как-нибудь проявить себя. Кроме того, корневая система всегда может принять еще какой-нибудь привой. Несмотря на то, что на нем уже весьма успешно растет определенный сорт, там точно также может быть привит и любой иной.

Эта инородность, пусть даже она и позволяет подстраиваться под внешнюю среду, образует барьер между евреем и его окружением. Ведь в другом обществе, в другом месте, он также приобретет черты местного жителя, правда – совершенно другого. То самое свойство, которое позволяет еврею,

вплоть до полного тождества, воспроизводить это окружение, позволяет ему с той же достоверностью отождествиться и с иным. Его идентификация никогда не аутентична, она инспирирована извне. Это не недостаток верности и приверженности – это процесс, происходящий почти автоматически. Хамелеон, меняющий окраску, делает это не потому, что хочет этого, но в силу заложенного в него природного механизма, вынуждающего его вести себя так. Однако не удивительно, что те, у кого есть своя окраска, свой цвет, так или иначе ощущают, что окраска хамелеона – как бы она ни была похожа или даже идентична окружающей среде – иной природы.

Та же малая и трудноопределимая мера инородности приводит к тому, что евреи все-таки узнают друг друга среди иных людей, а их соседи испытывают ощущение (не поддающееся определению, и уж тем более недоказуемое) принципиальной чуждости еврея, неистребимой и коренной. Это смутное ощущение тоже является одной из причин ненависти к евреям. Она иррациональна, ведь их трудно заподозрить в неискренности или нелояльности. Нет числа доказательствам обратного, как нельзя и переоценить вклад евреев в благосостояние, культуру и науку приютивших их стран. Тем не менее, в обществе неизбежно присутствует ощущение,

что этот еврей, по сути своей, «не наш». Еврейское происхождение является фактором, который нельзя игнорировать, обойти вниманием.

Предположение о существовании неистребимой еврейской сути в каждом представителе народа Израиля, делающей его отличным от окружающих, отнюдь не связано с ненавистью к евреям. Наоборот: оно основано на аутентичном еврейском восприятии, выраженном в определении: «Еврей, хотя и согрешивший, все же еврей»,<sup>22</sup> и на базовой идее каббалы и хасидизма, что еврейскую душу невозможно уничтожить до конца, хотя человек может, следуя собственному выбору, скрыть ее.

Таким образом, евреи в нееврейском мире подобны трагическим актерам. Трагична не роль, которую они играют, а сам факт актерства. Талант имитации, которым еврей был обязан обзавестись для выживания, выродился в навязчивое подражательство. Но каким бы полным ни было сходство, он остается актером, отчаянно пытающимся слиться с образом, но вместо этого лишь достигающий еще больших вершин мастерства.

Окружающее общество далеко не всегда забрасывает еврея-актера тухлыми яйцами, порой оно награждает его аплодисментами, поощряет за успехи. Однако и в этом случае элемент трагедии сохра-

<sup>22</sup>. Вавилонский Талмуд, Сангедрин 44а

няется. Ведь еврей знает (или, по меньшей мере, ощущает), что, несмотря на все его достижения, он играет роль. Но что в работе принадлежит ему, а что – чужому народу, который (в целом) никогда не считал его своим, и не давал на откуп свою национальную жизнь и культуру? И чем теснее еврей был связан с ролью, которую играл, тем сильнее будет ощущаться эта трагедия, следствие его актерского успеха. *(Самоубийства многих евреев в Германии с приходом Гитлера к власти (например, Стефана Цвейга), были не только из-за социального или финансового краха. Это крайняя реакция тех, кто полагал себя немцем, на явное отторжение со стороны сограждан, которых они считали «своими».)*

Иногда, подводя итоги всей своей жизни, он говорит о себе: «Поставили меня стеречь виноградники, свой виноградник я не уберегла».<sup>23</sup> Если даже духовная жизнь еврея оказывается заемной, чужой, что же свое?

Представим себе старого актера. Вот он сидит в последний раз в своей гримерной. Снимает грим. Что он видит в зеркале? Кто он на самом деле? Он так хорошо играл, что успел забыть, как выглядит без грима. Есть ли у него свое лицо? Хамелеон может менять окраску. Но тогда какого же он цвета сам по себе? Зеленый? Серый? Должен же у него быть свой цвет!

Во все времена (точнее, до последнего времени) евреи помнили об этом и дистанцировались от нееврейского окружения. Сохранить исключительность – вот в чем была задача евреев, преданных своей традиции. Они не принимали чужой культуры не потому, что боялись ее, их просто заботила судьба своей! Они боялись не маски, а потери лица.

У нас в душе постоянно звучит властный зов. То, чего он от нас требует, совершенно противоположно приспособлению и мимикрии. Иными словами, в нас есть какие-то труднообъяснимые элементы нашего «Я», от которых мы не можем избавиться, хотя не раз пытались это сделать на протяжении еврейской истории. Иногда после того, как одно, два или три поколения, казалось бы, уже приспособились и ассимилировались, из сохранившихся ростков вдруг снова вырастал древний ствол, как будто и не было никакой ассимиляции. Это как раз то свойство еврейства, которое с самого начала нашей истории отмечают другие народы, а именно, что мы – самый упрямый народ в мире. Народ, который невозможно одолеть, который можно разорвать на куски, но и эти куски, благодаря заключенной в них внутренней силе, вновь соединятся в единое жизнеспособное целое.

23. Шир га-ширим («Песнь Песней»), 1:6.

Как будто налицо очевидное противоречие. Но если взглядеться пристальнее, мы увидим, что эти два свойства нашего народа противоречивы только внешне. Ничем не ограниченная способность изменяться, означала бы, что мы должны исчезнуть, раствориться. И те из нас, кто действительно хотел этого, стали-таки частью других народов, если не сами, то в своих потомках. Но выжили – не как индивидуумы, а как народ, только те, кто обладал дополнительным свойством, придававшим особый смысл нашей способности приспосабливаться и изменяться. Оно в том, что, изменяясь, мы сохраняем память и знание о том, что в нас есть нечто особое, что евреи иные, не похожие на других. Мы гибче, податливее, чем кто бы то ни было на свете, и, в то же время, мы тверже, чем сталь. В этом – подлинный секрет нашего выживания. Еврей может найти достойный выход лишь одним способом: сознательно, по своей воле, перестав играть в чужие игры.



## АВТОАНТИСЕМИТИЗМ

**К**ак это ни парадоксально, у антисемитизма и юдофильства есть много общего. И то, и другое – полярные проявления одного и того же иррационального восприятия евреев («от любви до ненависти...»).

Большая часть человечества полагает, что народ, численность которого составляет не более трети процента от всего населения земного шара, не заслуживает столь уж пристального внимания мировой общественности. Но антисемиты, как, впрочем, и многие юдофилы, убеждены в том, что еврейство играет выдающуюся, даже доминирующую роль в историческом процессе. Вера в уникальность и

избранность нашего народа вынуждает их приписывать ему исключительное значение и пристально исследовать любую проблему, так или иначе связанную с еврейством. Примечательно, что именно те, кто уверяет евреев в своей пламенной любви к ним (преувеличивая, как правило, силу своей страсти), зачастую становятся впоследствии яростными антисемитами.

Наличие общих корней у антисемитизма и юдофильства помогает объяснить достаточно распространенное ныне явление: многие тяготятся своей принадлежностью к еврейскому народу, причем спектр эмоций широк – от гипертрофированной требовательности к своим соплеменникам до иступленной ненависти к ним, да и к самим себе. Глубоко укоренившаяся в сознании вера (совершенно иррациональная и зачастую неосознанная) в уникальность и избранность Израиля, в его необычайные способности и возможности приводит к тому, что собственный народ всегда находится в фокусе внимания этих людей и является для них постоянным объектом критики. То, что для всего человечества является приемлемой этической нормой, стандартом поведения, по отношению к избранному народу часто рассматривается как нечто непростибельное и заслуживающее всяческого порицания.

Это может перерасти в болезненную антипатию к еврейству вообще, а то и в настоящую ненависть, «автоантисемитизм».

Наверное, всем известно, что представляет собой комплекс неполноценности: это злость на самого себя, стыд за свои истинные или мнимые недостатки, болезненная страсть к выискиванию их. Многие люди в той или иной степени подвержены ему и жестоко страдают. Но существует и комплекс национальной неполноценности, странным образом присущий многим евреям, в частности, ассимилированным интеллектуалам, и выражается он, прежде всего, в их отношении к иудаизму.

Причина этого заложена, в первую очередь, в удивительной, уникальной способности евреев к мимикрии, особенно ярко проявляющейся в области культуры. Они словно перенимают защитные формы и окраску, уподобляясь другим, более сильным видам. Для ассимилированного еврея это не просто стало маскировкой, но вызвало изменение его внутреннего мира, приведя к отказу от системы ценностей и образа жизни своего народа.

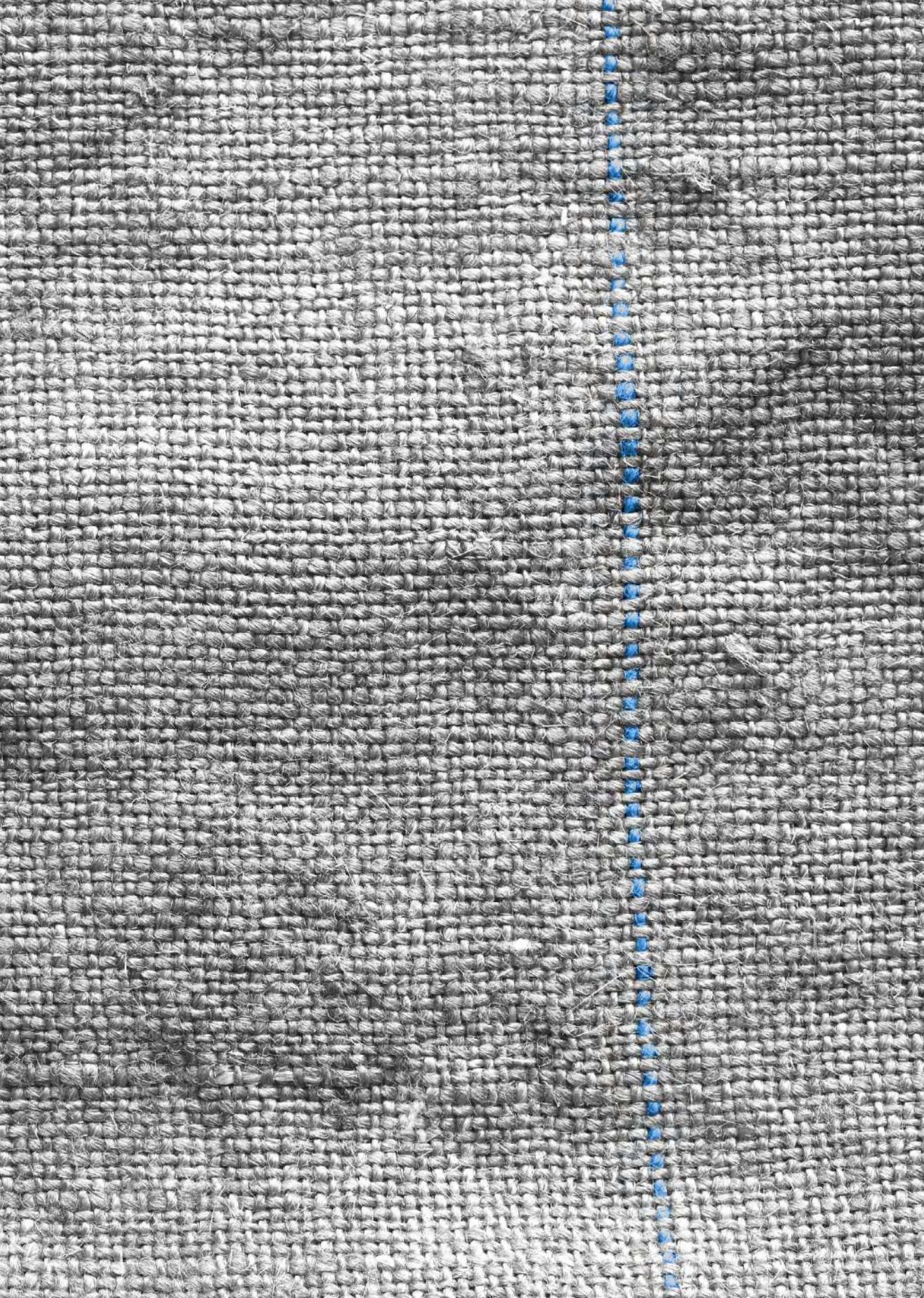
Страсть к подражательству порой оказывается настолько сильной, что перестает коррелировать с реакцией господствующего окружения, и даже если последнее остается враждебным или просто

индифферентным, но не желает принимать «чужака», он продолжает обезьянничать. Но отказ от национальной самоидентификации не приводит к ее полному исчезновению. Какие-то слабые ее проблески все же продолжают мерцать, по крайней мере, на подсознательном уровне. Еврей, который полагает, что сроднился с чуждой культурой до такой степени, что она стала его естеством, глубоко-глубоко в душе хранит веру в уникальность своего народа. Более того, он осознает, что эта уникальность обязывает и его, предъявляет к его поведению особые требования и завышенные стандарты. Сочетание признания миссии Израиля в мире и отчуждения от собственных корней почти неизбежно вызывает враждебное чувство к еврейству.

Страх и подозрительность по отношению к чужакам порождают болезненное отклонение от психической нормы: ксенофобию. А когда их к тому же наделяют уникальными талантами или особенностями, она приобретает самые зловещие формы. Однако, как уже говорилось в начале статьи, антисемитизм амбивалентен: наряду с ненавистью в нем содержится немалая толика зависти и благоговения. К этому смешанному чувству, на проявление которого влияют разнообразные факторы, обусловленные общественной моралью, культурой и т.д., примешана

все-таки и некоторая доля стыда; именно поэтому антисемиты так часто предпринимают попытки самооправдания.

Если кто и оказывается абсолютно свободным от этой амбивалентности – так это еврей-антисемит. Однажды кто-то сказал: гой – это просто нееврей, но подлинным, законченным гоем может быть только еврей. Он презирует свое происхождение, вредит и клеветает, высмеивает и поносит, но при этом не чувствует ни тени смущения, не испытывает никакой неловкости, равно как и необходимости для самооправдания, ведь он сам – еврей. И уже одного этого достаточно для ненависти к не отпускающему его народу, когда не остается места для элементарного чувства – стыда. Только такой человек и может быть неисправимым, законченным юдофобом, ненавидящим свой народ, а значит, и самого себя, всем сердцем и всей душой.



## ЕДИНСТВО И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

О вкладе иудаизма и евреев в цивилизацию, мировую культуру, написано множество книг – в основном почему-то, самими евреями. В сопоставлении с относительной численностью еврейского народа результат получается весьма впечатляющий. Однако стоит обратить внимание на различие между тем, что дали миру носители аутентичного иудаизма и те, кто, оставаясь евреями по происхождению, тем не менее, не рассматривал себя как представителей или носителей иудаизма.

Обобщенно можно сказать, что иудаизм, прямо или косвенно, подарил человечеству идеи, имею-

щие фундаментальное значение для цивилизации: единобожие, влияние которого в мире, при всем разнообразии нюансов, огромно; еженедельный день отдыха, равенство перед законом, понятие социальной защиты, мессианскую концепцию исправления мира и многое другое.

Вклад отдельных личностей, вероятно, не столь капитальный, но и их влияние значительно: в естественных и гуманитарных науках, литературе и искусстве, политической и финансовой сфере... Их достижения впечатляют, влияние евреев на все эти сферы очень велико. Однако уместен вопрос: есть ли связь между подобными научными, культурными достижениями и еврейством?

В конце концов, те, кто внесли столь значимый вклад в эти сферы, как правило, делали это, не исходя из еврейской национальной идеи или религиозного служения. Более того, большинство талантливых людей, создавших шедевры мировой культуры или совершивших революционные открытия в науке, лишь по своему происхождению могут считаться евреями. Их осведомленность в культуре и традициях собственного народа была слабой и крайне фрагментарной, а национальная самоидентификация – весьма туманной. Нет сомнений в том, что список выдающихся людей еврейского происхождения

может служить источником морального удовлетворения и этнической гордости. Но есть ли в нем что-нибудь большее?

Иудаизм, как и любая иная система верований, законов и обычаев не передается по наследству. Человек не может генетически унаследовать какую либо культуру. Ребенок, являющийся потомком династии великих раввинов и многих поколений знатоков Торы, не рождается мудрецом, и не будет автоматически знать Талмуд лучше, чем сын невежды и простолюдина. Знания и навыки получают обучением, повторением, подражанием окружению, они не передаются сами по себе.

Впрочем, есть то, что наследуется и без передачи определенной традиции. Специфические подходы к проблемам и явлениям, определенное мироощущение передаются не только непосредственным потомкам, но переходят в следующие поколения, даже когда те ничего не знают, да и не хотят знать о своих предках. Человек не может убежать от самого себя, от того, что образует его сущность, значительную, если не определяющую часть которой составляют черты присущие большинству евреев, типовых для этого народа. При всем желании, он не сможет искоренить заложенные в его личность самим фактом рождения способности и базовые подходы.

Даже когда человек занимается вещами, у которых нет ничего общего с еврейством, его отношение к ним, способы взаимодействия с ними, связаны с его происхождением. Что бы он ни рассматривал, он неизбежно смотрит еврейскими глазами. Еврейство будет проявляться в его жизни и профессиональной деятельности, на всех уровнях бытия, вплоть до нюансов мировоззрения, восприятия и сознания. У евреев есть свой специфический подход, взгляд на вещи, он отличает и отмечает произведения еврейских создателей во всех сферах творчества.

Речь идет не только о том, что непосредственно, хотя иногда и изменившись до неузнаваемости, из еврейской культуры переходит в другие сферы, не относящиеся к ней. (Как, к примеру, буква *א* «алеф», математический символ в работе Георга Кантора, создателя теории множеств, обозначающая число элементов бесконечного множества.) Еврейство проявляет себя разными путями. Для иллюстрации своей идеи в качестве примера мы приведем всеохватное влияние фундаментального принципа иудаизма – веру в Единого Творца. Парадоксальным образом она получила выражение в работах евреев, на первый взгляд вовсе не связанных с этим принципом, а иногда – прямым образом его отрицавших.

Еврейская вера – последовательный монотеизм, вера в Единого Творца. «И узнаешь ты в тот день, и примешь своим сердцем, что Г-сподь – Б-г; от небесных высей и до земных глубин не существует ничего, кроме Него».<sup>24</sup> То есть между Б-гом и сотворенным им материальным миром нет различия. Природа – это не инструмент и не изделие Творца; она и есть непосредственное проявление Всемогущего. Физический мир создан Им для сокрытия Его присутствия, чтобы наделить свое любимое творение, человека, важнейшим достоянием, без которого немислимо ни воздаяние, ни вознаграждение, да и само понятие служения – свободой выбора. Однако из этой веры исходит и на ее основе возникает мировоззрение, не ограниченное лишь теологическим аспектом, а охватывающее всю реальность. Это монистический подход, то есть теория, согласно которой кажущиеся различными виды бытия или субстанции, в конечном счете, сводятся к единому началу.

Следует вспомнить, что теория монизма, как и монотеизм, не имеет эмпирического обоснования, но является мировоззренческим принципом, способом восприятия мира. Такое мировоззрение опирается на множество аргументов, но оно, само по себе, не самоочевидно. Монизм – это видение во всем многообразии мира проявления единого

24. Дварим, 4:39.

универсального закона, более того, он предполагает общую основу всей совокупности существования.

Монизм сам по себе религией не является, однако не только отдельные положения этой теории, но и весь ее подход обнаруживает связь с ней. Ведь вера в Единого – не голословное утверждение о некой реальности, существующей помимо нас. Из нее следует, что все сущее, несмотря на внешние различия, объединено и подчиняется одному началу. Монистическая теория, не в религиозных, а в философских категориях, выражает то же самое.

Стоит добавить, что хотя монизм рассматривает все сущее как исходящее из единственного начала, но иногда он видит его как дихотомию. Однако она, по сути, является лишь более сложной формой единства, потому что исходит из предположения о существовании единственной пары противоположностей, объясняющей все явления. С этой стороны гнозис можно рассматривать как продолжение, хотя и извращенное, традиционной еврейской концепции. Ведь дуализм добра и зла, в сущности, продолжение концепции единства, в которой закон Торы является основой всякого миропонимания. Такой подход к единству бытия не обязательно прост и уж точно не примитивен. Наблюдатель не может игнорировать факт множественности и различий между частностями

ми. Однако монистическая концепция противостоит множественности с помощью усилия связать все явления в один базовый процесс, где множество различных частностей так или иначе сводятся к одной объединяющей точке, а все явления истолковываются как двойственные или как сложные проявления одного-единственного источника.

Влияние идей монотеизма, как было сказано выше, не обязательно приводит к развитию или возникновению религиозного сознания в рамках какого-либо верования. Но его результат – упорный поиск концепции, непротиворечиво объясняющей все многообразие сущего, некоего универсального закона, для которого все происходящее в мире было бы лишь частными проявлениями – можно обнаружить у каждого еврея, как бы он ни был далек от своих истоков. Еврейская история на протяжении последних столетий дала много образцов подобного подхода, как в сферах собственно еврейской мысли, так и вне их.

Можно привести несколько ярких примеров евреев, чья деятельность привела к заметным изменениям в мире. Общей для столь разных людей была оторванность от традиционного образа жизни, высокая степень ассимиляции. Но все они равно выражали свою еврейскую природу в творчестве.

Один из таких примеров – небезызвестный Карл Маркс, творческое наследие которого уже более полутора сотен лет вызывает ожесточенную полемику. Как известно, он происходил из весьма почтенной в прошлом еврейской семьи, насчитывавшей много поколений раввинов, однако уже родители Маркса были полностью ассимилированы. Они даже позаботились о том, чтобы крестить его в юном возрасте.

Вклад Маркса в философию истории, культуры и экономики огромен. Немалая часть его наследия останется востребованной даже после того, как дело его жизни, его знаменитая теория марксизма не будет иметь столь значительного влияния, какое у нее было в прошедшие годы. Несомненно, Маркс был не первым философом в сфере экономики, а тем более в историографии. Даже с точки зрения его преданных последователей, у него были предшественники. Вместе с тем, огромное впечатление, произведенное его творчеством уже при жизни и, в гораздо большей степени, после смерти, обусловлено тем, что впервые была создана развитая интеллектуальная система, опиравшаяся на попытку подвести универсальную единую базу под все явления.

Нечего и говорить, что теория Маркса не связана ни с монотеизмом, ни с каким-либо религиозным верованием вообще. Но она является отражением

поиска единой причины для всего многообразия процессов в мировой истории и экономике. Основа его теории – попытка представить мировую историю со всем, что в ней происходит – кризисами, войнами, возникновением и крушением государств, созданием и закатом религий, миграциями населения, а также всю культуру и совокупность достижений человечества, – как закономерное проявление экономических процессов. Если мудрецы Талмуда утверждали, что «весь мир стоит на одном столпе, и праведность – имя его», то Маркс, не видевший никакой ценности в праведности, тоже ставит весь мир на один столп – влияния экономики, и, как следствие, – борьбы классов.

С этой точки зрения человеческая история и культура предстает не совокупностью результатов действий различных сил и факторов, а частными проявлениями единого процесса. Подобный подход к оценке реальности в прошлом и настоящем – прямое следствие потребности видеть все явления как прямые или косвенные производные одного принципа. Как и его еврейские предки, Маркс трактует действительность, рассматривая множество понятий и граней реальности как отражения и проявления одной сущности, из которой и к которой тянутся все связи бытия.

Как уже было сказано, его точка зрения сама по себе, разумеется, не еврейская и не религиозная. Как раз наоборот – она атеистическая и содержит немалую меру ненависти к своему народу. Но и это – часть распространенного у евреев процесса постоянного перевода понятий, их переименования. Хотя на первый взгляд у Маркса не осталось ничего от иудаизма и от еврейства, он не мог избавиться от этого мировоззренческого комплекса: восприятия реальности как единого целого, как производной единого процесса.

Другая личность, оказавшая огромное влияние на современную мировую цивилизацию, – Зигмунд Фрейд. Связь Фрейда с еврейским миром была более тесной и осознанной, чем у Маркса, однако и его мировоззрение не базировалось – по крайней мере, сознательно, – на еврейской традиции и культуре.

Мир Фрейда в корне отличен от мира Маркса. Он не занимается анализом макроэкономических и социальных процессов. Это внутренний мир индивидуума, действующие в нем процессы, связи и закономерности, способы, которыми они проявляются, и влияние всего вышеперечисленного на массовое сознание. И здесь мы находим сложную систему, занимающуюся большим количеством частных проблем, снов и оговорок, неврозов, психозов. Фрейд

создает самый сложный мифологический универсум, помещающий в человека пространство, наполненное разными сущностями, объективное существование которых сомнительно, – такими как Ид, Эго, Супер-Эго, многочисленные комплексы. Однако в итоге он строит монистическую когнитивную систему, единый мир, в котором есть, по сути, один источник, одно осмысленное активное начало – либидо.

Прямое отождествление либидо с сексуальностью неочевидно. Хотя Фрейд явно рассматривал половое влечение как центральное в человеческой жизни и деятельности, он делал так именно в силу потребности определить многообразие реальности через единый принцип. В этом смысле либидо перестает быть конкретным влечением с одной функцией. Оно оказывается той самой отправной точкой, через которую Фрейд пытается объяснить весь мир человеческой психики. Он не только подчеркивает явные и не столь явные аспекты проявления этого влечения, но и рассматривает все остальные проявления человеческой психики – вытеснение, регрессию, рационализацию, проекцию, сублимацию и т. п., – как способ реагирования на либидо, через которое происходящее с индивидуумом получает объяснение.

По сути, Фрейд, как и его предшественники, применяет традиционный еврейский метод «расширяющего мидраша», хотя в его случае толкованию подлежат не слова Писания, а наблюдаемая реальность. Он рассматривает эпизоды человеческих переживаний, художественных произведений, образцы общественной деятельности. Ясные примеры он подчеркивает, неясные толкует и разъясняет с тем, чтобы привести к этой базисной точке – либидо. Даже если с точки зрения его подхода реальность подается объяснению с трудом, то путем трансформаций и системы толкования он все же сводит ее к той же точке.

Здесь не важен вопрос, действительно ли Фрейд прав в каждом из своих утверждений и до какой степени. Главное, что он не ограничился открытием еще одного, ранее ускользнувшего от внимания фактора, в человеческой ли душе или в мировой культуре, или объяснением его важности. Если бы он довольствовался этим, то мало отличался бы от иных исследователей. Фрейду требовалось построить универсальное объяснение всем явлениям, всем понятиям, всей реальности. Можно сказать, что мистическое мышление, со всей своей внутренней теологией, проявилось и в этой области. Религиозный элемент здесь полностью отсутствует, и концепция Фрейда, разумеется, не вытекает из иудаизма. Однако

подход, метод – еврейские. *(В последние годы жизни Фрейд, по-видимому, предположил, что в психике действует еще один базисный фактор, обратный либидо, а именно Танатос, смерть. Но это не два независимых друг от друга мотива, а дихотомия: неразрывная пара жизнь-смерть, либидо-мортидо, созидание-разрушение. Добавление второго мотива лишь подчеркивает два полюса единой идеи.)*

С этой точки зрения любопытно сравнить подход Фрейда и подходы двух его учеников, основавших собственные школы. Альфред Адлер и Карл Густав Юнг, два представителя раннего психоаналитического движения, принципиально разошлись с Фрейдом по ключевым вопросам и пересмотрели его теорию психоанализа в совершенно разных направлениях.

Юнг, тесно связанный с Фрейдом в практике психоанализа, создал свою собственную, не-фрейдистскую теорию бессознательного. Картина внутреннего мира человека и его души, которую он рисует, складывается из различных, отсутствующих в теории Фрейда элементов, и не сводится ни к какой базисной сущности. Он принимает в расчет несколько равноценных компонентов. Здесь явно присутствует совершенно другой подход: нееврей Юнг в принципе не видит необходимости в создании теории, которая даст всему в мире одно общее основание.

Еврей Адлер тоже создал собственную систему. Он спорит с Фрейдом, для него социальное расслоение, потеря самоуважения и приходящие ему на смену чувство неполноценности и компенсация являются существенными факторами, определяющими человеческое бытие, но в целом, если не вдаваться в детали, он, как и его учитель, описывает душевную жизнь как имеющую один источник, одно основание. На этом примере видно, как различие в определении исходной точки, способах действия, терапии, может сочетаться с идентичностью подходов в стремлении привести вещи к целостному единству, найти одну точку, из которой можно объяснить всю реальность в целом.

Еще одной иллюстрацией к сказанному могут стать взгляды и подход Альберта Эйнштейна. С точки зрения самоидентификации Эйнштейн, несомненно, был ближе к еврейству, чем Фрейд или Маркс, но с точки зрения уровня еврейских знаний и связи с традицией он был так же далек от него, как и они. Сфера интересов Эйнштейна, разумеется, была совсем иной – он изучал физическую природу материального мира. Главный его труд – специальная и общая теория относительности – по сути, представляет собой полную противоположность своему названию. Вместо того чтобы построить относительную систему, элементы которой автономны и

независимы, он заложил основы единой физической картины мира. В его терминологии относительность есть всеобъемлющая соотнесенность всего с одним-единственным параметром – скоростью света.

Это, хотя и в других терминах, – единая теологическая система, где ничто не постоянно, ничто не целостно изначально по определению. У физических параметров не в частных случаях нет постоянных значений, но они все, всегда, неизбежно и естественно, находятся в определенном отношении к единой неизменной сущности.

Попытка свести все к универсальному единству была не только изначальным интеллектуальным побуждением Эйнштейна, но результатом его трудов. В течение многих веков до него ученые оставались в рамках своей области исследований, создавали картину мира, в которой связи не были всеобщими и лишь иногда пересекали границы дисциплин. Принцип эквивалентности, равенство гравитационной и инертной массы, которые до этого считались не связанными между собой величинами, понимание гравитации как части континуума пространства-времени, да и сама попытка представить пространство и время как разные измерения единой сущности и, наконец, самое главное – концепция единства материи и энергии, – все идеи Эйнштейна представляют

то, что мы считали независимыми реалиями физического мира, проявлениями одного, единого, лишь сменяющего формы, начала.

Результаты его исследований являются выражением и естественным результатом определенного типа мышления. Эйнштейн не хочет, да и не может принять картину мира, в которой частности случайны и не имеют ни общего источника, ни общей природы. Знаменитая формула эквивалентности массы-энергии Эйнштейна -  $E=mc^2$  - не случайно связывает воедино энергию, материю и скорость света в одну формулу. Эйнштейн пришел к ней, исходя из априорной уверенности, что все можно свести к единству.

Это не наше субъективное толкование его интеллектуальных трудов: он и сам это прекрасно осознавал и в течение многих лет предпринимал многократные, не увенчавшиеся успехом, попытки разработать единую теорию поля. Она была призвана объединить воедино описание гравитации и электромагнетизма. Та же самая потребность свести все к единству и породила теорию относительности. Ее математические и физические аспекты - проявление «пинтале ид», «еврейской точки» в душе Эйнштейна.

Еврей-ученый может быть сколь угодно далек от своего еврейства, но не способен выйти за его

пределы. Изначально и естественно он смотрит на мир из этой самой точки, суть которой - абсолютное единство.



## Еврейская мама

**В** последнее время с репутацией еврейской матери совершилась странная трансформация. Веками еврейская мать была символом скромности, мудрости и преданности, предметом обожания. Ее безграничная любовь к детям, терпение, готовность к самопожертвованию ради них вызывали огромное уважение, преклонение. [Например, в Вавилонском Талмуде (Сант едрин, 316), «Рав Йосеф говорил, когда входила его мать: «Встану перед входящей сюда Шхиной (Б-жественным присутствием)!»]. Однако в последнее время она – в лучшем случае – стала объектом шуток и анекдотов, а порой – обвинений

во фрустрации, ранимости и семейных неурядицах ее детей.

Это тем более удивительно, если вспомнить, что в прошлом еврейское общество было сугубо патриархальным, где не только общественная и духовная, но и экономическая деятельность была исключительно в руках мужчин. Отношение к женщинам в таком обществе было несколько патерналистским, покровительственным, их статус был не слишком высок. Они практически не участвовали в общественной и культурной жизни, у них, как правило, был низкий уровень образования. Если большинство мужчин были грамотны, умели хотя бы читать и писать, то женщины, вследствие целого ряда социальных, религиозных и культурных причин, имели крайне ограниченные знания даже в сфере национальной культуры, ограничиваясь тем, что можно было получить в рамках бытовой, семейной традиции. Вместе с тем, на практике еврейская женщина, мать, занимала невероятно важное место: она была не домохозяйкой, но хозяйкой дома, основой семьи. В этом своем качестве ее достоинства получали самую высокую оценку, она была окружена уважением и почтением, ее заслуги признавались всеми. А в наше время, в эпоху, когда еврейские женщины стали полноправными членами общества, сравня-

лись с мужчинами (а в чем-то даже превзошли их) по уровню образования, уровень уважения к ним сильно снизился.

Стоит уточнить: мы говорим не о противостоянии полов, не об отношениях между мужчинами и женщинами. Очевидно, что повсеместно происходящие в современном обществе перемены в социальном, экономическом и культурном статусе прекрасного пола зачастую вызывают мужское сопротивление, воспринимаются как угроза. Эти процессы приводят к нелегким психологическим последствиям для обеих сторон. Но здесь речь идет не об отношении к женщинам вообще, но об особом отношении к еврейской женщине и еврейской матери. Парадоксально, но именно те качества, которые некогда воспринимались как ее отличительные достоинства, сейчас получают низкую, даже негативную оценку. Молодая еврейка зачастую оценивается (в основном – самими же евреями) как властная и требовательная, с одной стороны всегда претендующая на большее, чем у нее есть, а с другой – предпочитающая получать, а не давать. А еврейская мать вообще превратилась в карикатурный образ: деспотичная, тиранящая детей, заставляющая их делать то, чего они не хотят, навязывающая им свое господство, в основном – путем демонстрации своих переживаний,

страданий и любви. Поэтому она – специалистка по созданию тяжелого чувства вины, от которого дети не могут избавиться всю жизнь. Вечно беспокойная, нервная и обсессивная, страдающая от этого сама и причиняющая страдания близким, она как бы оскполяет своих детей избыточными заботами и опекой, не давая им жить собственной жизнью.

Конечно, часть этого гротескного описания – карикатура. Но сам факт, что она стала стереотипом и была с готовностью воспринята таким количеством людей, доказывает, что какое-то реальное изменение действительно произошло. Понимание этого может объяснить и негативную оценку, которую дают тем чертам и свойствам, которые ранее воспринимались как достоинство и предмет восхищения.

Чтобы проанализировать и оценить произошедшие перемены, надо отступить в недавнее прошлое, в девятнадцатый век, вспомнить, что нам известно о жизни и быте общин в городах и местечках той эпохи. Впрочем, существовавшее тогда положение было неизменным на протяжении многих столетий, хотя по мере удаления от современности у нас все меньше и меньше достоверных сведений. Сразу оговоримся, что здесь речь идет в основном о еврейских женщинах Восточной Европы, так как большинство

современных евреев – их потомки.

Жизнь хозяйки еврейского дома той поры была очень сложна и тяжела. Замужняя женщина несла на своих плечах все тяготы быта. Это значит, что в ее обязанности входили домашние заботы: приготовление пищи и уборка, шитье и штопка, выпечка хлеба и уход за домашней живностью, стирка, доставка воды и т.п. Кроме того, на женщину часто была возложена, целиком или частично, ответственность за содержание семьи. Порой так получалось, что муж не мог обеспечить достаточный уровень заработка для пропитания семьи, даже тяжело работая от зари до зари. Поэтому, помимо своих домашних забот, женщина должна была подрабатывать, чтобы обеспечить хотя бы прожиточный минимум. Однако зачастую дела обстояли еще серьезнее. Еврейский мужчина нередко посвящал все свое время изучению Торы. При этом лишь немногие могли рассчитывать получить какую-либо должность благодаря своей учености и праведности. А в маленьких местечках, даже получив должность раввина, переписчика священных текстов, преподавателя или синагогального служки, нельзя было обеспечить заработок, достаточный для пропитания семьи. Относительно широкая прослойка людей, не зарабатывая и профессионально изучая Тору, практически не приносила

денег в семью, возлагая все бремя пропитания на женщину. Тут не будет лишним упомянуть и хасидов, многие дни, недели, а иногда и месяцы проводивших при дворе своего ребе.

Кроме всего перечисленного, на плечи женщин в основном (а иногда всецело), было возложено бремя воспитания детей. Это подразумевало заботу не только о малышах, но и о старших: накормить, одеть, присмотреть, чтобы с ними все было в порядке. Как правило, в обязанности матери вменялись также и отправка сыновей на учебу, проверка выполнения заданий, контроль над поведением. Хотя принципиальные вопросы, связанные с выбором места учебы, учителя, программы обучения, решал муж, повседневная забота о детях была на женщинах. Сколько-нибудь упорядоченное образование для девочек вплоть до недавнего времени отсутствовало вовсе, поэтому их воспитание во всех аспектах зависело только от матерей. К этому следует добавить, что еврейские семьи были, как правило, многодетными. Традиционное еврейское законодательство неодобрительно относится к средствам предохранения от зачатия; напротив, многодетность рассматривается как благословение. Легко себе представить, насколько тяжелым грузом было для женщины поддержание бытового и экономического благополучия семьи,

обеспечение нормальной, насколько это было возможным в подобных условиях, жизни.

Если так обстояли дела с повседневной, нормативной жизнью, что уж говорить о различных торжествах и знаменательных событиях, которые требовали дополнительных трудов и расходов, зачастую непосильным грузом ложившихся на бюджет семьи. Не стоит забывать и об усилиях по уходу за больными и престарелыми членами семьи. Даже в условиях бедности и антисанитарии, со всеми вытекающими из этого последствиями, принцип ценности любой человеческой жизни в еврейской среде был не абстрактной идеей, но образом жизни. На практике это означало, что больной, или просто нуждающийся в уходе человек (а особенно – ребенок!) никогда не оставался брошенным, оставленным на произвол судьбы, но становился объектом особой заботы, дополнительного труда, расходов...

Чтобы выдержать эту огромную нагрузку, еврейская женщина должна была обрести качества, благодаря которым она могла бы с честью выстоять и вынести все выпавшее на ее долю. Прежде всего, она нуждалась в неистощимой энергии, ведь она целый день, не покладая рук, в постоянной беготне за детьми, и нередко – за заработком, трудилась в доме и за его пределами. От нее требовались мужество,

упорство, нередко – напористость и агрессивность, чтобы выполнить все эти задачи. Женщина не могла себе позволить растерянности, смятения и страха в ходе борьбы за благополучие своей семьи, за само существование; все ее душевные силы требовались для преодоления внешних и внутренних трудностей. У нее не было ни сил, ни времени на борьбу за власть над близкими. Но сама тяжелая жизнь заставляла ее контролировать все мелочи и детали, чтобы сохранить здоровье и благополучие домашних.

К этому следует добавить еще кое-что. Так как у женщины не было ни физической силы, ни, что еще важнее, социального статуса, ее авторитет – даже в собственном доме – был достаточно условным. Ведь даже если она полностью обеспечивала семью материально, социальное первенство в обществе и даже внутри семьи принадлежало мужчинам. Поэтому женщине приходилось использовать все средства воздействия на свое окружение, имевшиеся в ее арсенале. Там, где она ничего не могла сделать силой, она была вынуждена прибегать к ласке, уговорам, а время от времени – крику и упрекам, подчеркивая при этом, насколько ей все обязаны, перечисляя проблемы, с которыми она справляется. Ее оружием был сам факт ее слабости и то, что все осознавали и ценили значение женщины-матери для существова-

ния семьи. Нередко она могла положиться только на моральный долг домочадцев, требуя послушания и внимания к своим словам.

Подобные проблемы были общими для всего еврейского общества того периода, для каждой семьи. Основная нагрузка падала на еврейскую женщину, мать – ведь именно она была средоточием и источником жизненных сил. И в хорошие, и в плохие времена она была основой дома, той опорой, которая его держала. Не только мечтательная дева и романтическая принцесса, но и покорная, послушная крестьянка не смогли бы справиться с ролью еврейской женщины. Без ее энергичности, агрессивности, инициативности, без ее вмешательства во все дела еврейская семья не могла бы существовать.

Разумеется, и в рамках семейных отношений такая жизнь не всегда была идиллией. Несомненно, всегда были мужья, которые жаловались (в шутку или всерьез) на докучливых женщин, портящих им жизнь. Были дети, ощущавшие себя обделенными лаской, были и такие, которые время от времени хотели бы укрыться от всевидящего материнского ока. Однако в целом женщина, окруженная уважением и любовью, правила в своем доме. Верно, что она могла относиться к мужу как к владыке и представлять его таким перед детьми, однако реальная власть в доме

была отдана в ее руки, и все домашние принимали это с пониманием и признательностью.

Такой предстает перед нами картина, отражающая положение еврейской женщины в Восточной Европе в последние века. Но на самом деле подобная ситуация сложилась уже в далекой древности. У нас в руках не так уж много документальных свидетельств о положении, быте и статусе женщин в средневековье, ведь дошедшая до нас литература того периода, как правило, учебного характера, и написана мужчинами для мужчин. Однако приведенное выше описание неожиданно, невероятно, подходит к тексту «Достойная жена»<sup>25</sup> - последней главе книги Мишлей («Притчи Соломоновы»), прославляющей женщину. Описание идеальной жены времен царя Соломона уже включает в себя все эти компоненты - как тяжелый труд, непрестанную заботу, разнообразную деятельность женщины, так и уважение к ней в семье. *(Одна из характерных особенностей, отличавших евреев в сфере семейных отношений - редкость такого явления, как избиваемая женщина. Муж, поднявший руку на свою жену, был однозначно осуждаем окружением, и такое поведение было категорически неприемлемым в глазах жены, в такой ситуации имевшей полное право подать на развод. Это следует отметить особо, потому что*

25. Мишлей, 31:10-31.

*среди нееврейского окружения, в странах рассеянья, избивание жен было общепринятой практикой, частью естественного образа жизни).*

Происходящие в последних поколениях изменения произошли вовсе не в самой женщине. Ее сущность осталась неизменной, трансформация произошла в современном обществе, став производной от далеко идущих социологических и экономических перемен: энергичная, агрессивная, заботящаяся обо всех и обо всем, занятая поиском пропитания и обеспечением многочисленных чад женщина превращается в мать «малогобаритной» семьи и в сытом довольстве живет в богатом пригороде. Такие, на первый взгляд, позитивные изменения - резкое повышение благосостояния, скачок в социальном статусе, карьерные возможности, свобода самореализации - приносят с собой и множество проблем. Психологический тип, сформировавшийся в течение сотен, а может быть и тысяч лет, не меняется за одно-два поколения. Характер не поспевает вслед за столь быстрыми и резкими социальными переменами.

Несомненно, образование, воспитание, влияние социума, материальное положение имеют большое значение в формировании личности. Но вызванные всеми этими факторами изменения - в значительной степени внешние, социальные. Они практически

не затрагивают психологический тип. Наследуемые свойства характера, изначально заложенные в естестве еврейской женщины, возобладают над предлагаемой ей формой существования. Романтическая девица, в голове у которой, на первый взгляд, нет ничего, кроме праздных развлечений или, как альтернативный вариант, академических занятий, незаметно для себя станет еврейской матерью, со всеми достоинствами и недостатками последней. Рано или поздно отсутствие соответствия между образом жизни и сущностным характером личности проявит себя, и это проявление будет конфликтным.

Ее ждет ловушка, попадание в которую влечет за собой тяжкие последствия. Потенциал еврейской женщины – это огромный ресурс силы, мощнейший мотор, который, подобно паровозу, тянущему состав поезда, должен был тащить всю семью, ее финансовое, социальное и домашнее бремя. Однако новая, сегодняшняя реальность не нуждается в столь мощном двигателе, в этих условиях от него никакой пользы, он попросту не востребован. И поэтому многие из тех качеств и свойств, которые были не только положительными, но и жизненно необходимыми в прошлом, сейчас работают против самой женщины и против ее семьи. Мощный мотор, помещенный внутрь игрушечной машины,

не только не реализует свой потенциал – он разрушителен и опасен. Для самой женщины результат – невроз, проистекающий из несоответствия между ее потенциалом и возможностью его реализации. Неукротимая энергия и мощь, направленная на накопление материальных благ, на приобретение одежды и утвари, преувеличенное внимание, оказываемое состоянию здоровья, своего и домочадцев, постоянный фон беспокойства и неудовлетворенности, выражают, по сути, ту же самую проблему.

Соответственно, все это отражается на доме, на внутрисемейных отношениях. Беспрестанная забота, некогда насущно необходимая для поддержания детей в порядке, для их пропитания, здоровья, становится в лучшем случае помехой, а в других случаях – бременем, которое ребенок почти не может выдержать. Он чувствует себя поднадзорным, опекаемым, зависимым, задышающимся в тисках любви, от которой некуда скрыться.

А муж, (в наше время, как правило, гораздо более успешный и активный добытчик, чем это было в прошлом), обнаруживает, что любые его усилия недостаточны и не получают одобрения. Его засыпают требованиями, упреками, придирками, им вечно недовольны. Тот самый муж, который в прошлом мог дать семье намного меньше, но, несмотря на это,

был царем в своем доме, чувствует, что становится негодным слугой, обслуживающим капризную госпожу. Еврейский мужчина нередко бежит от всего этого в работу, карьеру, либо - в мечты о тихой и послушной, всем довольной нееврейской женщине.

Проблема еврейской женщины в том, что современное общество и обычный в наше время образ жизни не предоставляют ей возможности проявить и, тем более, реализовать ее предназначение, предлагая «игрушечную», по сравнению с ее потенциальными возможностями, жизнь. Она не может втиснуть себя в эти рамки, уместиться в форме, предлагаемой ей современными условиями жизни, заключить себя в настолько ограниченную систему. Поэтому современная еврейская женщина с потенциалом Великой Матери, питающей и направляющей, деградирует из-за невостребованности. Даже если это не доходит до стадии патологии, в ее поступках, даже самых верных по своей направленности, все же проявляется явная избыточная интенсивность, отягощающая жизнь домочадцев не в меньшей степени, чем недостаточная.

Разумеется, к прошлому возврата нет. Как нет и таких людей, которые бы всерьез хотели вернуться к полной лишений и нужды жизни прошлых поколений. Но множество примеров доказывают, что и

сегодня, если благополучию и благосостоянию семьи действительно угрожает опасность, в час подлинных испытаний, слабая, избалованная и нервная женщина вновь превращается в источник сил и энергии, в железный столп, на который опирается весь дом. Еврейская женщина может по праву вернуть себе прежнюю славу и достоинство, для этого нужно лишь найти применение ее силам, мощи и энергии, направить их туда, где она сможет реализовать свой потенциал созидания и любви в современных условиях.



## Евреи и деньги

**Т**есная связь между евреями и деньгами известна всему миру. Повсеместно считается, что они преуспевают в финансовой сфере, одарены в ней особыми способностями и сосредоточили в своих руках огромные суммы. В некоторых европейских языках само слово «еврей» используется как существительное, и даже глагол, относящиеся к обращению с деньгами, как правило - в негативном значении, как синоним жадности и мошеннического ведения дел. *(Такое словоупотребление зафиксировано в словарях и справочниках. Например, в русском*

языке от слова «жид» образован глагол «жидиться», в смысле «жадничать». Аналогично в английском *to jew* «обдурить», в испанском *judeo* «мошенник».) В массовом сознании евреи зачастую воспринимаются как погрязшие в деньгах, их добывании и преумножении. Карл Маркс, например, утверждал, что «мирской бог еврея – деньги».<sup>26</sup> Некоторой частью населения подобный стереотип воспринимался нейтрально, некоторой – сугубо отрицательно, но он, в том числе в тех странах, где евреев было очень мало или не было совсем, считался непреложным. Но, к сожалению, он отражает не только взгляд извне, о котором всегда можно сказать, что он искажен завистью или враждой, – многие евреи так же воспринимают своих соплеменников.

Тема «евреи-деньги» в ее нравственном и психологическом аспектах мало обсуждается в классических еврейских источниках. Свое наиболее полное выражение она получила в проповедях и нравоучительных трудах и, разумеется, – в фольклоре, народных байках и анекдотах, которые предполагают очевидными торгашество, погоню за барышом, страсть к наживе. Но реальность никогда не соответствовала подобному стереотипу. Даже в тех местах, где было довольно много торговцев и разносчиков, подавляющее большинство еврейского населения

26. К. Маркс, статья «К. еврейскому вопросу».

составляли ремесленники, представители рабочих профессий.

Часто звучащие в антисемитских кругах утверждения, что евреи контролируют львиную долю мирового капитала, неверно сейчас и не было верным никогда, даже в те времена и в тех странах, где действовали всемирно известные легендарные еврейские богачи, такие, как семья Ротшильдов, и многие финансовые институты находились во владении евреев. Нигде и никогда в истории не было такого, чтобы основная масса денег находилась в еврейском владении. Не считая территории Эрец-Исраэль, конечно.

Ситуация, когда понятия «евреи» и «деньги» воспринимаются общественным сознанием как почти синонимичные, с точки зрения еврейской истории возникла относительно недавно. Вплоть до начала средних веков (а во многих местах – и сотни лет после того) большинство евреев было земледельцами, довольно высоким был также процент ремесленников, а вот число торговцев, в особенности таких, кто занимался бы только коммерческой деятельностью (и тем более – финансистов), было незначительным.

Более того: в период, который принято называть библейским, в еврейском народе практически не было представителей этих почтенных профессий. (Для многих читателей, возможно, будет открытием

информация о том, что одним из наиболее распространенных среди евреев в древнем мире занятий была профессия солдата-наемника. Историки обнаружили большое количество свидетельств об этом относящиеся к периоду начала эпохи Второго Храма.) Базисная экономическая структура еврейского общества того периода – земледельческие кланы, владеющие наследственным участком земли, и ремесленники, занимающиеся промыслом как побочным приработком к сельскохозяйственной деятельности. Одним из убедительных доказательств этого является то, что в древнееврейском языке для передачи понятия «торговец» использовалось слово «кнаани»: иными словами, торговцы, приезжающие и торгующие среди евреев – чужаки, ханаанеи. Законы Торы, жестко и однозначно запрещающие давать деньги в рост соплеменникам, также препятствовали созданию рынка капитала, пока большая еврейского народа жила на своей земле.

Заметная число тех, кого можно было назвать профессиональными торговцами и менялами, возникла лишь в античный период, с появлением обширной диаспоры, когда появились большие группы евреев, постоянно живущие вне Святой Земли, что привело к их отрыву от сельскохозяйственной деятельности. Впрочем, и это утверждение верно лишь отчасти.

Действительно, в городских центрах-мегаполисах, таких, как Александрия или Рим, было немало евреев-торговцев, хотя и там большинство наших соплеменников занималось ремеслом и промыслами. Однако крупная и зажиточная община вавилонских евреев, в основе своей, была аграрной. Тамошние евреи занимались ремеслами и торговлей лишь в качестве приработка, очень немногие занимались торговлей как профессией. Отрыв евреев от земледелия произошел значительно позже, с приходом к власти христиан (а на Востоке, и в Северной Африке – мусульман), когда владение землей – а тем более обширными земельными угодьями – стало сословной привилегией. Феодализм, господствующий общественный строй, не мог допустить появления прослойки евреев-землевладельцев. В большинстве феодальных европейских государств евреям законодательно запретили владеть землей. Кроме того, горожане, торговцы и ремесленники, организовавшиеся в торговые гильдии и ремесленные цеха, отчаянно противились конкуренции со стороны евреев, не говоря уже о приеме последних в члены этих объединений. А в последние столетия средневековья дискриминационные законы запретили евреям заниматься уже практически всеми свободными профессиями, и сугубая необходимость вытеснила

евреев на все еще доступные для них области деятельности – мелкая торговля и не организованные в цеха ремесла или рынок капитала, ростовщичество, откуп и арендаторство.

В дополнение к многочисленным юридическим ограничениям, над евреями, где бы они не находились, постоянно тяготела неуверенность в завтрашнем дне. Вынужденные миграции, вызванные изгнаниями из различных государств и угрозой насилия, бесправие создавали негативный инвестиционный климат, не способствовавший приобретению земельных участков и недвижимости. Поэтому в контексте общественно-социальных условий того времени оно не получило распространения даже в тех странах, где не было юридических препятствий для еврейского землевладения. Мобильность еврейского капитала была его единственной, хотя зачастую и слабой, защитой.

Понятно, что богатые (иногда – очень богатые) евреи встречались в любую эпоху. Их состоятельность особенно бросалась в глаза в силу их чужеродности, хотя они и сами зачастую выставляли его напоказ, компенсируя религиозное и социальное бесправие подчеркнутой роскошью. *[Со времен средневековья сохранились сотни призывов раввинов, обращений советов общин, постановлений о хереме (форма бойкота, налагаемого раввинским судом,*

*«отлучение»), связанных с подобным явлением. В них вновь и вновь повторялся призыв не ставить под удар благосостояние, да и самую жизнь, остальных евреев, подобным вызывающим поведением провоцируя социальное недовольство, неизбежно принимавшее форму насилия). Однако такие люди всегда были исключением, и одно лишь наличие евреев-нуворишей не могло привести к появлению устойчивого мифа о еврейском богатстве. Истинная причина этого связана с очевидной ошибкой: неумением делать различие между наличными деньгами и иными материальными ценностями (землей, недвижимостью и продукцией разных видов]. Для раннего средневекового общества повсеместно основной ценностью была земля и собранный на ней урожай, даже плоды ремесленного труда ценились в гораздо меньшей степени. При этом деньги были лишь эквивалентом стоимости, применяемым для приобретения того, что не подлежало натуральному обмену, средством для сохранения излишков, которые могли образоваться при наличии избыточной продукции. Поэтому количество имевших хождение наличных денег было сравнительно небольшим. У евреев же они были не излишками продукции, но составляли основной капитал. Крестьянин в своей обыденной жизни пользовался мизерными суммами*

(если ему приходилось пользоваться деньгами вообще). И если он скопил немного денег, то считался зажиточным хозяином. И когда он видел в руках еврея значительно большие суммы, ему было трудно понять, что по своей ценности эти деньги равняются лишь малой толике того имущества – земли, скота, продуктов, – которые имелись у него самого. Так возникал устойчивый образ: если у еврея много денег, значит он богат.

Впрочем, ту же самую ошибку совершали и представители иных, более высоких сословий. Представители аристократии были крупными землевладельцами, их основное достояние составляли обширные земельные угодья и недвижимость. Наличные оборотные деньги были лишь незначительной частью их состояния. Поэтому в тех случаях, когда у них возникала необходимость в большем количестве наличных денег, они сталкивались с определенными трудностями. Напротив, у еврейского торговца, особенно – у финансиста, в обороте имелись большие суммы, которыми он мог легко оперировать. Так что понятно, почему не только крестьяне, но и монархи, и высшая аристократия считали, что евреи обладают почти неисощимой финансовой мощью, тогда как на самом деле эти деньги равнялись лишь малой доле от их собственного имущества. Возникла

парадоксальная ситуация, при которой само наличие у евреев капитала способствовало возникновению мифа об их отношении к деньгам.

Хотя проверенных статистических данных, относящихся к столь отдаленным временам, у нас немного, тем не менее, очевидно, что большая часть еврейского населения жила в бедности, можно сказать – в нищете. Обычно, вследствие перечисленных выше обстоятельств, евреи были гораздо беднее, чем окружавшее их население. Причиной этого было повсеместное вытеснение евреев на обочину экономической жизни, невозможность заниматься наиболее доходными видами деятельности. Делалось ли это в силу ограничительного законодательства или под давлением горожан и торговых гильдий, но евреям не давали места во многих профессиональных сферах, их участие встречало сильное противодействие и в тех видах деятельности, в которых юридических ограничений не было, например, в торговле, в наиболее выгодных ее направлениях. А ростовщичество, выдача ссуд под проценты, во все времена было очень рискованным видом деятельности – будь то невозвращение кредита в силу несостоятельности должника или в силу невозможности взыскания долга.

Во многих аспектах положение еврея-бедняка, – а такие составляли большинство – было значительно

хуже, чем даже у беднейших крестьян, включая крепостных. В обычное время, исключая, разумеется, годы бедствий, наводнений и засухи, когда плохо приходилось всем, даже самый бедный крестьянин мог худо-бедно прокормиться со своей земли и хозяйства. Он мог удовлетворить хотя бы основные жизненные потребности – даже при отсутствии денег. Но у еврея такой возможности не было: он вполне мог умереть от голода в самом прямом смысле слова, не найдя способа немедленно удовлетворить даже минимальные потребности (хотя бы за счет развитой системы благотворительности). В подобных ситуациях для легких на подъем евреев спасительной оказывалась только миграция.

В холодных странах Европы, как в местечках, так и в больших городах, насущной проблемой для большинства евреев были даже хлеб и дрова для печи. Типичный еврейский торговец в странах Восточной Европы на самом деле был мелким коммивояжером, живущим на гроши, заработанные мелкими посредническими сделками между такими же бедняками, как и он сам. То, что со стороны выглядело страстью на всем заработать, алчной погоней за прибылью, на самом деле было следствием вопиющей нужды в прямом смысле слова. Без всяких сомнений, лоточник, круживший по рынкам, и маклер, с нетер-

пением ждавший ярмарки, много думали о деньгах, вопросы заработка были едва ли не главными в их беспросветном существовании, однако деньги были для них не средством обрести власть или накоплением капитала, а единственным способом выжить.

Еврейские мудрецы-наставники, многократно укорявшие членов своих общин за избыточную увлеченность торговыми делами, расчетами и финансовыми комбинациями, при этом хорошо знали, что для подавляющего большинства евреев подобное поведение само по себе не было связано с алчностью, но являлось единственным путем обеспечить себе существование. В большинстве молитвенников можно встретить специальную молитву о пропитании, не считая многочисленных просьб и обращений об этом в иных молитвах, это было выражением той же самой нужды, отчаянного усилия выжить. Ребе Меир из Перемышлян, один из хасидских учителей, известный глубиной и остротой своих высказываний, однажды сказал: «Если в пушечный ствол затолкать еврейские молитвы и выстрелить, то вылетит лишь одна монета». И продолжал: «Но если выстрелить этой монетой, то вылетит лишь Тора и заповеди: деньги учителю за обучение детей, деньги на благотворительность, те деньги, которые необходимы для существования».

Однако еврейская бедность не бросалась в глаза нееврейскому окружению. Еврейские нищие, вдовы и сироты – то есть те люди, которые не могли обеспечить себя самостоятельно, – не обращались к нему за помощью. Еврейская община никогда не могла рассчитывать на какую-либо помощь для своих бедняков, ни со стороны властей, ни, разумеется, со стороны церкви. Все нуждающиеся существовали за счет ресурсов общины. За счет общественных денег содержались также многочисленные преподаватели Торы и их ученики, раввины, канторы, служки синагог – все те, кто обеспечивал необходимый уровень еврейского существования. Еврейская бедность и нужда не были видны со стороны, там видели нечто другое: мнимое богатство евреев и погоню за заработком.

То, чем человек занимается, даже если он делает это не по своей доброй воле, формирует его образ мысли. Когда земледелец смотрит на небо, он обычно делает это не затем, чтобы полюбоваться сиянием звезд, а чтобы узнать, есть ли дождевые тучи. Постоянная погоня за заработком, занятие деньгами, торговлей, неизбежно влияет на человека. Можно сколь угодно долго говорить об условиях жизни, приведших к тому, что деньги заняли столь важное место в общественном сознании евреев, но все это

привело к реальности, в которой тяга к наживе и страсть к деньгам присутствуют даже тогда, когда приведшая к ним необходимость уже отпала. В этом смысле нет существенной разницы между алчностью и иными дурными страстями человека, они являются следствием не только внутренних импульсов, но и привычки. Так и погоня за деньгами превращается в привычку, которая, как известно – вторая натура, которой люди одержимы даже когда они больше не нуждаются в этом для собственного выживания.

Однако, несмотря на века занятий коммерцией и финансами, еврейский народ все же никогда не доходил до состояния, в котором бы стяжательство, погоня за деньгами и их преумножение стали бы основой национального существования. От этого он был спасен иудаизмом, традиционной системой ценностей, созданными на протяжении веков духовными и общественными институтами. Они оказали решающее влияние на образ мысли евреев, не допуская ситуации, при которой материальные ценности заняли бы центральное место в общественном сознании.

Иудаизм достаточно равнодушно относится как к богатству, так и к бедности. В источниках можно найти предостережения от соблазна богатства, которое всегда рассматривалось как испытание,

можно встретить и отдельные высказывания, прославляющие бедность. Однако последняя никогда не считалась достоинством или добродетелью, впрочем, как и позором или признаком греховности. С точки зрения традиционной еврейской морали, это просто имущественные состояния, в любом из которых может оказаться каждый. Есть множество историй о великих мудрецах и выдающихся личностях, которые были бедняками и, несмотря на это – а иногда и благодаря этому – достигли высочайших ступеней духа и познания Торы, есть и истории о других, не менее достойных людях, которые были очень богаты. Суммируя отношение мудрецов к богатству и бедности, можно сказать, что они рассматривали оба эти состояния как испытание праведности, предостерегая от связанных с каждым из них соблазнов. Наиболее четко эта позиция сформулирована в книге *Мишлей* (Притч Соломоновых): «Нищеты и богатства не давай мне, питай меня хлебом насущным».<sup>27</sup> Подобный подход вполне соответствует общему отношению иудаизма к материальному миру: хотя жизнь в нем не рассматривается как самоцель, все же нет и попытки отринуть его, умалить его необходимость для духовного служения. Напротив, основная идея состоит в том, чтобы использовать все богатство возможностей, которые этот мир предоставляет для служения

27. Мишлей, 30:8.

Творцу, одухотворяя его за счет усилий личности, возвышая материальное до роли носителя святости.

Были и другие обстоятельства, благодаря которым материальная состоятельность – и вследствие этого, погоня за более высоким материальным положением – не стала основным вектором национальной жизни. Хотя, несомненно, у богачей всегда была непропорциональная их численности сила влияния в общине, тем не менее, истинной аристократией народа Израиля была аристократия Торы. Высшей ступенью в социальной иерархии был не денежный мешок, а мудрец. Более того, невежественный богач не мог рассчитывать на какие-либо выборные должности или привилегии, казалось бы, положенные ему по имущественному статусу; во главе общины, как и во главе народа, стояли именно знатоки Торы. Деньги, разумеется, были источником влияния, но и имевшие их должны были считаться с авторитетом раввинов и мудрецов, подчиняться их решениям. В противном случае, при всех своих возможностях, они оказывались вне общины, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Источником авторитета и высокого общественного статуса были праведность, мудрость и знания, а не деньги, поэтому такое общественное явление, как толстосум, выдающий свою дочь замуж за бедного

ученого, было очень распространено. Вечная мечта еврейской матери о благополучии ребенка оборачивалась ее стремлением увидеть его раввином. При наличии упорства и способностей это желание было вполне осуществимым, поскольку аристократия духа была гораздо более открытой и доступной, чем финансовая. Подобное стремление основывалось на всей системе религиозного мировоззрения в целом, в рамках которой личная праведность и уровень знаний ценились значительно больше имущественной состоятельности и преуспевания. Именно эти причины привели к тому, что у евреев намного больше династий потомственных ученых и раввинов, чем потомственной финансовой аристократии. Ведь каждый богач пытался «вывести в люди» своего отпрыска, приобщить его к изучению Торы. В рамках общеврейских представлений деньги были лишь способом обеспечить достойную жизнь и увеличить возможность исполнения заповедей.

У еврейской общины веками не было действенных средств давления на своих членов. Даже наиболее сильные из существовавших – отлучение и бойкот, которыми пользовались в минимальной степени – действовали лишь постольку, поскольку люди были заинтересованы в принадлежности к общине. При этом денежные средства, в которых она нуждалась

для поддержания своей жизнедеятельности и на благотворительные цели, могли быть получены только от ее членов, без источников извне. Понимание всего этого было неотъемлемой частью общественного сознания, поэтому обладавший капиталом человек приучался использовать его не только для себя, но и для нужд других, будь то социальная благотворительность во всех возможных формах, поддержка общинных институтов или изучения Торы.

Общий для всех евреев статус привел к тому, что в тех государствах, где они жили, даже у самых имущих из них, как правило, не было тех возможностей для демонстрации своего богатства, для трат и приобретений, которыми пользовались богачи-неевреи. Потому ли, что ему это запрещало государство и церковь или в силу запретов Торы, но еврейский толстосум не мог приобретать дворцы и роскошные экипажи, заводить наложниц и давать званые балы и пиры. Поэтому, если он хотел использовать деньги с толком для себя, то был вынужден вкладывать их в то, что приносило почет и уважение среди своих: строительство синагог, иешив, помощь бедным...

Все эти факторы оказывали огромное влияние. Они стали частью коллективного сознания до такой степени, что воздействовали и на тех людей, которые не были осознанно связаны с иудаизмом. Извест-

ное высказывание Маркса, что «мирская религия евреев – деньги», не сводится лишь к отражению взгляда извне, это самооценка еврея, вышедшего за рамки еврейства.

Эмансипация, ассимиляция и погромы привели к тому, что в течение определенного периода много таланта и способностей вкладывались в деньги. Однако в наше время приоритетным направлением еврейской деятельности стали наука, общественная деятельность, свободные профессии, мир искусства. Это не говорит о том, что отношение к евреям извне изменится; стереотипы продолжают существовать, даже когда они больше ничем не оправданы. Однако мы понемногу возвращаемся к нормальному для еврейского народа состоянию, при котором деньги – лишь второстепенный фактор. Иные мечты и идеалы вдохновляют его.



## Ярмо избранности

207

**В** знаменитой 53-й главе книги пророка Йешаяѓу (Исайи), которая говорит о рабе Б-жьем, написано так: «Но болезни наши переносил он, и боли наши терпел он, а мы считали, что он поражаем, побиваем Б-гом и истязаем. И он изранен преступлениями нашими, сокрушен грехами нашими, наказание за благополучие наше - на нем, и ранами его исцеляемся мы. Все мы, как овцы, блуждали, каждый повернул на дорогу свою, и Г-сподь возложил на него грех всех нас».<sup>28</sup>

Христианами эта глава толкуется как предсказание об Иисусе, однако большинство еврейских

<sup>28</sup> Йешаяѓу, 53:4-6.

комментаторов толковали ее как относящуюся не к некоему конкретному человеку, но как символическую характеристику народа Израиля среди всего остального человечества. Раб Б-жий – собирательный образ еврейского народа, того, который скитаясь в изгнании, страдает и несет на себе тягости ради блага и спасения всего мира. Несмотря на свою униженность и презренность в глазах окружающих, он, на самом деле, – квинтэссенция и цель всего сущего.

Действительно, даже простое последовательное прочтение книги пророка, восприятие этого фрагмента в контексте, показывает, что подобное понимание образа «раба Б-жьего» гораздо уместнее персонификации. *[В общепринятом ныне разделении книг Писания на главы, имеющем однозначно христианское происхождение, бросается в глаза искусственный отрыв этой главы от предшествующего смыслового фрагмента, начинающегося в конце 52 главы, стих 13: «Вот, раб Мой будет успешен, возвысится, вознесется, и возвеличится...» и далее. Эти стихи («Так он приведет в изумление многие народы; пред ним закроют уста свои цари...» и т. д.) гораздо более явно относятся ко всему еврейскому народу в целом, и, по смыслу, являются продолжением глав утешения, идущих перед ним и*

*после него. Но из-за тенденциозности монахов-редакторов глава была намеренно оборвана в этом месте]. «Книга ответа и доказательства по поводу унижаемой веры» замечательно сформулировала позицию, разъясняющую, в частности, содержание этой главы: «Израиль среди народов подобен сердцу среди органов тела, которое, хотя и тяжелее всех болеет, здоровее всех».<sup>29</sup>*

<sup>29</sup>. Сефер га-Кузари («Книга Хазара»), 2 гл., 36.

Проблему взаимоотношений народа Израиля и других народов нельзя свести лишь к вопросам статуса или антисемитизма. В первую очередь, она внутренняя и связана с определением своего места в семье народов и поиске смысла еврейского одиночества во все времена.

Проблема не нова, и ее источник отнюдь не в продолжающемся по сей день изгнании со своей земли. В определенном смысле она проявляется уже на заре существования нашего народа. Отдельное бытие нашего народа подчеркивается еще в Торе, а затем обсуждается во всех книгах Писания и, разумеется, в постбиблейской литературе. Можно сказать, что для евреев внешний мир представляется чем-то вроде зеркала, и Израиль веками вглядывается в свое изображение в нем, узнавая о себе нечто новое.

Зеркало, в котором отражаются евреи, зачастую кривое, создающее карикатурный образ. Но и эти

искажения не случайны, поэтому проблема места Израиля среди народов – наша, а вовсе не окружающих. Иногда евреи очень активно занимаются ею, порой – обходят молчанием, но реакция на нее всегда была неотъемлемой частью национального бытия, а также частью внутреннего мира каждого еврея, непосредственно, на своей шкуре, «здесь и сейчас» ощущавшего на себе эффект от этих взаимоотношений. Поэтому понимание этой проблемы позволит лучше понять и оценить не только фактор внешнего влияния, но и уяснить место нашего народа среди всех прочих.

Мы не так уж много знаем о природе отношений между Израилем и другими народами в былые времена. Уже в далеком прошлом мы обнаруживаем вражду, войны, иногда без видимых причин, а иногда – мотивированные экономическими или религиозными факторами. Но до нас дошло крайне мало свидетельств о чувствах, которые обуревали участников тех событий, и о том, насколько, будучи обращенные к нашему народу, они отличались от направленных на иных иноплеменников. Однако в Торе и у пророков многократно упоминается, что в глазах других народов наш народ выделялся в особую категорию, что отношение к нему не похоже на общепринятое в системе межэтнических отношений. Тем более разнится отношение к евреям

от отношения к иным иноверцам и пришельцам в более поздние времена, в странах рассеянья. Мы обнаруживаем хорошо документированные свидетельства о существовании уже в античную эпоху, во времена Второго Храма, явления, которое ныне принято называть антисемитизмом – это антисемитизм греков Александрии, в которой особенно враждебно относятся к евреям. Евреи для них – не одна из народностей, объект религиозного конфликта или национальной вражды, но особая самостоятельная сущность, отношение к которой может уже именоваться антисемитизмом по определению. С тех пор в отношении к нам большинства иноверцев мало что изменилось.

В этой связи немаловажно упомянуть, что антисемитизм, по своей сути, амбивалентен. Иными словами, враждебность, демонстрация презрения и пренебрежения – лишь одна сторона медали. Ведь то, чему не придают значения, в чем не видят важности и потенциала, попросту игнорируется, о таком не думают и не говорят. Антисемитизм – наглядное свидетельство двойственного, двусмысленного отношения. Потому что появление столь сильных чувств является наглядным признанием, вольным или невольным, особой значимости и силы, которое и вызывает бурную реакцию.

Более того, антисемиты обычно преувеличивают способности, таланты и силу влияния евреев, и делают это не только в целях пропаганды, но и искренне заблуждаясь в оценке возможностей последних. Даже будучи окрашенным в негативные тона, при наличии злобы и ненависти, их отношение подразумевает некое извращенное уважение к противнику, признание его влияния и могущества, обычно преувеличенных.

Эта двойственность наиболее понятна у адептов монотеистических религий. Ведь христианство и ислам – не просто возникли и развились из иудаизма, но и концептуально связаны с ним, поскольку признают первичную избранность народа Израиля. И хотя их принятие идей иудаизма фрагментарно и непоследовательно, но их дочерняя природа неоспорима. Обе религии признают первозданность народа Израиля и то, что через него пришло Откровение. Таким образом: с одной стороны, они основываются на еврейской религиозной традиции и опираются на нее, с другой же стороны, именно из-за того, что они отпочковались от иудаизма, они вынуждены отрицать его, преуменьшать его образ и значение хотя бы в настоящем, несмотря на то, что они не в силах отменить его первичной ценности в прошлом. Живые евреи и продолжающий свое

существование иудаизм – поистине болевая точка монотеистических религий.

Чем больше они утверждают, что их пришедшая позже «Благая Весть» превосходит предыдущий Завет, тем большей, требующей «окончательного решения» проблемой является еврейство как живой, развивающийся организм, не отмерший за ненадобностью. Их отношение к евреям включает в себя скрытую (и явную) веру в еврейскую избранность (пусть даже в прошлом) и, одновременно – отторжение и отрицание иудаизма в настоящем, и само собой, евреев настоящего времени, преемников и наследников предшествующих поколений.

Парадоксальным образом антагонизм и враждебность могут быть истолкованы как выражение неосуществленной любви и уважения, как разочарование от того, что евреи все еще существуют. Вовремя исчезнув, они воспринимались бы совершенно иначе, как объект поклонения и признательности. Только вот незадача – мы все еще живы! А всякая неосуществленная любовь создает заряд враждебности, как минимум равный по силе потенциальной. Этот феномен несостоявшейся любви и подспудного чувства неправильности сложившейся ситуации, от признания факта некогда состоявшегося избранничества неизбежно ведет к антагонизму и вражде к евреям.

Если бы евреи просто претендовали на особую роль, это еще можно было бы принять так, как обычно принимаются подобные претензии от разных народов – с иронией, без особого внимания. Ведь многие полагают, что они в чем-то избранные, что у них особая миссия, свой неповторимый путь развития и, разумеется, что они уникальны в своем роде и у них есть достоинства, которых нигде больше не найти. Так, например, в Англии не только испытывали превосходство по отношению к иностранцам, но и считали все исходящее от них малоценным и незначительным. Одновременно с этим у подданных британской короны была навязчивая мания служить всему миру примером, было чувство долга перед ним. Правда, подобное же чувство интеллектуального и культурного превосходства было и у французов. Не забудем о претензиях германцев быть высшей расой, русское мессианство и еще множество подобных примеров. Подобные притязания воспринимаются окружающими народами с раздражением и усмешкой. Но становясь предметом шуток и анекдотов, они не порождают всепоглощающей ненависти.

Самооценка народа подобна самооценке индивидуума: он прощает себе свои недостатки и превозносит свои действительные и мнимые достоинства, считая себя лучше всех остальных. Источником враж-

дебности со стороны окружающих это становится только тогда, когда у них появляются основания считать, что подобные претензии оправданы. Тот, кто претендует на избранность, может стать предметом насмешек; тот, кого подозревают в избранности, становится объектом ненависти.

Поэтому так болезненно и гипертрофированно воспринимается любая отрицательная черта евреев (и в этом контексте неважно, реальная или выдуманная), столь остра реакция на любые их поступки. По отношению к недостаткам всех прочих есть мера прощения, особенно если они все еще остаются в пределах нормы. Однако по отношению к евреям такого прощения вовсе не существует. Еврей, который украл или солгал, привлекает повышенное внимание не только из-за априорной враждебности к нему, но и в силу высокого уровня ожиданий, потому что подспудно есть большое и даже преувеличенное уважение к его качествам и достоинствам. Насколько велико ожидание, настолько велико и разочарование.

Существует такое явление, как автоматическая поправка при оценке. Если некий народ считается варварским, неполноценным или диким, то любая положительная черта, которую от него не ожидают, оценивается как достижение, достоинство. Всякий

добрый поступок превозносится как подвиг; то, что не является откровенной низостью, уже считается хорошим. Всякое действие, которое в любом ином случае воспринималось бы как норма, по отношению к такому народу будет оценено как особое достижение.

К тем, чья избранность воспринимается серьезно, относятся противоположным образом. Им не прощают ничего из того, что у других прошло бы практически незамеченным. Этот феномен двойного стандарта отчетливо проявляется в отношении к современному государству Израиль: его критикуют и обвиняют за всякое действие, которое было бы воспринято как нормативное в отношении любой иной страны. Констатация антисемитизма окружающего мира – лишь поверхностный взгляд на ситуацию. А ее понимание в том, что на сознательном или бессознательном уровне, от еврея и еврейского народа ожидают значительно большего, чем норма. Отсюда и обостренная критичность восприятия – еще один вид разочарования.

Разумеется, оно, как это часто бывает, смешано с другими чувствами. Кроме разочарования, присутствует еще и некоторое злорадство, также происходящее из признания еврейского превосходства. Так как в глазах окружающих он умнее, богаче,

успешнее, то они обращают особое внимание на его недостатки и слабости, выставляют их на всеобщее обозрение, с нескрываемым удовольствием смакуют любой промах. В этой точке происходит странная, парадоксальная, но очень понятная встреча между нападениями извне и увещеваниями изнутри. Клеймящий недостатки и преступления Израиля пророк, обличающий грехи и недостатки мудрец Талмуда, равно исходят из презумпции еврейской избранности. И, как следствие, они выдвигают дополнительные требования к поведению евреев: быть не нормальными, а лучшими. Кому много дано, с того много спрашивается, как сказано в книге пророка Амоса: «Только вас Я признал из всех племен земли, потому с вас Я взыщу за все ваши беззакония».<sup>30</sup>

30. Амос, 3:2.

У особого отношения к евреям есть и иной аспект, имеющий совсем не теологическое объяснение. Последние две тысячи лет большинство евреев проживают среди других народов в качестве национального меньшинства. А всякое меньшинство, так или иначе, страдает от ксенофобии. Как отдельные личности, так и как община евреи были более уязвимы для любой формы агрессии. Обычно у меньшинств, проживающих на чужбине, где-то есть своя родная страна, на которую они могут рассчитывать, дающая им некий статус. Разумеется, у нее часто недоста-

точно сил, чтобы служить защитой от ненависти и преследований, или же родина слишком далека, или внутренние проблемы не дают ей уберечь своих граждан, находящихся в других государствах, от грозящей им беды. Однако сдерживающее влияние страха перед возмездием, опасение негативных последствий часто защищало меньшинства от необузданности неприятелей. У евреев такой опоры не было, поэтому они всегда были уязвимее, чем другие народы.

Еще один аспект – это обособленность евреев и тот факт, что они слишком отличаются от других. Они ощущаются как чужаки и пришельцы даже в тех странах, где живут тысячелетиями. Эта инородность присуща не только современным странам с государственной религией монотеистического характера – в языческих государствах античного мира евреи тоже были исключением. Где бы они ни находились, они были исключением, обособленной группой чужаков.

Обе эти особенности взаимоотношений с окружающими получили свое явное выражение в первом в истории антисемитском воззвании – в словах Амана: «Есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям твоего царства; и их законы отличны от [законов] всех народов».<sup>31</sup>

31. Мегилат  
Эстер, 3:8.

Во все времена евреи были особенно уязвимы из-за своей слабости и чужеродности. Поэтому не удивительно, что во всех проблемах и бедствиях, происходивших в каком-либо месте, вину, в первую очередь, евреев. Их обвиняли в чем угодно, начиная от колдовства (многочисленные наветы в осквернении святого причастия, от которых евреи страдали в Средние века) вплоть до недавних нападков на фалашей в Эфиопии, с утверждениями, что по ночам они превращаются в гиен и нападают на людей. Во всех подобных случаях было совершенно неважно, есть ли у этих обвинений какое-либо реальное основание. Их подлинной подоплекой было и остается естественное желание людей найти виновного в их бедах, и при этом – не из «наших». Разумеется, для ненависти к евреям были и рациональные причины. Должник не жалуется на кредитора, сосед-бедняк не любит удачливого соседа, неудачник не терпит того, кто служит ему живым обвинением в собственной несостоятельности. Однако все это вторично по отношению к приведенным выше двум факторам, превращавшим вездесущих евреев в удобную мишень: их инородность и незащищенность.

Именно из-за этого они стали самым чувствительным измерительным прибором для индикации внутренних процессов в тех странах, где они находятся.

Так же, как более чувствительный прибор улавливает звук раньше, чем иные, хуже настроенные, так и евреи страдают от проблем и несчастий мира раньше и сильнее, чем другие народы. Более того, факт преследований евреев – симптом системного заболевания государственного организма. Мы уже объяснили, почему именно они страдают первыми, однако корень проблемы не в антисемитизме, а в кризисе, поразившем страну их пребывания. Это вряд ли будет осознаваться самими погромщиками или их вдохновителями. Они могут быть искренне уверены в своей правоте, но это не меняет положения дел: везде, где евреев преследуют и обвиняют, страна тяжело больна. Ненависть к евреям лишь первичный, явный симптом, не более того. Порой подлинная причина очередного всплеска антиеврейских настроений очевидна, иногда ее трудно определить, и тогда она внешне представляется самостоятельной проблемой. Но это лишь видимость, иногда нужно время, чтобы она стала наглядной.

Если рассматривать исторические процессы с такой точки зрения, то подобное явление можно обнаружить во множестве случаев, причем вовсе не обязательно в виде прямых причинно-следственных связей. Изгнание евреев или их массовый исход из некогда великих сверхдержав и крупных государств,

резкое падение статуса и погромы, неизбежно сопровождаются общим спадом. Даже если не вдаваться в теологические вопросы воздаяния и возмездия, легко обнаружить корреляцию между социо-экономическими процессами упадка и антисемитскими эксцессами.

Так, угасание Испании, длившееся длительное время, пока не стало очевидным, связано с изгнанием евреев не только причинно-следственной связью, прямым ущербом от потери полезного и экономически активного элемента, бывшего жизненно важным в период возникновения трансатлантической империи. Испания пошла по пути территориальной экспансии, исключив при этом социальные и общественные изменения, используя религиозный фанатизм как цементирующую идеологию. На первых этапах процесса он привел к изгнанию евреев и мавров из страны, на более поздней стадии – к распаду и стагнации всей империи.

То же самое, хотя и в менее отчетливой форме, произошло в Османской империи. Понижение статуса евреев шло рука об руку с ослаблением, вплоть до полной потери бывшего величия, некогда могучей силы, правившей не только значительными территориями Азии, Африки и Европы, но и бывшей основной угрозой для христианского мира. Но сни-

жение инициативы, открытости, активности, которое лишило евреев, занимавших во времена расцвета привилегированное положение, какого-либо влияния в ее социальной системе, привело государство к упадку и распаду.

Расистское безумие, охватившее Германию во времена Гитлера, в первую очередь, было катастрофой для евреев. Однако оно само было одним из основных факторов, приведших к тому, что, несмотря на всю свою мощь, она потерпела в войне сокрушительное поражение. Тут можно вспомнить крушение и распад СССР, сопровождавшийся усилением антисемитских настроений и, как следствие, массовым исходом еврейского населения.

Можно заметить и обратное: принятое в свое время Англией решение впустить евреев на свою территорию связано с ее общим подъемом. И здесь тоже не обязательно видеть прямую причинно-следственную связь и утверждать, что именно евреи привели к укреплению этого государства. Но те же процессы, которые проложили путь к величию Британской империи, открыли ее для евреев.

Сходным образом подъем политического значения США и усиление экономической мощи сопровождался невиданным потоком еврейской эмиграции в эту страну. Можно спорить о роли евреев в ее

становлении, но связь между этими процессами несомненна.

Таким образом, положение евреев в мире – чуткий барометр изменений ситуации в странах их проживания. Чем больше их ненавидят и преследуют, тем серьезней проблемы этой страны. Они могут быть вполне материальными и практическими, как экономические кризисы, войны и т. п., но могут быть и более утонченными, такими как изоляционизм, утрата инициативы, закрытость общества, идеологический или религиозный диктат... Последствия этого будут прежде всего сказываться на положении евреев, а потом, уже в более явном и общем виде, на всех остальных. По словам пророка Йешаягу, изъязвленный, униженный и страдающий раб Г-сподень несет на себе недуги других людей: чем сильнее они больны, тем больше его страдания.

Духовное служение страждущего, то, насколько он возвышается и очищается страданием – отдельная проблема. Но все, что он может сделать с целью улучшения своей ситуации, благотворно действует и влияет на других. Речь здесь идет не о призвании народа Израиля быть «светочем для народов»,<sup>32</sup> или лидером для них. Смысл его существования не в той роли, которую он исполняет для других, его главная обязанность – быть самим собой. Чем он

<sup>32</sup> Йешаягу, 42:6

Мы, евреи...

сам здоровее, сильнее и возвышенней, тем больше пользы от него всему человечеству. А окружающие народы могут понять, что им стоило бы помочь и поддержать его на всех путях, где это возможно. Горящий факел светит не потому, что видит в этом призвание: он просто горит – это единственный доступный ему способ самовыражения, - но именно поэтому он дает свет и окружающим.



## Сионские мудрецы

227

**П**арадоксальным является сам факт, что проблема единого руководства и выработки перспективного плана для всего еврейского народа представлена в массовом сознании фальшивкой – «протоколами сионских мудрецов». Еще более парадоксальным является то, что и поныне масса людей, как читавших этот «шедевр», так и в глаза его не видевших, верят в его истинность, и история «протоколов» далека от завершения.

«Протоколы сионистских мудрецов» – подделка, сфабрикованная сотрудником царской охраны, подлинное имя которого так и осталось неизвест-

ным. Это сочинение не оригинально, оно является компиляцией нескольких французских памфлетов девятнадцатого века, посвященных разным темам. Его автор не отличался ни богатством фантазии, ни литературной одаренностью – и вторичность произведенного им «продукта» подтверждается исходящим от него душком. Те специалисты, которые в силу различных причин были вынуждены провести текстологическое исследование этого сочинения, выдержанного в стиле канцелярского протокола, заключают, что «протоколы» сработаны откровенно топорно.

Это, однако, нимало не препятствовало их распространению. Сотни тысяч, а может быть и миллионы людей поверили в подлинность текста. Юдофобы всех мастей ссылались на брошюру как на аутентичное и авторитетное свидетельство, оправдывающее их негативное отношение к евреям. Заметим, впрочем: многие из них на самом деле не верили в это, что ничуть не мешало им распространять и пропагандировать ее.

Рушились и созидались империи, рождались и умирали идеологии, а «протоколы» по-прежнему переводились на многие языки мира, не теряя своей популярности. И отнюдь не только в странах со значительным еврейским населением и государственным

антисемитизмом. Как это ни парадоксально, «протоколы» прославились и там, где евреи – мифический народ, странный и непонятный.

В Израиле некогда произошел забавный случай: один писатель из Японии – страны, где практически нет евреев, – был приглашен к нашему тогдашнему премьер-министру Менахему Бегину. По традиции стороны обмениваются презентами. Какой дар мог вручить представитель творческих кругов из Страны восходящего солнца главе правительства еврейского государства? Роскошное иллюстрированное издание «Протоколов сионских мудрецов» большого формата! Почувствовав, что возникла какая-то неловкость, корректно-улыбчивый дальневосточный гость стал расхваливать «Протоколы», утверждая, что они содержат немало лестных высказываний о еврейском народе и весьма комплиментарных оценок его деятельности, и что это вовсе не исторический документ, а «высокохудожественное произведение, несравненный шедевр литературного творчества мирового значения».

Что ж, не исключено, что переводчик брошюры на японский язык (скорее всего, еврей!) несколько перестарался. На самом деле «Протоколы сионских мудрецов» не только утвердили евреев в глазах остального человечества в роли мишени для посто-

янных нападков, но и демонизировали их, вызвав у невежественной публики панический страх перед ними. «Протоколы» приписывают народу Израиля огромное, безграничное могущество, и рисуют апокалиптическую картину тайной подрывной деятельности по захвату и подчинению себе всего мира.

Евреи справедливо опасались пагубного влияния этой тоненькой брошюрки, ибо она могла спровоцировать любой акт насилия по отношению к ним, вплоть до массовых погромов. Предпринимались многочисленные попытки остановить распространение клеветнического издания, выдвигались требования отдать под суд его распространителей...

Но попытаемся абстрагироваться от своих эмоций и, взглянув на вещи непредвзято, решить: так ли оправдано брезгливо-паническое отношение ко всем идеям, изложенным в «Протоколах» и в многочисленной антисемитской литературе такого рода вообще?

Отношение евреев к представлениям о них антисемитов всегда было амбивалентным. В беседах «среди своих», в многочисленных «еврейских» анекдотах, которые мы так любим смаковать, часто встречается признание в том, что нам доставляет удовольствие чтение антисемитских изданий, где евреи предстают как «сильные мира сего», мудрые и могущественные.

Подобная оценка особенно приятна, когда знаешь, каково положение вещей на самом деле.

Встречаются, однако, и такие труды, посвященные народу Израиля, по которым нелегко судить о позиции автора: описания еврейского гения в них столь преувеличены, что в равной степени могут принадлежать как перу юдофила, так и юдофоба. Яркий пример подобной литературы – книга Перфи «Евреи», в свое время вызвавшая бурную реакцию среди еврейского населения Франции. Ее автор, приводя многочисленные, в большинстве случаев бездоказательные примеры, утверждает, что почти каждый выдающийся деятель мировой истории если и не был евреем сам, то имел еврейских предков или, на худой конец, учился у евреев. Защищаясь от нападков, Перфи сказал, что книга была написана им из юдофильских побуждений, что он хотел воздать евреям должное, а тот факт, что они все увидели в ином свете, не является опровержением его идей само по себе. Однако, наученные горьким опытом и обладая обостренной интуицией вечно преследуемых, евреи постоянно ждут неприятностей, даже от тех произведений, которые писались их авторами из добрых побуждений или предполагают возможность двойственного толкования, подобно трагедии великого Шекспира «Венецианский купец».

Разумеется, позиция автора «Протоколов» и его цель не вызывают сомнений, ведь, помимо дифирамбов всесилию и могуществу евреев, там представлена картина их заговора против устоев общества, да и против человечества вообще. Но, тем не менее, далеко не каждый читатель этого произведения придет к тому выводу, к которому его подталкивает автор. Примером может послужить описанная выше история с японским писателем.

По мнению значительной части антисемитов, нашешдшему выражение в многочисленной литературе, посвященной «еврейскому вопросу», наш народ обладает скрытым могуществом, определяет течение глобальной политики и является тайным властелином мира. Давайте, оставив в стороне апологетику и трусливые самооправдания, взглянем на проблему изнутри, постараемся увидеть вещи такими, как они есть на самом деле. Почему говорят о всемирном еврейском заговоре, о еврейском могуществе? Ведь в реальности, несмотря на то, что евреи преуспевают во многих сферах общественной жизни, они бесконечно далеки даже от отстаивания своих общенациональных интересов (хотя бы в той степени, в какой это присуще другим народам). Более того: евреи проявляют удивительную бездарность даже при управлении собственным государством!

И в связи с этим возникает вопрос: а почему, собственно? Что мешает нам найти истинных «сионских мудрецов», не дает использовать свои возможности и способности, реализовать потенциал еврейства? Очевидно, что значительная часть постулатов, на которых основываются представления антисемитов, являются либо прямым вымыслом, либо результатом подтасовки.

К примеру, тот неоспоримый факт, что есть очень богатые евреи, никоим образом не связан с общим уровнем благосостояния еврейских масс и не влияет на него. Наличие сосредоточенного в руках евреев капитала может породить миф о нашем богатстве, хотя каждый обыватель знает, что его сосед-еврей по своему доходу не отличается вовсе или очень незначительно отличается от принятых в данном обществе стандартов среднего класса. Даже в тех странах, где евреи относятся к наиболее состоятельным группам населения, львиная доля средств, которыми они распоряжаются, находятся в руках нескольких крупных финансовых воротил, в большинстве своем никоим образом не выпячивающих свое еврейское происхождение.

В тех редких случаях, когда принадлежность к нашему народу не воспринималась богачом как недостаток, он вносил свой вклад в жизнь еврейской общины, занимаясь филантропией, поддерживая

существовавшие институции и создавая новые. Наша история знает лишь считанные случаи масштабного изменения социального и общественного статуса еврейской общины как следствие лоббирования ее интересов финансовыми тузами. Но обыватель-антисемит не придаст этому никакого значения, как и тому, что к разряду богачей всегда относятся представители разных национальностей, использующие свой капитал для воздействия на политику государства. Однако в большинстве случаев это связано с личной выгодой – понятием вненациональным – и такого рода деятельность является интегральной частью политики и экономики любой страны.

К примеру, покупка семьей Ротшильд акций Суэцкого канала была крайне важным событием для Британской империи, и, конечно же, для самих Ротшильдов, но к евреям в целом это не имело никакого отношения. Богатство и влияние такого толстосума, как правило, никак не отражалось на положении нашего народа. Поэтому даже если влияние отдельных личностей на политику и экономику страны не вызывает сомнений, степень их могущества явно преувеличивается. Это тем более справедливо по отношению ко всему еврейскому народу в целом.

Еще одна область, в которой евреи играют исключительную роль, – культура и средства массо-

вой информации. В данной сфере они, пожалуй, превосходят (в процентном отношении) другие этнические группы, зачастую занимая лидирующее положение. Но и в этом случае их деятельность и влияние, в большинстве своем, ограничены частными интересами. Колоссальные достижения наших соплеменников в таких областях относятся к явлениям общей культуры, в то время как их вклад в собственно еврейский мир является минимальным. Они крайне редко обращаются к специфически еврейским проблемам и к интересующейся ими аудитории. Среди писателей, драматургов, композиторов, исполнителей, не говоря уже об занятых в масс-медиа или издательской деятельности людей, есть множество евреев. Влияние некоторых из них очень велико, но, вместе с тем, почти нет деятелей культуры и искусства глобального масштаба, которые последовательно проводили бы в своем творчестве идеи и принципы, имеющие исключительное значение для еврейского народа в целом. У этой армии есть все необходимое, чтобы оказать формирующее воздействие на общественное мнение, нет только общей идеи и цели. Да и кто из них ощущает в том потребность?

Подобным образом обстоит дело и в науке. Процент евреев, добившихся ощутимых результатов,

здесь также довольно высок. Многие из них удостоились на этом поприще самых высоких титулов и наград, завоевали большой авторитет. Однако это не явление национального характера, а достижения отдельных ученых или исследовательских групп, ведь наука интернациональна. Сделанные ими открытия обладают общечеловеческим значением, их создатели – настоящая гордость для других евреев (разумеется, в тех случаях, если действительно есть чем гордиться), но эта деятельность также не носит специфически еврейского характера.

Другие, относительно новые, области, где представители избранного народа занимают действительно избранное положение, – высокие технологии и информатика. Современные технологии свершили вторую, а может, уже и третью мировую техническую революцию. Множество евреев прямо или косвенно примыкают к этой социально и экономически значимой сфере и оказывают определяющее влияние на ее формирование и развитие. Но и здесь они не только не представляют собой монолитную силу, но и не помышляют о кооперации.

В совокупности еврейский потенциал кажется грандиозным: исключительные материальные возможности (даже если они не так велики, как об этом говорят), экономические ресурсы, ведущие позиции

во многих областях науки, масс-медиа, огромный вклад в литературу и искусство многих стран и т.д., и т.п.... Казалось бы, нам и карты в руки, однако факт остается фактом: множество не связанных друг с другом общими идеями или целями евреев заняты в различных сферах социальной, экономической и культурной жизни. Но, несмотря на неоспоримые могущество и влияние, с точки зрения собственно еврейских интересов коэффициент полезности их деятельности стремится к нулю.

Посудите сами: нигде в мире, кроме Израиля, евреи не имеют реальной политической власти или собственной партии. И несмотря на то, что в некоторых государствах в их руках сконцентрированы значительные материальные средства, они оказываются хронически бессильными, когда речь заходит о собственно еврейских интересах. Евреи оказались не способны разрешить ни одну из насущных проблем общенациональной значимости, не смогли предотвратить Катастрофу европейского еврейства – уничтожение трети своего народа. В своем собственном государстве они не в состоянии прийти к общему мнению по самым принципиальным политическим, оборонным, социальным и иным вопросам.

Популярность брошюры «Протоколы сионских мудрецов» тем более обидна, что в мире нет никаких

«сионских мудрецов», т.е. нет структуры, руководящей всем нашим народом. В том-то и заключается его трагедия, что в противостоянии враждебным силам, значительно превосходящим его количественно, он не имеет единого руководства, наличие которого позволяло бы в критический момент оперативно скорректировать действия всех еврейских общин в мире.

Священное писание повествует о том, что между сыновьями праотца Яакова разгорелся острый конфликт. Братья продали в рабство его любимца, Йосефа, и этот поступок расценивается традицией как тягчайший грех, который весь наш народ был вынужден искупать на протяжении многих поколений. Но история с продажей Йосефа – еще и архетип многовекового разлада среди колен Израиля. Лишь на очень краткие исторические периоды – между Исходом и разрушением Первого Храма, во времена Йегошуа бин Нуна (в русской традиции Иисуса Навина), Давида и Шломо (Соломона) – правителям удавалось сплотить все двенадцать колен. Конфликты и войны не прекратились даже с завершением эпохи судей; сам раскол на два царства – Иудейское и Израильское – был, по сути, историческим следствием той же «продажи». В отдельные периоды в Стране Израиля одновременно правили сразу несколько руководителей одного уровня, и это воспринималось

как должное. Вплоть до наших дней сохраняется раскол в еврейском народе, и рассеяние только усугубляет его. Причины, которые привели к такому положению, многообразны, но оно нас все равно не устраивает. Один из главных признаков ожидаемого нами прихода Мессии – воссоздание утраченного единства, предсказанное пророками.

Уже более тысячи лет наш народ не имеет авторитетного для всех общин *Сангедрина* – законодательного органа, совета мудрецов, который был последним коллегиальным органом, имевшим право устанавливать законы, обязательные для исполнения всеми без исключения евреями. Духовные же авторитеты, мнения которых в отношении практического законодательства (и тем более в вопросах мировоззренческих и теологических) были непререкаемыми, существовали лишь в очень отдаленном прошлом. Отдельные лидеры и объединения, имея власть и влияние в тех или иных регионах, не определяли религиозную жизнь и быт большинства общин в странах рассеяния. Последний из мудрецов, являвшийся авторитетом для всего народа (де-факто, поскольку у него не было на это формальных полномочий), – великий Гай-Гаон. Последнее тысячелетие на это не мог претендовать никто. В еврейской истории периодически вспыхивали целые созвездия выдающихся

законоучителей, слава о которых распространялась повсеместно, но ни один из них, даже такие великие мудрецы, как Рамбам (Маймонид), р. Йосеф Каро или Ари *ѓа-кадош*, не были при жизни духовными руководителями всего народа.

Согласно свидетельствам Устной Торы, со времен Моше и вплоть до периода завершения Талмуда в еврейском народе были только три человека, в руках которых одновременно концентрировалась вся полнота высшей духовной и политической власти.

Отсутствие единого руководящего органа, как политического, так и религиозного, – пожалуй, наиболее характерный элемент еврейской истории. Ни одно из коренных изменений в еврейском мире не было заранее спланировано «центральным комитетом» общенародной власти. Это относится, в первую очередь, к религиозной, и тем более – к политической жизни. Здесь все складывалось стихийно, под воздействием различных разрозненных фактов. Многие решения, которые впоследствии оказались судьбоносными, принимались только под влиянием внешних обстоятельств. Так, например, массовые миграции евреев были обусловлены внешними факторами, в каждом отдельном случае решение принималось спонтанно, семьей или общиной, но отнюдь не было логическим следствием многове-

ковых народных устремлений. Изгнание евреев из Испании и Португалии, крупная волна эмиграции из Восточной Европы в США или Аргентину не были акциями, спланированными еврейским руководством. Эмиграция евреев в Америку произошла стихийно, вопреки противодействию местных органов власти. Даже репатриация в Израиль, несмотря на многовековое стремление евреев к Святой Земле, не организовывалась единым координирующим центром.

Именно угроза физического уничтожения, изгнание, неимоверные экономические и социальные трудности заставляли евреев скитаться, оставлять свои дома и перебираться с места на место. А в тех редких случаях, когда им удавалось добиться улучшения своего социального и политического статуса, это было отнюдь не достижением какой-либо организации, представлявшей народ в целом, а инициировано отдельными людьми или разрозненными группами, представлявшими определенную часть народа.

Тем, кто не знаком с истинным положением вещей, тяжело поверить в то, что у евреев нет единой руководящей структуры, нет общей для всех земной власти. Ведь на протяжении тысячелетий евреи всех стран рассеяния придерживаются одной веры, они сохранили свой язык – иврит. Если окинуть взором

всю историю Израиля, которой мы так дорожим, и богатейшую религиозную традицию, требующую от нас, среди прочего, филантропии (евреи помогают не только ближним, но и дальним своим соотечественникам, живущим на других континентах), изумление по этому поводу станет еще большим. Почему, несмотря на все это, евреи остаются разобщенными?

Первая и наиболее очевидная причина – галут, изгнание. Со времен разгрома Израильского царства (а это произошло за сто с лишним лет до разрушения Первого Храма) большая часть народа рассеяна по разным странам. В эпоху Второго Храма в диаспоре сложились, по меньшей мере, две очень крупные еврейские общины: в Вавилоне и Египте. Множество евреев оказалось в еще более отдаленных местах. А после разрушения Второго Храма и усиления экономического и социального давления на евреев целые общины скитались из страны в страну, пока не сосредоточились на столь обширном географическом пространстве, что какое-либо централизованное управление народом стало вообще невозможным.

Власти, в полной зависимости от которых находились их еврейские подданные, зачастую недоброжелательно относились к их связям с единоверцами – гражданами других государств, подозревая их в нелояльности и соглядатайстве, и делали все воз-

можное для того, чтобы пересечь эти контакты. К обусловленной расстояниями и несовершенством связи физической разобщенности, тотальному бесправию и зависимости, прибавились дополнительные факторы. Каждая община была вынуждена приспособляться к местным условиям, всякий раз заново находить решение специфических проблем. То, что было возможным в одной стране, оказывалось неосуществимым в другой, вопросы, носившие еще недавно сугубо абстрактный характер, на новом месте требовали конкретных ответов, значительно осложняя жизнь. И везде, где оказывались евреи, они были вынуждены ради своего физического и духовного выживания создавать автономные организационные структуры.

Центры изучения Торы, как и социальные, и общественные объединения, создавались евреями разных стран еще в эпоху Первого Храма, т.е. в те времена, когда у большинства наших соплеменников, живших в диаспоре, эмоциональная связь со Святой Землей была глубочайшей и еще действовали заповеди, обязывающие евреев несколько раз в году посещать иерусалимский Храм. Но эти центры росли и развивались самостоятельно, регулярный обмен информацией между различными группами евреев отсутствовал; уже тогда наметились разлад

и отчуждение между разными еврейскими сообществами. Все эти факторы делали невозможным создание единой структуры управления и тем более существование чего-либо подобного однородной общине.

Даже в гомогенном еврейском обществе возникали совершенно самостоятельные и абсолютно независимые друг от друга центры управления. Характерный пример: на протяжении многих поколений существовали два крупных центра изучения Торы: в Израиле и Вавилоне, – которые редко координировали свою деятельность, хотя и не враждовали между собой. В самом Вавилоне позднее были две конкурировавшие академии – в городах Сура и Пумбедита – и их подходы к законотворчеству значительно отличались друг от друга. Источники, дошедшие до нас с тех времен, рассказывают, что среди еврейского населения Вавилона в эпоху геоним – глав академий – существовало разделение власти между *Рош га-гола* – Главой диаспоры – и двумя *геоним*. Отношения в «триумvirате» были довольно напряженными, и иногда там происходили открытые конфликты.

Распри в народе Израиля были столь сильны, что ожесточенные споры не раз приводили к гражданским войнам, и причина тому – наш еврейский инди-

видуализм. Это качество, несомненно, имеет свои положительные стороны, ведь у каждой личности есть безусловное право на самовыражение. Однако очень часто стремление осуществить собственные намерения идет в разрез с общенародными интересами.

Индивидуализм – не просто одна из черт еврейского национального характера, он – естественное следствие основных принципов еврейского образа жизни. После смерти нашего учителя Моше (Моисея) никто более не обладал всеобъемлющим духовным авторитетом. *Сангедрин* таким авторитетом, безусловно, пользовался, однако это был авторитет институции, а не человека. Бесконечные дискуссии, которые велись в его стенах, считались не только легитимными, но и желательными. Любопытный закон, касающийся судебного разбирательства, приведен в Талмуде: если при слушании дела члены Великого *Сангедрина* единогласно приговаривают обвиняемого к смерти, если никто не высказывается в его защиту, – осужденного не казнят. Единодушные судей расценивалось как пристрастность или недостаточное внимание к делу.

Даже в тех случаях, когда, пройдя процедуру голосования, постановление приобретало силу закона и становилось обязательным для исполнения, высказы-

вание частного мнения, противоречащего позиции большинства, более того – публичная его пропаганда никогда не запрещались. Даже при наличии полярных точек зрения действовал принцип, установленный мудрецами: закон следует одному из мнений, но и другие, не ставшие законом, – «слова Б-га живого». В отношении множества проблем дискуссии ведутся веками, но, несмотря на это, каждое новое поколение со времен Мишны, Талмуда и вплоть до наших дней оставляет после себя огромное число неразрешенных вопросов.

Плюрализм, безусловно, обогащает интеллектуальные возможности и дает простор самовыражению, но, наряду с этим, способствует возникновению противоречивых подходов, школ и даже целых культур, антагонистичных друг другу. Существует столько противоположных по духу мировоззренческих и поведенческих установок, что евреи зачастую не только не в состоянии вести совместную деятельность, но и попросту не могут сосуществовать. Ничем не ограниченный индивидуализм поначалу приводит к возникновению совсем незначительных отличий, но затем наступает разлад во взаимоотношениях, со временем трещина расширяется, пока не превращается в зияющую пропасть, через которую уже невозможно навести мосты.

Естественная тенденция к разделению только усилилась после рассеяния по многим странам; у евреев не было не только желания, но и возможности вести централизованное управление. Различные факторы еще более усугубляли децентрализацию и сводили на нет любые попытки объединиться. Так что разобщенные евреи никак не смогли бы достичь мирового господства. Споры и дискуссии ведутся нами на самых разных уровнях, не утихая даже во времена общенародных потрясений, что порой приводит к самым трагическим результатам. Когда отчаявшаяся еврейская община в Варшавском гетто решила, в конце концов, сражаться, различные политические силы не смогли принять соответствующее решение и организовать объединенное командование...

Со временем большинство разногласий зачастую начинают казаться не столь важными, даже смехотворными. Но скольких трагедий можно было бы избежать, если бы тем евреям, в чьих руках сосредоточена власть, удалось бы вовремя найти общий язык!..

Со времен Храма евреи утратили способность к коллективной деятельности, к совместному принятию решений, даже таких, необходимость в которых была очевидной и безотлагательной. Причина тому – «синат-хинам», беспричинная ненависть, в более

широком смысле проявляющаяся как неспособность еврейских организаций действовать согласованно и вместе принимать решения по кардинальным вопросам, касающимся судьбы народа Израиля.

В новейшее время разобщенность в еврейском мире не только не уменьшилась, а напротив, неизмеримо возросла. Гаскала (движение еврейских просветителей), образование различных независимых друг от друга структур и движений, ассимиляция усилили центробежные тенденции, породив настоящий хаос во внутриеврейских отношениях. Даже иудаизм, объединявший народ на протяжении многих поколений, ныне раздробился на множество направлений, и каждое новое поколение лишь увеличивает разброд и разлад. Наши духовные лидеры не способны прийти к единству, их мнения не только разнятся, но и противоречат друг другу. Эти люди даже не готовы сидеть рядом в президиумах!

Безусловно, народ Израиля действительно нуждается в «сионских мудрецах», но не ради завоевания мирового господства, а для обеспечения своего дальнейшего существования. И как жаль, что до сих пор они – не более чем плод антисемитской фантазии!..



## Мессианский комплекс

**М**ожно говорить о психологических комплексах, имея в виду внутренний мир человека, но этот же термин порой уместно применить при разговоре о целом народе. В той же степени, в какой допустимо говорить о целях, стремлениях, мечтах народа в целом, позволительно говорить и о комплексах, характерных для него. Когда масса представителей определенного народа действует сообща, в их действиях проявляются национальные черты, характерные особенности поведения. Одним народам присуща мания преследования, другим - мания величия, а третьим - патологическое ощу-

щение недооцененности или униженности. Иногда мы можем с легкостью найти удовлетворительное историческое объяснение появлению той или иной мании или комплекса у определенного народа, иногда нам так и не удастся подобрать рационального объяснения этому явлению. Во всяком случае, фактом является то, что некоторые обобщенные национальные характеристики, присущие народу как единой общности, могут быть обозначены терминами, заимствованными из клинической психиатрии.

Как всегда бывает при обобщениях, из этого правила есть немало исключений. Порой та или иная национальная особенность или свойство характера проявляются исключительно в условиях совместной деятельности большого количества людей, в то время как каждому из них по отдельности это качество свойственно не больше, чем людям иной национальности. Иными словами, массовость позволяет проявиться определенным свойствам – как положительным, так и отрицательным, – которые могут и не получить выражения у индивидуума. Разница между поведением отдельного человека и действиями массы людей хорошо известна. Нет сомнения, что мысли, чувства и действия человека кардинально трансформируются в толпе. Ее психология отличается от психологии каждого из составляющих ее

людей. Впрочем, некоторые национальные комплексы накладывают свой отпечаток на души всех представителей этого народа. Тогда поведение масс определяется совокупностью действий отдельных личностей, каждая из которых является носителем национальной черты характера.

Еврейскому народу, как на уровне его национального бытия, так и на уровне мироощущения отдельных его представителей, присущ мессианский комплекс. Напомним, что термин «комплекс», по определению, означает неосознанное стремление или чувство, влияющее на поведение человека, при этом истинные мотивы собственного поведения остаются для него скрытыми. Мессианский комплекс состоит в стремлении стать благодетелем и освободителем всего человечества. Неверно сводить его к явной или скрытой национальной мечте об освобождении человечества от страданий или хотя бы о помощи страждущим, оставляя в стороне личный мотив, имеющий отнюдь не меньшее значение. Речь идет не просто об общем стремлении к улучшению условий жизни или прогрессу, но о конкретном желании субъекта стать спасителем мира.

Мудрецы так комментировали сказанное в псалмах «Помазанников (слово *Машиах* - Мессия - в переводе с иврита «помазанник», так называли царей и

33. Тегилим,  
105:16

34. Вавилонский  
Талмуд, Шабат,  
119б.

первосвященников) Моих не трогайте...»<sup>33</sup> - «это о детях, изучающих Тору».<sup>34</sup> Это толкование указывает на ту же идею. Любой ребенок, изучающий Тору, может быть назван «Моим помазанником», потому что каждый из этих детей готов стать Мессией. С детства, если не с самого рождения, это стремление присуще еврею. И пусть этот ребенок никогда им не станет в действительности, пусть у него нет, и никогда не было соответствующего потенциала, уже одна эта заветная мечта делает его причастным к подлинному Мессии.

Подобно тому, как в каждом еврее есть частица души Авраама, Ицхака и Якова, праотцев народа, названных так потому, что каждый из нас унаследовал от них определенные свойства личности, в душе каждого еврея неизменно присутствует частица души *Машиаха*. Именно она будит в его сердце стремление к претворению мессианского идеала в жизнь. В личности подлинного, грядущего *Машиаха* будут собраны воедино все эти частицы, разбросанные в бесчисленных душах евреев всех поколений. Мессианство, в той или иной мере присущее каждому еврею, однажды найдет свое воплощение в личности одного человека; этот-то человек и станет *Машиахом*.

В первом приближении суть мессианской идеи можно обозначить как избавление еврейского на-

рода от унижительной зависимости от иных народов, обретение им былого величия, восстановление еврейского царства. На самом деле, однако, мессианская идея гораздо шире. Политическая и духовная независимость еврейского народа оказывается лишь одним из этапов вселенского процесса избавления. Следует отметить, что в иудаизме существуют разногласия касательно сущности мессианской эпохи. Согласно некоторым точкам зрения, наш мир войдет в качественно иную стадию, полностью отличную от всего предыдущего. Иные полагают, что это будет промежуточный период, земной рай, служащий подготовительным этапом для коренного изменения всей системы духовных и материального миров. Так или иначе, все мнения сходятся на том, что мессианский период станет эпохой коренного изменения действительности, полного преобразования мира. При этом речь идет не просто об установлении нового политического миропорядка, но об эре качественно иных отношений между людьми, между человеком и Всевышним, о трансформации самих основ нашего бытия. *Машиах* проложит нам путь в новый мир, в мир без войн, нищеты и страданий, в котором не будет ни телесных, ни душевных мук.

Мессианская идея - не просто мечта о счастливой жизни в будущем; в отличие от концепций бессмер-

тия души и воздаяния райским блаженством, она носит «приземленный» характер: в конце концов, мы уповаем на реальное изменение материального мира. Она выражает протест против несовершенства общества, в котором мы живем, против несправедливости, боли и страданий, которые выпадают в нем на долю еврейского народа и, разумеется, не только его. Отличительная особенность нашего отношения к Мессии состоит в том, что она органически связана с представлением о предназначении евреев в мире. Именно мессианская идея, при всей ее партикулярности, акцентирует универсальное значение мессианской эры, наглядно демонстрируя установку иудаизма на изменение и исправление всего мира.

Во многом, именно благодаря мессианской идее, система религиозных обязательств и ощущение причастности к еврейскому народу перестают восприниматься исключительно в контексте «славного прошлого», когда иудаизм рассматривается как продолжение религиозной идеи, которая некогда, в седой древности, получила столь мощный импульс для развития, что и в наше время имеет право на существование. Появляется дополнительный центр тяжести, к которому устремлены все те, кто видит себя евреями, – грядущая мессианская эра. Мес-

сианство означает не только веру в определенную последовательность событий, но и постоянную деятельность, направленную на их осуществление.

Приближение окончательного избавления, таким образом, является не только национальной задачей всего народа, но индивидуальной обязанностью каждого еврея, который своими добрыми делами – как в качестве части национального целого, так и отдельной, автономной единицы – приближает наступление мессианских времен. Соответственно, отклонения от пути, грехи всего народа и отдельных его представителей задерживают приход Мессии. И еврейский народ в своей совокупности, и каждый еврей по отдельности не являются объектом процесса избавления. Они – субъект действия, созидательная сила, способствующая приходу Мессии. Воля нации складывается из множества волей, присущих каждому из ее представителей в отдельности; у каждого есть своя доля в общенациональной обязанности способствовать наступлению мессианской эпохи. Ее приход – не один из исторических этапов развития общества, который наступит когда-нибудь в будущем, но предмет постоянных усилий в настоящем.

Эта идея является не абстрактным идеалом, она – животворящая сила, направляющая еврейский народ на созидание. Вера в приход Мессии имеет и

интеллектуальное выражение – как конструктивная идея и теологическое положение, – однако основное влияние она все же оказывает на душу. Иными словами, речь идет не об абстрактной концепции, нуждающейся в беспристрастном анализе специалистов, но об идее, которая придает человеческой жизни значение и смысл. Мессианство апеллирует не только к интеллекту, но и к эмоциям, к тому, что скрыто у нас в сердцах.

Может быть, поэтому самый горячий отклик идея прихода Мессии получает у детей и подростков. В этом возрасте не столь важны формальные определения (которые они не всегда в состоянии понять), зато развита восприимчивость к мечте, к идеалу, к новым идеям. Дети произносят во всеулышание то, о чем взрослые предпочитают умолчать, детские грезы носят явный и открытый характер, ребенок способен верить всем сердцем и идти до конца.

Следует отметить и еще один важный аспект детской психологии: неиспорченность, наивность. Взрослые люди вместе с жизненным опытом и широким кругозором приобретают и представление о трудностях, которые надо преодолеть для воплощения в жизнь той или иной идеи. Видя грандиозность задачи, они могут оценить и проблематичность ее достижения. В отличие от них, дети – именно в

результате неполноты их знаний, отсутствия жизненного опыта и способности к многостороннему анализу – воспринимают все, не усложняя. Взрослому понятна ограниченность своих возможностей; он заранее знает, что в его силах, а что нет. Детям подобные психологические препятствия неведомы – ребенок еще не осознает, сколь ограничены его силы, поэтому ничто не мешает ему мечтать о вещах, которые, возможно, для него недостижимы. Мессианские упования для еврейского ребенка – не общенациональная идея, не будущая веха в истории человечества, но личная мечта стать тем, чье усилие приведет к этому великому изменению в истории, заложит основы новой реальности. Поэтому изучающие Тору дети и названы «Моими помазанниками (т. е. Мессиями)».

Что же происходит с детьми, когда они взрослеют? Приобретенный жизненный опыт заставляет их постепенно расстаться с детской наивностью. Они осознают, сколь далек мир от мессианского идеала, что осуществить изменение даже небольшой части мира – это крайне сложная, почти непосильная задача. Ребенок может поверить, что ему все по плечу; взрослея, он постигает всю ограниченность собственных возможностей и шансов индивидуума повлиять на ход истории. Простившись с детством,

человек вынужден выстраивать систему приоритетов. Находясь под постоянным давлением повседневных обстоятельств, он склонен выбрать те действия, осуществление которых представляется ему необходимым и неизбежным. Во всяком случае, он задумывается лишь над тем, что кажется ему осуществимым. Люди погружены в работу, в семейную жизнь, у них не остается времени для грез. Мечты отходят на задний план. Что же происходит тогда с мессианской мечтой? Не утратив полностью своего значения, она, превращаясь в догмат веры, не приковывает более к себе эмоционально и непосредственно. Однако, предъявляя постоянные требования к человеку, она по сути своей не может быть сведена к аморфному желанию лучшей жизни и абстрактной надежде на «светлое будущее». Поэтому, подобно иным детским мечтам, она вытесняется из сферы повседневных мыслей, а иногда и вообще из сознания. Но подавляемые мечты не покидают человека, они остаются частью его личности; то, что некогда было осознанным, четко сформулированным желанием, перемещается в сферу подсознания, трансформируясь в комплекс, который продолжает влиять на человека на всем протяжении его жизни. Центральное место, занимаемое мессианской идеей в системе национальных идеалов, превращает ее в значимый

фактор и на уровне психологии индивидуума. Не находя выражения в сознательной деятельности человека, она перерождается в неосознанное влечение, в мессианский комплекс.

Мечты о величии у ребенка (да и у многих взрослых) – это распространенный феномен: люди мечтают стать царями и правителями, полководцами и завоевателями, фантазируя о будущих деяниях и подвигах, не задаваясь вопросом о реально ли их воплощения. Можно найти определенное сходство между этими грезами и мессианской идеей, но, в отличие от них, в ней самой уже содержатся истоки мессианского будущего. Стремление к величию, национальному или личному, – лишь второстепенная деталь в мессианстве, основное содержание которого – принести избавление всем людям. В центре еврейского представления о мессианской эре лежит отнюдь не образ самого Мессии, не его личность и не идея власти над миром, но кардинальные позитивные изменения в положении как отдельных людей, так и всего человечества.

Для того, чтобы захотеть стать Мессией, человек должен постичь и ощутить проблемы своего народа как свои личные, воспринимать как собственную боль все страдания в мире. Это ощущение не обязательно должно носить осознанный характер и быть

выражено явно; оно может оставаться на уровне подсознания. В основе мессианской идеи – осознание несовершенства мира и той огромной задачи, которая является следствием этого: улучшить мир, принести в него избавление. Она предельно альтруистична, ибо направлена на всеобщее благо, а не на собственную пользу. Именно боль и страдания других людей пробуждают потребность возложить на себя это бремя: им плохо – следовательно, я хочу, стремлюсь, а иногда и (не имея другого достойного выхода) обязан и вынужден прийти им на помощь, стать их спасителем.

Следует особо подчеркнуть, что и верующие люди подавляют мессианские мечты, отгоняя их на периферию своего сознания. Ежедневно повторяя предусмотренные ритуалом фразы, выражающие веру в приход Мессии, они гонят от себя мысли о собственной роли в осуществлении мессианских чаяний. Даже многие из тех, кто искренне убежден в неминувости грядущего Избавления и каждый день надеется, что оно вот-вот наступит, отнюдь не горят желанием самим участвовать в спасении человечества. Однако в полной мере игнорируют любую личную связь с мессианскими чаяниями те, кто отрицает (по крайней мере, на уровне публичных высказываний) мессианскую идею как таковую. Зна-

чительная часть, если не большинство современных еврейских детей, не говоря уже о взрослых, воспринимают иудаизм исключительно как наследие прошлого – и часто как обузу, от которой стремишься избавиться. Иногда евреи придерживаются чуждой иудаизму идеологии, становятся агностиками или атеистами. Как же могут они разделять веру в приход Мессии?

Однако, как мы уже писали, мессианская идея не ограничивается набором осознанных представлений – она таится в душе каждого еврея, хочет он того или нет. Это часть его коллективного подсознательного, и она влияет на него не только опосредованно – на уровне воли всего народа, – но и непосредственно, как внутренний фактор, определяющий его жизнь, мечты и желания. Даже если родители воспитывают ребенка в полном отрыве от еврейской традиции, они не могут лишить его того, что заложено в самой основе его душевной жизни – мессианской идеи или, по крайней мере, мессианского комплекса.

Действительно, мессианский комплекс проявляется в поведении евреев, даже если в их действиях, на первый взгляд, нет ничего специфически еврейского. И в нерелигиозных своих проявлениях он включает обостренную чувствительность к боли и страданиям, коими полон окружающий мир, сочувствие к бедам

других. Для мессианского восприятия мира характерна также обостренная реакция на проблемы других людей, которая приводит к осознанию личной ответственности, своей обязанности помочь им.

Бесчисленны примеры того, как евреи вступали в освободительные движения тех стран, в которых жили, а иногда они стояли у истоков подобных процессов, возглавляли их. Общим для всех утопических явлений подобного рода является подобие декларируемых ими целей мессианской идее глобального избавления от страданий. Общеизвестно, что огромное число евреев приняли участие в революционных движениях разных стран; в процентном выражении оно, как правило, несравненно выше доли евреев в населении.

Необходимо подчеркнуть, что особо привлекательными для евреев являлись те общественные движения, которые стремились к радикальному улучшению окружающего мира. Это справедливо и по отношению к национально-освободительным движениям, и к социальным: установление всеобщего мира, внутреннее самосовершенствование, помощь униженным и голодным и даже сохранение окружающей среды. Пути к достижению этих задач могли быть самыми разными – от кровавого переворота до разъяснительной работы или парламентского лоббирования.

В самом деле, евреи составляют непропорционально большой процент участников подобных движений, не имеющих, на первый взгляд, между собой ничего общего, а зачастую являются их создателями и лидерами. Они с воодушевлением присоединяются и к левым, и к правым организациям радикального толка, космополитическим течениям и религиозным сектам... Общим местом для этих движений, организаций и партий является утопическая идея, к которой все они в той или иной мере причастны. Выдвигаемые ими требования, направленные на конкретные преобразования в положении отдельной страны, народа, расы, социального слоя, могут рассматриваться как часть универсальной утопии мессианского типа.

Участвуя в столь разнообразных освободительных и преобразовательных движениях, будучи их рядовыми членами, становясь их лидерами и вождями, евреи, как правило, не задавались вопросом о собственной – личной или национальной – выгоде. Они были движимы отнюдь не желанием получения личной выгоды в сочетании с манией величия, но мессианским комплексом, выразившимся в страстной жажде устранения несправедливости, дополняющейся ощущением своей обязанности предпринять ради этого те или иные конкретные шаги. Таков первичный

импульс, лежащий в основе радикальной политической деятельности евреев; даже если потом к нему присоединяются иные мотивы и желания, исходной точкой является все-таки стремление помочь страждущему, исправить несовершенства этого мира.

Еврей не задает себе естественный, казалось бы, вопрос: кто тебя поставил судьей? Кто дал тебе право решать? Однако этот вопрос не раз звучал из уст представителей иных народов, чувствовавших в еврейском вмешательстве скрытую угрозу; нередко его задавали те самые люди, ради светлого будущего которых и боролись евреи. Разумеется, помощь евреев (не только вождей, но и рядовых участников революционных движений), часто принималась с благодарностью, но все же даже благодарность нередко сопровождалась отторжением: а тебе какое, собственно говоря, дело до моих проблем? Зачастую естественным следствием подобных вопросов становились подозрения в том, что помощь униженным и оскорбленным является лишь прикрытием для каких-либо неблагоприятных личных интересов. Так или иначе, подлинные мотивы, толкавшие евреев на самопожертвование, на бескорыстное служение иным народам, так и остались непонятыми.

Во всех поколениях встречались религиозные люди, которые просто не могли поступать иначе, ощу-

щая свою обязанность (как евреев) способствовать освобождению мира от страданий. Однако так же действовали и те, чье мировоззрение было далеко от иудаизма. Многие были движимы подсознательным импульсом, влечением, которое они сами не могли толком объяснить.

Участие евреев в радикальных политических движениях объясняется отнюдь не давлением со стороны и не их личной выгодой, но подсознательным стремлением положить конец страданию – причем, в первую очередь, страданию других. Как мы помним, первый освободитель в истории еврейского народа, Моше, на заре своей богатой событиями жизни убивает египтянина, избивавшего еврея. Никто не требовал от приемыша фараона вступаться за несправедливо обиженного. Он руководствовался тем же непреодолимым стремлением помочь страждущим, устранить несправедливость. Его не остановили ни неблагодарность тех, за кого он вступился, ни их активное противодействие. Ведь он пришел к ним на помощь не по их просьбе, но повинувшись собственному внутреннему голосу, своей мессиянской идее.

Подобное стремление находит выражение отнюдь не только в радикальных, революционных течениях или общественной деятельности. Оно проявляется и в частной жизни, на повседневном уровне. Тот же

импульс, который толкает одного человека к вступлению на путь политической активности, приведет другого к выбору профессии врача или раввина. Они движимы одной и той же внутренней силой, принимающей разные формы в зависимости от характера людей или от условий, в которых они находятся. Это тождество не так-то легко разглядеть с самого начала. И все же юный революционер-атеист, основавший в какой-нибудь стране движение национального освобождения, солидный врач, лечащий больных, утомленный педагог, из последних сил обучающий чужих детей, раввин, пытающийся решить личные проблемы прихожан, – все они движимы одним и тем же подсознательным импульсом, мечтой еврейского ребенка: стремлением стать Мессией.



## Об авторе

**Р**аввин (рав) Адин Штейнзальц (Эвен-Израэль) – духовный наставник, мыслитель, общественный деятель, популяризатор Талмуда – является одним из наиболее влиятельных авторитетов еврейской культуры нашего времени. Журнал «Time» (1988) назвал его «одним из тех ученых, которые рождаются раз в тысячелетие.» Деятельность раввина Штейнзальца получила высокую оценку и признание. Он является лауреатом высшей государственной награды - национальной Премии Израиля (1988), Премии президента и главы правительства в память о Залмане Шазаре (2002), Президентской медали (2012).

Адин Штейнзальц родился в 1937 году в Иерусалиме в светской семье, далекой от соблюдения заповедей. Во время учебы в средней школе, а затем в Еврейском университете в Иерусалиме, где он изучал химию и физику, Адин Штейнзальц уделял много времени и изучению иудаизма. Некоторое время учился в хабдской йешиве в Лоде.

По окончании университета занимался публицистикой и преподавательской деятельностью. Разработал оригинальный метод обучения и возглавил экспериментальную среднюю школу в Негеве. В свои 24 года он стал самым молодым директором школы в Израиле.

В 1965 году женился на Саре (урожденная Азинова). Ребицен Сара родилась в Самарканде, куда была эвакуирована ее семья из местечка Климовичи (Беларусь).

В том же 1965 году основал Израильский институт талмудических публикаций и начал работу над расширенным переводом на современный иврит Вавилонского Талмуда и подробным комментарием к нему. Этот грандиозный проект был завершен в ноябре 2010 года. Кроме перевода на современный иврит Талмуд переводился также на английский (проект был успешно завершен в августе 2019), французский, испанский и русский языки. Издание

Талмуда Штейнзальца пользуется огромной популярностью. На настоящий момент общий тираж изданий на разных языках насчитывает более двух миллионов томов.

Творчество раввина Штейнзальца не ограничивалось работой над изданием Талмуда, им написано более 80 книг и сотни статей (1381 titels), относящихся к различным, от зоологии до теологии и общественных отношений. Одним из наиболее популярных произведений является посвященная каббале книга «Роза о тринадцати лепестках», переведенная на восемь языков, том числе на русский.

Важная часть деятельности раввина Штейнзальца – просветительство, педагогика, распространение знаний о еврейской культуре. Им было основано несколько образовательных учреждений в Израиле: сеть средних школ «Мекор Хаим», программа которых совмещала традиционные еврейские предметы с общеобразовательными; йешива в Текоа (основана в 1999 г.); Центр Штейнзальца по изучению иудаизма (основан в 2006 г.).

Особая строка в биографии р. Штейнзальца – его деятельность в странах СНГ и России. В 1989 году совместно с академиком Евгением Павловичем Велиховым им была открыта в Москве Академия мировых цивилизаций, которая являлась первым

постсоветским образовательным учреждением, где официально изучался иудаизм. Раввин Штейнзальц также стоял у истоков основания Еврейского университета в Москве. Им был создан Институт изучения иудаизма в СНГ, выпускавший просветительскую литературу, переводы классических еврейских текстов, пособия по изучению иудаизма, а также проводивший регулярные образовательные программы на русском языке. В 1995 году р. Штейнзальцу было присвоено звание главного духовного раввина России.

Раввин Штейнзальц всегда подчеркивал свою принадлежность ХаБаДу, поддерживал дружеские отношения с Любавическим Ребе (Менахемом-Менделем Шнеерсоном). Именно по совету Ребе в 1991 году он сменил свою фамилию на Эвен-Израэль. Одна из последних книг р. Штейнзальца – биография Любавического Ребе, в основе которой лежат личные воспоминания.

Будучи блестящим лектором, р. Штейнзальц не раз приглашался в различные университеты мира, такие как Сорбонна, Оксфорд, Колумбийский, Йельский, Кептаунский, Мельбурнский, Пекинский, Шанхайский, Международный исследовательский центр Вудро Вильсона в Вашингтоне, Институт перспективных исследований в Принстоне и др. Он имеет

звание почетного доктора Университета им. Бен Гуриона (Беэр - Шева, Израиль), Бар-Иланского университета (Рамат - Ган, Израиль), Йешива-Университета (Нью-Йорк, США), Брандейского университета (Массачусетс, США), Международного университета Флориды.

Раввин Адин Штейнзальц умер 17 -го ава 5780 года (7-го августа 2020) и был похоронен в Иерусалиме на Масличной горе на участке ХаБаДа. Еще при жизни раввина его сыновья были вовлечены в работу Центра Штейнзальца. На сегодняшний день старший сын - Мени (Менахем) - является директором Центра, младший- Амхайте- руководит проектом «Мишна».

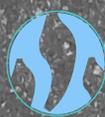


Let  
My  
People  
Know

Книга «Мы, евреи...» написана не для того, чтобы представить наших соплеменников представителям иных народов, не для того, чтобы обсуждать справедливость утверждений о еврейских олигархах и революционерах. Она также не предназначена для ломки стереотипов. Для всего вышеперечисленного требуются толстые академические издания, наверняка не приносящие большой пользы, так как те, кто в них действительно нуждаются, их не читают.

Эта книга - результат самонаблюдений, мысли о ситуации, в которой мы сегодня находимся, о состоянии дел в нашем народе. Я рад, что нашлись те, кто заинтересовался моими размышлениями настолько, чтобы передать их на русском языке. В конце концов, всегда есть большое искушение почитать личный дневник другого человека. Я выражаю им свою искреннюю благодарность и желаю успеха во всех их начинаниях.

Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц) ז"ל



Steinsaltz Center